

дить на работу. По сообщению командира нестроевой роты 55 Сибирского стрелкового полка прапорщика Донченко, 16 июля 1919 г. группа из 11 военнопленных, наряженная на работы по колке дров и прополке картофеля, отказалась выходить – «пленные работать не идут и говорят, что теперь уже мир подписан и работать за 20 рублей они не хотят». Попытка принудить их обернулась стычкой. Военнопленный Франс Польшман «вел себя дерзко, ругался», а потом схватил прапорщика за грудки. В ответ Донченко вытащил револьвер и ударил Гофмана, за которого заступился военнопленный Адольф Гофман, «замахнувшийся на офицера» резиновым буфером. Зачинщики конфликта были арестованы, но при отправке на гауптвахту 17 июля 1919 г. был убит конвоем при попытке к бегству Адольф Гофман. Остальные военнопленные преследованию не подвергались и были отданы «под надзор начальства»¹.

Подводя итоги можно констатировать, что основной посыл положения «О военнопленных» 1914 г., о том, что с военнопленными, «как с законными защитниками своего отечества» необходимо обращаться корректно, уважать их обычаи и веру, не принуждая к обязательным работам, в большинстве случаев соблюдался, но в ряде случаев эти требования нарушались администрацией и охраной лагерей для военнопленных. Однако основные права пленных соблюдались неукоснительно. На факты их принципиального нарушения быстро и четко реагировали как общественные организации, защищающие права пленных (прежде всего Красный Крест), нейтральные государства, являющиеся гарантом соблюдения международного права, так и центральная власть, которая зачастую одергивала местную администрацию в случае вопиющих нарушений.

Приказы военного министерства России и местных военных и гражданских властей строжайшим образом запрещали применение к пленным физических наказаний или длительное заключение их в тюрьмах, не говоря о применении смертной казни. Местная администрация старалась соблюдать законодательные и подзаконные акты по отношению к военнопленным, однако одиночные случаи их нарушения все же допускались, что и подтверждают приведенные выше факты.

¹ ГАИО. Ф. 524. Оп. 2. Д. 500. Л. 5–12.

Исторические портреты

УДК 947.073(571.5)(09)

*Джон Антонио Гонсалес, Новый Южный Уэльс
Кузнецова М. С., Иркутск*

Публицистическая деятельность Н. А. Рожкова в сибирской ссылке

Аннотация. Настоящая статья посвящена публицистической деятельности Н. А. Рожкова, профессионального историка, социал-демократа, меньшевика, постоянного оппонента В. И. Ленина по вопросам внутрипартийной демократии, необходимости Октябрьского переворота, военного коммунизма. В 1910–1917 гг. Рожков был в сибирской ссылке, долго жил в Иркутской губернии, участвовал в издании ряда местных демократических газет. Автор статьи о Рожкове – доктор Джон Гонсалес, директор Исторического научного центра Рожкова в Новом Южном Уэльсе, Австралия, на протяжении многих лет плодотворно исследует творчество Рожкова, уделяя большое внимание и сибирскому периоду его жизни. Настоящую интересную и необычную статью доктор Гонсалес подготовил специально по просьбе редакции «Сибирской ссылки», за что выражаем ему нашу искреннюю благодарность.

Перевод с английского выполнен М. С. Кузнецовой.

Ключевые слова: Николай Рожков, сибирская ссылка, Иркутская губерния, Ленские золотые прииски, экономическое положение рабочих, начало XX века.

*John Antonio Gonzalez, New South Wales
Kuznetsova M. S., Irkutsk*

Publishing activity of N. A. Rozhkov in Siberian exile

Summary. This article is devoted to the journalistic activity of N. A. Rozhkov, a professional historian, Social Democrat, Menshevik, a permanent opponent of V. I. Lenin on issues of

internal party democracy, necessity of the October Revolution, military communism. In 1910–1917 Rozhkov was in Siberian exile, lived for a long time in the Irkutsk province, participated in the publication of a number of local democratic newspapers. The author of the article on Rozhkov is Dr. John Gonzalez, Director of the Rozhkov Historical Science Centre in New South Wales, Australia, for many years has been fruitful in exploring Rozhkov's work, paying great attention to the Siberian period of his life as well. Dr. Gonzalez prepared a real interesting and unusual article specifically at the request of the editorial office of the Siberian Link, for which we express our sincere gratitude to him.

Translation from English is performed by M. S. Kuznetsova.

Key words: Nikolai Rozhkov, Siberian reference, Irkutsk province, Lensky gold mines, economic situation of workers, early 20th century.

Будучи студентом в Университете Вуллонгонг (Новый Южный Уэльс, Австралия), я познакомился с Е. П. Джонстоном (более известным всем как Питер Джонстон). Он был единственным, кто преподавал русскую и советскую историю в Университете Вуллонгонг. Его знания, харизма и политические взгляды сразу покорили меня. Он стал моим наставником и другом. В результате в аспирантуре я начал заниматься русской историей, а не английской литературой или классической философией, как я планировал ранее. До этого я был принят в Университет штата Новый Южный Уэльс в Сиднее в качестве инженера.

Российские и советские исследования были популярны в Университете Вуллонгонг в то время, ведь Питер Джонстон был одним из немногих, кто «защищал» СССР и был готов обсуждать альтернативные политические системы во всем мире. Многие из его учеников, в том числе и я, в той или иной мере были увлечены политикой левых. Для многих из нас было естественным бросить вызов антисоветской и антикоммунистической пропаганде, которую продвигало наше правительство и другие правительства англоязычного мира. Было логично заниматься изучением русской истории в попытках разгадать значение русских революций и важность ленинизма, большевизма, троцкизма, сталинизма и т. д. Принимая во внимание мою любовь к русской культуре, которая была у меня с детства, нетрудно

понять, почему я в итоге занялся изучением русской истории в целом и конкретно Н. А. Рожковым. Я до сих пор читаю В. В. Маяковского, и плакал, когда умер Д. А. Хворостовский.

В 1982 году поступил в аспирантуру по направлению «Российские исследования» и занялся изучением партизанского движения (в том числе в Сибири) во время Гражданской войны в России. Однако в начале моего исследования Питер Джонстон обратился ко мне с просьбой обратить внимание на другие темы, так как в то время другой его студент хотел поступать в аспирантуру по направлению «Российские исследования» только в том случае, если ему будет предоставлена возможность заниматься тематикой Гражданской войны, на чем специализировался Питер Джонстон. К сожалению, Питер умер до того, как вышла в свет его работа о «Записках о Гражданской войне» В. А. Антонова-Овсеенко. Так как архивные материалы для проведения исследования по Гражданской войне в России были только по одной теме, Питер предложил мне заняться исследованием наследия Н. А. Рожкова. При этом Питер добавил, что, хотя Н. А. Рожкова часто упоминают в текстах по русской истории и историографии, на английском языке о нем не было написано ничего существенного.

Я начал брать частные уроки русского языка, справедливо полагая, что если исследователь собирается заниматься серьезной научной работой по истории какой-либо страны, то он или она должны по крайней мере иметь возможность читать источники, доступные на языке этой страны. Несмотря на то, что я преподаватель пяти иностранных языков, я до сих пор бываю озадачен некоторыми «тонкостями» русского языка.

Вскоре после начала моего исследования о Н. А. Рожкове я наткнулся на составленные К. В. Сивковым «Материалы для библиографии трудов Н. А. Рожкова» (1928 г.). Затем я провел много лет в поисках работ Н. А. Рожкова, покупая и копируя столько, сколько мог. Эта огромная работа была проделана в то время, когда Россия была столь же непопулярна, как сейчас в Австралии и в других местах. В то время, когда ветры холодной войны сильно ощущались в правительственных и научных кругах, я оказался в России.

В моей первой поездке в Москву, как и во всех моих последующих поездках в Россию, мне очень повезло встретить много за-

мечательных людей; все они дружелюбные, готовые поддержать и достаточно любезные, чтобы терпеть мой неуклюжий русский язык. Первым среди этих людей стал Олег Владимирович Волобуев, который пришел ко мне в гостиницу «Москва» в очень холодную зимнюю ночь в 1993 году. Если я правильно помню, я огорчился, когда он приехал, потому что у меня даже не было водки, чтобы предложить ему выпить. Он уделил мне много своего времени, поделившись со мной своими знаниями не только о Н. А. Рожкове, но и о российской истории в целом, и даже снабдил меня материалами, которые я смог забрать домой. Он не только упростил для меня процесс завершения моей докторской диссертации, но и сделал меня более уверенным в том, что я делаю. С тех пор и по сей день он продолжает это делать. В своей работе о Н. А. Рожкове я многим обязан Олегу. Я в неоплатном долгу перед ним и всеми моими русскими друзьями за все то, что я знаю.

После написания докторской диссертации о Н. А. Рожкове [7] я продолжал читать и переводить его работы, а также выпустил серию публикаций по многим аспектам жизни этого замечательного человека [8]. Я надеюсь продолжать делать это еще много лет. Я основал Исторический научный центр Рожкова в 2005 году, чтобы сохранить его память через понимание и оценку вклада, который он внес в развитие русской общественной мысли. Не менее важно и то, что виртуальное существование Исторического научного центра Рожкова [10] дает всем людям, исследующим Н. А. Рожкова и смежные области истории и историографии, независимо от их местоположения в мире, возможность совместной работы и общения. Благодаря Историческому научному центру Рожкова я установил бесценные партнерские отношения с учеными всего мира, но в основном, конечно, с коллегами из России.

В 2017 году я опубликовал первую англоязычную биографию Н. А. Рожкова под названием «An Intellectual Biography of N. A. Rozhkov. Life in a Bell Jar». Эта работа была опубликована после того, как Олег Волобуев выпустил первую биографию Н. А. Рожкова под названием «Н. А. Рожков: историк и общественный деятель» [2]. Знания Олега и его обширные исследования Н. А. Рожкова и истории России очень помогли мне при подготовке моей работы. Мне посчастливилось поработать

с Олегом над несколькими публикациями о Н. А. Рожкове, и я продолжаю считать большую часть моей работы дополнением к его замечательным достижениям.

Поскольку я хотел понять связь между жизнью и работой Н. А. Рожкова, я решил написать его академическую биографию. Однако я позволил себе порвать с условностями, включив в работу дополнительную информацию – эпилог в форме историографического обзора основной литературы, включающий реабилитацию Н. А. Рожкова после его смерти в 1927 году. В числе российских исследователей (прошлых и нынешних) данной проблемы следует упомянуть В. О. Волобуева, А. А. Иванова, Т. А. Борисову, Д. И. Майдачевского, Н. Л. Рубинштейна, Э. Н. Городецкого, З. Н. Степанову, Н. Ф. Чеботареву, М. Б. Шейнфельда, Н. Н. Тарасову, А. Н. Яковлева, А. Н. Артизова, А. Л. Шапиро, И. А. Андрееву, С. В. Макаrchука, С. П. Исачкина, А. С. Попова, Л. А. Тихомирова, А. Н. Нечухрина, О. Б. Леонтьеву, Е. Е. Михайлову, А. В. Филимонова, Н. Н. Щербакoва, В. П. Корзун, Г. Н. Кочешкова и др. Моя биография также включает в себя наиболее полную библиографию произведений Н. А. Рожкова, которая может помочь будущим исследователям и всем, кто интересуется Н. А. Рожковым, его работой или историческим периодом, в котором он жил.

Есть несколько причин для того, чтобы дополнить написанную мной биографию. После распада Советского Союза обмен знаниями и результатами исследований между российскими учеными и их зарубежными коллегами, работающими над одной и той же темой, значительно улучшился. Тем не менее, справедливо сказать, что необходимо приложить усилия, чтобы уменьшить число повторяющихся исследований у учёных, работающих в условиях интеллектуальной изоляции. Включение краткого обзора современной литературы о Н. А. Рожкове направлено на объединение людей, работающих над похожими темами. Есть много российских исследователей, которые продолжают производить бесценные исследования, которые не публикуются и не распространяются широко за пределами России. В то же время существует много зарубежных исследователей, чьи работы не публикуются в России. Эпилог был моей скромной попыткой исправить недостаток, который, как я считаю, существует в исследованиях и публикациях сегодня. Это был мой

способ улучшения и поощрения академической сети. По сути, это послужило толчком для создания Исторического научного центра Рожкова.

Dr John Gonzalez

Н. А. Рожков в сибирской ссылке и «Иркутское слово»

После ареста царскими властями 30 апреля 1908 года в Санкт-Петербурге Н. А. Рожков был перевезен в Москву, где содержался в основном в Бутырской тюрьме. Там он провел около двух лет, прежде чем был сослан в Сибирь. Н. А. Рожков прибыл в Александровскую центральную пересыльную тюрьму в Иркутской губернии 24 мая 1910 года. Хотя поездка заняла 28 дней, фактически только 13 дней были потрачены на дорогу – остальные 15 Н. А. Рожков провел в камерах пересыльных тюрем по пути.

Н. А. Рожков понимал, что ему предстоит провести много лет в Сибири в изгнании, поэтому он решил узнать как можно больше об этой части России и осмыслить ее историческое развитие. Чем больше Сибирь очаровывала Н. А. Рожкова, тем сильнее было его желание исследовать ее историю. Его вклад в изучение этого края был воистину колоссальным, поэтому ни одно исследование сибирской историографии не будет полным без упоминания работы Н. А. Рожкова. Он не только создал одни из первых в своем роде экономических исторических обзоров Сибири, но, возможно, что еще более важно, начал собирать и систематизировать архивные материалы в различных библиотеках, способствуя появлению сибирских исследований (Сибиреведения). Наряду со многими политическими статьями, которые он писал для газет, Н. А. Рожков подготовил очерки обо всех аспектах жизни в Сибири. В период с 1910 по 1917 гг. увидели свет около 436 его публикаций в более чем 22 юридических газетах и журналах по всей Сибири.

В декабре 1911 года Н. А. Рожков получил разрешение жить в Иркутске. По прибытии туда он работал очень усердно, чтобы реализовать свой политический идеал о необходимости создания публикаций, посвященных социал-демократическим идеям. Почти сразу он попал в газету «Иркутское слово». Газета была основана месяцем ранее предпринимательницей П. М. Рыжовой и рабочим по имени А. П. Маркачев. Первая была осуждена за торговлю нелегальной водкой и была вынуждена

передать редакторскую работу А. П. Маркачеву, а печатание газеты поручила В. Лебедеву-Полянскому. Если бы Н. А. Рожков не прибыл в Иркутск в то время, «Иркутское Слово» наверняка постигла бы та же участь, что и многие другие газеты, которые были вынуждены закрыться. С Н. А. Рожковым во главе и Н. Ершовым в качестве его соредатора газета «Иркутское слово» издавалась с 31 октября 1911 года по 28 мая 1912 года. Всего было опубликовано 30 номеров: 8 в конце 1911 года и 22 в 1912 году. Большевик Н. Ф. Чужак-Насимович писал, что «Иркутское слово» было «первой боевой рабочей газетой в Сибири» и «первой газетой, которая была на 100% газетой ссыльных». Он утверждал, что часто не был согласен с Н. А. Рожковым, однако считал его знания и опыт работы с газетами бесценными и поэтому работал в тесном сотрудничестве с ним. В. С. Войтинский писал, что «Иркутское слово» «представляло собой листок понедельничного типа с преобладанием литературно-фельетонного материала, но с неожиданно высказывавшимися научно-марксистскими статьями. Велась газета в резко полемическом, зазорном тоне, и, в общем и целом, довольно неудачно» [1, с. 369]. В. Н. Соколов написал о статье Рожкова следующее: «К концу 1911 г. мы снова имели свой орган – понедельничское «Иркутское слово».

Еженедельная газета, конечно, не ежедневная: часто не было возможности отозваться на злобу дня. Но зато здесь не было и коалиции с прочей демократией – статью в неделю мог дать и каждый из нас».

Давайте рассмотрим, например, что он написал о Лензото.

Лензото – правящий класс защищает свои интересы

Чтобы поддержать свою теорию о том, что правящий класс защищает свои интересы, Н. А. Рожков напомнил читателям о нескольких мерах, недавно предпринятых правительством: массовые исключения из высших учебных заведений, разгром Московского университета, преследование обществ и союзы, арест делегатов на съездах по фабричной медицине, ограничение свободы празднования пятидесятого юбилея освобождения крепостных, преследование печати, трехдневный роспуск Государственной Думы и Совета, проведение закона о западном земстве чрезвычайным постановлением в соответствии со статьей 87, ограничение свободы слова в Государственной Думе, закры-

тие дверей Думы во время обсуждения «неудобных» запросов [5, с. 2].

Н. А. Рожков, судя по всему, считал, что государству нельзя доверять, если оно не возглавляется людьми, преданными идее осуществлять изменения, которых требуют широкие слои общества. Несмотря на его оптимистичный прогноз, что эти изменения произойдут, потому что «жизнь налагает свою всеильную руку на всё и всех» [5, с. 2], он знал о важности активности и кампаний по просвещению людей и развитию их политического сознания. В росте сознательности, самоопределения и самоорганизации всех классов русского общества Н. А. Рожков видел опору грядущего более свободного, менее болезненного для масс развития [5, с. 2].

Поэтому неудивительно, что Н. А. Рожков одним из первых обратил внимание общественности на тяжелое положение рабочих на Ленских месторождениях. Как писал о газете «Иркутское слово» В. С. Войтинский: «Она первая подняла вопрос о положении рабочих на Ленских промыслах, и когда на промыслах вспыхнула забастовка, закончившаяся памятной апрельской бойней, «Иркутское слово» сделало все, что было в его силах, чтобы привлечь общественное внимание к разыгравшимся в бодайбинской тайге событиям» [1, с. 369]. В своей превосходной книге, анализирующей массовые убийства, М. Меланкон отметил, что «видные социал-демократы, такие как Н. А. Рожков и несколько других, связанных с газетой «Иркутское слово», помогли организовать Ленские забастовки в их городе» [9, с. 122]. Н. А. Рожков был арестован полицией и наказан за всю свою агитационную работу и сочинения, поэтому был вынужден покинуть Иркутск после выборов в Думу 1912 года, чтобы жить в Киренске, примерно в 950 километрах к северу от Иркутска.

Н. А. Рожков написал две статьи о бойне на Ленских месторождениях вскоре после того, как она произошла. В первой из них от 23 апреля 1912 года он изложил свой взгляд на основные факторы, которые привели к бойне. Его анализ трагичных событий на золотых приисках может также использоваться для изучения русских революций 1917 года. Используя свой научный подход при объяснении исторических событий, Н. А. Рожков заявил, что «рабочие на золотых приисках на тот момент уже достигли того уровня своего классового сознания, при кото-

ром грубая эксплуатация их труда становится невозможной» [4, с. 1]. Н. А. Рожков также отмечал, что «их способность к организованной, сознательной, культурной защите своих интересов знаменует собой наступление нового периода хозяйственного развития Сибири – периода культурного капитализма. Сибирь больше не хочет быть колонией, простым источником, из которого беззастенчивые хищники всеми возможными средствами выкачивают для себя богатства» [4, с. 1]. В данной статье он также пишет, что необходимо распространить на Сибирь фабричное законодательство и государственное страхование рабочих; также признавал необходимость организаций рабочих – профессиональных союзов, потребительных товариществ, клубов [4, с. 1].

Рабочие Ленской Золотодобывающей Компании должны были бастовать и принимать меры из-за того, как было организовано и на каких принципах действовало Лензото (Ленское золотопромышленное товарищество). Н. А. Рожков назвал эту компанию «типичным колониальным промышленным предприятием»; Лензото было иностранным предприятием, ведь около 70 % их акций принадлежали британской акционерной компании «Lena Goldfields», которой руководил Альфред Гинцбург. Это означало, что основная часть прибыли уходила за рубеж. Впрочем, по мнению Н. А. Рожкова, это не имело значения. Однако, как мы видим сегодня во всем мире, такая эксплуатация принимающей страны заставляет своих работников мобилизоваться, чтобы требовать не только лучших условий труда и заработной платы, но и настаивать на том, чтобы большая часть прибыли реинвестировалась в местное общество. Н. А. Рожков с энтузиазмом писал, что «самодетельность сибирских рабочих началась. Нет силы, которая теперь могла бы ее уничтожить» [4, с. 1]. Однако капитал не собирался передавать контроль над компанией без борьбы. Российский капитал никогда не подвергался испытаниям, поэтому здесь мало с чем можно было сравнивать. Н. А. Рожков утверждал, что «в слепой жажде старого, грубого хищничества сила капитала создала кровавую гекатомбу», «сила капитала стала организующей и будущей сознание» [4, с. 1].

Н. А. Рожков перечислил имена некоторых людей, которые, по его мнению, проявили нежелание вводить и начать разви-

вать прогрессивную, цивилизованную форму капитализма. Было два человека, которых Н. А. Рожков считал представителями «государственной машины» – это были подполковник Н. Н. Кулябко, некомпетентный и противный начальник Киевского охранного отделения, и капитан Н. В. Трещенков, жестокий и амбициозный помощник начальника Иркутского губернского жандармского управления, который назвал себя «тем, кто подавил забастовку». Этим двум архетипам было слишком много терять, если бы старый режим двигался в направлении становления демократии. Н. А. Рожков отметил, что были и другие, которые, подобно этим двум персонажам, во многих отношениях извлекали личную выгоду из хищнической капиталистической системы России. В частности, он упомянул трех человек: Э. Азефа, Л. И. Бродского и Д. Г. Богрова. Для Н. А. Рожкова каждый из этих людей представлял определенный тип личности: двойной агент, современный олигарх и убийца; все они были не затронуты культурой, гневны и склонны к крайним мерам. Таким людям, возможно, удалось бы отвергнуть социальные изменения и «культурные формы», которые идут рука об руку с изменениями, но, в конечном итоге, они обречены на провал и смерть.

К счастью, по словам Н. А. Рожкова, в правящем классе были люди, которые были способны смотреть в будущее и принять культуру, повлекшую за собой изменения. Они были из тех, кто был шокирован бойней на Лене и хотел ввести законодательство, чтобы предотвратить будущие трагедии. С точки зрения Н. А. Рожкова, они осознали необходимость принятия цивилизованной формы капитализма. Проблема, по мнению Н. А. Рожкова, заключалась в том, что законодательная реформа займет слишком много времени, потому что большая часть правительства все еще придерживается лозунга: «Не делай ничего, сдерживай все, выжидай время». В то время как такие взгляды могли быть уместными и своевременными в экономических вопросах, в социальном и политическом плане все, что было необходимо, – это немедленные решительные реформы в демократическом направлении. Без этих реформ было бы больше трагедий, подобных той, что произошла 4 апреля 1912 года в Бодайбо, и поэтому Н. А. Рожков призывал к внедрению «культурных форм» во всех аспектах государственного управления.

Он сделал вывод, что это – гражданский долг лучших, самых вдумчивых, здравых и жизнерадостных в русском народе. В этом отношении, как и во всех других вопросах, независимые действия самых широких слоев населения являются ключом к успеху.

В статье, написанной неделю спустя, 30 апреля 1912 года, Н. А. Рожков повторил свой громкий призыв ко всем протестовать против преступных действий правительства, потому что без массовых действий ужасы, совершенные на Ленских месторождениях, будут повторяться. Н. А. Рожков утверждал, что Ленская трагедия вызвала взрыв негодования во всех слоях русского общества, речь министра внутренних дел А. А. Макарова встретила повсюду порицание, а действия Н. В. Трещеникова и его руководителей резко осуждены. Это, по мнению Н. А. Рожкова, должно было изменить тактику руководства Лензото. В статье «Положение на Лене» он пишет: «Только один путь, казалось бы, остается возможным для властей в данном положении: путь полного и безусловного нейтралитета по отношению к забастовке как таковой, сопровождающегося еще спокойным посредничеством, и путь строжайшего расследования совершенного 4 апреля преступления с удалением лиц, к нему причастных, до решения дела судом» [6, с. 1]. Однако затем он добавляет, что ничего подобного на самом деле не было.

Рабочие, несмотря на массовые убийства, насилие, аресты и преследования, продолжали свою «мирную, культурную, экономическую забастовку», так, как Рожков назвал «безукоризненным поведением», которое «вызывало глубокое уважение» [6, с. 1]. Руководство Лензото и помощник начальника Иркутского губернского жандармского управления Н. В. Трещеников же предпочли продолжать отвечать на забастовку в варварской, абсолютно жестокой и несправедливой манере. Они не только продолжали аресты и обыски домов рабочих и их руководителей, но и совершали набеги на больницы ночью, чтобы арестовать тяжело раненых рабочих. В связи с протестами врачей и персонала больницы многие люди оказались под угрозой из-за необходимости покинуть больницу и вернуться на работу. Н. В. Трещеников и его люди насильно вывезли рабочих и их семьи из своих помещений и перенесли их в плохо построенные сараи, где они продолжали угрожать им. По сути, по словам Рожкова,

они создали осадное положение в полном смысле этого слова [6, с. 1]. Он считал, что это осадное положение дало основным акционерам возможность манипулировать фондовым рынком. Цена акций компании стала «искусственно низкой», и это позволило основным акционерам купить больше акций по очень низкой цене. В дальнейшем им было необходимо поднять цену акций. В этом кратком, хотя и довольно грубом взгляде на то, как эта многонациональная компания работала в Сибири, Н. А. Рожков указал на чрезвычайно важный фактор, объясняющий фундаментальную слабость, присущую капитализму. Эта слабость все еще определяет связь между трудом и капиталом и классовый конфликт, который возникает между ними; конфликт, который существует сегодня почти в каждой стране на планете.

В жестоком классовом конфликте, имевшем место на Ленских месторождениях, была неразрывная связь между Ленским товариществом и Н. В. Трещенковым, причем последний зависел от первого. Рабочие, как выразился Н. А. Рожков, «были доведены до отчаяния в полном смысле этого слова» [6, с. 1–2]. Как бывший делегат от рабочих Евгений Вострых так отчаянно заявил в телеграмме, опубликованной неделей ранее в «Иркутском слове»: «Неужели мы не встретим нигде защиты?» [3, с. 2]. Поблагодарив рабочих из Хельсинки, Финляндия, которые направили телеграмму поддержки с выражением искренних соболезнований родственникам погибших рабочих, Е. Вострых, очевидно, хотел мирного урегулирования ужасающей ситуации в Лене. Н. А. Рожков завершил свою статью словами: «Молчать нельзя при виде всего этого. Кто теперь по такому поводу молчит, тот делается соучастником великого преступления. Все живые, здоровые силы общества должны напрячь всю свою энергию, чтобы прекратить Ленские ужасы» [6, с. 2].

Желая проинформировать людей об актуальных политических проблемах, чтобы повысить уровень их сознания, Н. А. Рожков также применял и развивал свою меньшевистскую интерпретацию социального развития. Они, конечно, неразделимы, потому что без поддержки большинства людей было бы невозможно проводить мирные социал-демократические реформы через парламент. На более личном уровне для Н. А. Рожкова было бы немыслимо создать какую-либо ассоциацию или груп-

пу, которую он хотел бы возглавить или представлять в будущем парламенте, без поддержки его рядового состава.

Библиография

1. Войтинский В. С. Годы побед и поражений. В 2 т. Т. 2. На ущербе революции. Берлин, 1924. 411 с.
2. Волобуев О. В. Н. А. Рожков: историк и общественный деятель / О. В. Волобуев. М.: Собрание, 2012. 320 с.
3. Вострых Е. По телеграфу с Лены // Иркутское слово. 1912. 23 апр.
4. Р-ов Н. А. Движущие силы и ближайшие последствия Ленской трагедии // Иркутское слово. 1912. 23 апр.
5. Р-ов Н. А. Минувший год в России // Иркутское слово. 1912. 2 янв.
6. Р-ов Н. А. Положение на Лене // Иркутское слово. 1912. 30 апр.
7. Gonzalez J. A. Nikolai Aleksandrovich Rozhkov (1868–1927): historian and revolutionary // University of Wollongong thesis collection 1954–2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://ro.uow.edu.au/theses/1436/> (дата обращения: 08.11.2019).
8. Major Publications // Rozhkov Historical Research Centre [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rozhkovcentre.org/Publications.html> (дата обращения: 10.11.2019).
9. Melancon M. The Lena Goldfields Massacre and the Crisis of the Late Tsarist State. – College Station : Texas A&M University Press, 2006. 264 p.
10. Rozhkov Historical Research Centre [Электронный ресурс]. URL : www.rozhkovcentre.org (дата обращения: 10.11.2019).

УДК 947.083(092)

Кудряшов В. В., Братск

Виктор Мандельберг на II съезде РСДРП

Аннотация. Статья посвящена одной из важных страниц в жизни и деятельности Виктора Мандельберга, одного из первых ссыльных марксистов в Восточной Сибири, делегата II съезда РСДРП от Сибирского социал-демократического союза. Автор на основе широкого круга источников выяснил роль Мандельберга в обсуждении ключевых вопросов съезда.

Ключевые слова: политическая ссылка, российская социал-демократия, «Искра», II съезд, меньшевики, большевики.

Viktor Mandelberg on the second congress of the RSDWP

Abstract. The article is devoted to the important page of life and political activities of V. Mandelberg, one of the first marxists in Eastern Siberia, the delegate of the second congress of the RSDWP from Siberia. On the basis of various sources the author of article appraises his role in the second congress of party.

Keywords: Political exile, Russian social democracy, Iskra, the second congress, Bolsheviks, Mensheviks.

История КПСС изучена достаточно подробно и глубоко, включая вопросы острой внутрипартийной борьбы на заре создания партии и в период строительства советского государства. В советской историографии превалировала тенденциозность в освещении ключевых моментов истории партии: большевики всегда были правы, меньшевики оставались прислужниками буржуазии. Главное внимание уделялось В. И. Ленину и его соратникам как создателям большевистской партии. В воспоминаниях о II съезде Н. К. Крупская, М. Н. Лядов, Ф. В. Ленгник, А. В. Шотман, С. И. Гусев и другие упоминали только сторонников лидера большевиков, абсолютно игнорируя представителей меньшевистского крыла партии [2]. Конечно, обойти вниманием «первого русского марксиста» Г. В. Плеханова и Ю. О. Мартова как одного из создателей партии и лидера меньшевизма, историки партии не могли. Но полноценные, лишенные идеологических штампов исследования об этих видных деятелях РСДРП и меньшевизма появились уже в постсоветский период [18; 20].

К сожалению, некоторые участники исторического съезда оказались незаслуженно забыты и даже были вычеркнуты из истории по идеологическим причинам в советский период. После снятия идеологических ограничений исследователями предприняты шаги по восстановлению исторической справедливости и возвращению забытых имен.

Среди таких забытых деятелей начала XX века находится имя Виктора Евсеевича Мандельберга, стоявшего у истоков сибирской и российской социал-демократии. Краткая биография В. Е. Мандельберга была представлена еще на страницах Сибир-

ской советской энциклопедии, третий том которой успел выйти до корректировки И. В. Сталиным процесса исторических исследований [13]. Авторы указали на факт делегирования Мандельберга на II съезд от Сибирского социал-демократического союза.

В 1930-е годы в условиях борьбы с меньшевистскими оценками истории партийного строительства М. К. Ветошкин заложил ставшие господствующими в советской историографии подходы к оценке делегатов II съезда от Сибирского союза как «фальшивого представительства». Всю вину он возложил на «бывшего экономиста» В. Гутовского, который «единолично выдал мандат от имени Сибирского союза Троцкому и другу его – иркутскому врачу Мандельбергу» [14, с. 106]. Следует отметить, что Мандельберг и Троцкий никогда не были друзьями. Троцкий в своих воспоминаниях ни разу не упоминал фамилию руководителя Иркутского комитета Сибирского социал-демократического союза.

В. Е. Мандельберг

Н. В. Блинов в своей монографии указывал, что вопрос о представительстве на съезде «гораздо сложнее той трактовки, которую дал М. К. Ветошкин» [1, с. 200]. Он отметил по-

ложительную роль В. Мандельберга в «распространении марксистских взглядов в среде иркутской демократической интеллигенции», в создании социал-демократической организации в Иркутске [1, с. 111], объяснил причины его меньшевизма. Опираясь на письма в редакцию «Искры», он подчеркнул, что Союз, направляя на съезд В. Мандельберга как одного из своих руководителей, учитывал «подготовленность данного лица бороться за строго определенные принципы». Под этими принципами подразумевалась приверженность искровской позиции в вопросе строительства партии.

Взаимоотношения Л. Д. Троцкого и Сибирского социал-демократического союза были непрочными. Троцкий не был его чле-

ном. На этот факт указывал Г. Чернавский в своей монографии [21, с. 58]. Приезжая в Иркутск из Верхоленьска, где он отбывал ссылку, Лев Давидович эпизодически выступал с рефератами перед членами иркутской организации и получал марксистскую литературу. Хотя в своих воспоминаниях он указывал на «тесные связи с Союзом», тем самым оправдывая свой мандат делегата съезда [15, с. 182]. Как отмечал Н. Блинов, мандат Л. Троцкому был фактически «продавлен» редакцией «Искры», о чем свидетельствует письмо Н. К. Крупской Томскому комитету [1, с. 201]. Литературно-публицистический опыт Бронштейна в Сибири и Самаре, его манера уверенно держаться даже при общении с корифеями русской социал-демократии с восторгом были приняты в эмигрантской среде. Поэтому у некоторых членов в подготовительном комитете съезда появилась мысль сделать Троцкого делегатом от Сибирского союза, что и удалось осуществить.

На рубеже 1990–2000-х годов появились работы с новой оценкой роли В. Е. Мандельберга в истории сибирских социал-демократических организаций. Ю. П. Родионов, рассматривая воспоминания В. Мандельберга, назвал их «важным историческим источником, незаслуженно забытым по идейно-политическим мотивам». С. П. Звягин и В. А. Самоделкин предприняли попытку проследить участие В. Мандельберга в революционных событиях 1917 г. и его деятельность в Иркутске и Чите в условиях гражданской войны [4]. Автор данной статьи предпринял шаги по более глубокому изучению отдельных страниц биографии В. Мандельберга в период его сибирской ссылки [7].

Но в современных исследованиях о жизни и деятельности В. Е. Мандельберга вне поля зрения историков до сих пор остается вопрос о его участии в работе II съезда РСДРП. Этот пробел необходимо восполнить, благо источниковая база позволяет это осуществить. В первую очередь, это протоколы II съезда РСДРП и другие материалы, находящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории. Впервые протоколы съезда были опубликованы отдельным изданием в Женеве еще в 1904 г. Этим изданием пользовался В. И. Ленин при написании ряда работ, в которых изложил свой взгляд на прошедшие события и дал оценку своим оппонентам. Особый интерес представляют издания 1924 и 1932 гг., они сопрово-

ждались вступительной статьей, заключением и примечаниями, подготовленными П. Н. Лепешинским. Последний раз протоколы съезда были переизданы в 1959 г. Они позволяют отследить все выступления делегатов, включая реплики, их голосование по всем вопросам повестки заседаний, определить и понять их роль в работе съезда.

Важным источником при написании данной статьи, как и при изучении всей биографии В. Мандельберга, являются его воспоминания «Из пережитого», вышедшие в Женеве в 1910 г. В них автор рассказал не только о своем пути в революционное движение, но и показал свою роль в организации Сибирского социал-демократического союза, в его деятельности. Особый интерес представляет мнение В. Мандельберга о раскладе сил на II съезде, роли лидеров и его оценка съезда для развития революционного движения в России.

Политссыльные в Иркутске. Верхний ряд, второй слева – В. Е. Мандельберг. 1901 г.

Путь В. Е. Мандельберга в политическую борьбу против самодержавия начался в Петербурге, где он приобщился к марксизму и рабочему движению. Процесс формирования Мандельберга как профессионального революционера завершился в сибирской ссылке. Он принял активное участие в формировании первого Иркутского комитета РСДРП. Затем В. Мандельберг как представитель Иркутска участвовал в переговорах о созда-

нии Сибирского социал-демократического союза и стал одним из его руководителей.

Потребность в объединении и сотрудничестве с другими подобными организациями привела Сибирский союз к взаимодействию с редакцией «Искры», на страницах которой в тот период была опубликована статья В. Ленина «С чего начать?», обсуждались вопросы тактики, активно пропагандировались проекты Программы и Устава партии. Газета пользовалась в среде социал-демократов необыкновенным влиянием, ее номера ожидали с громадным нетерпением, зачитывали до дыр, передавая из рук в руки. Материалы не только читали, их изучали. Работу В. Ленина «С чего начать?» Мандельберг назвал «Евангелием искровцев» [10, с. 38]. Под влиянием «Искры» в результате внутренней идейной борьбы Сибирский союз освобождался от черт «экономизма» и кустарничества. Как отмечал в своих воспоминаниях В. Мандельберг, «Искра» постаралась создать идейное объединение... Она выработала проект программы для партии и своей последовательной, энергичной и талантливой пропагандой ее действительно создала базис, вокруг которого начали собираться социал-демократические организации» [10, с. 37]. От имени Союза и Иркутского комитета В. Мандельберг направил несколько материалов в газету. На этот факт указывал П. Н. Лепешинский в предисловии к одному из первых полнотекстовых материалов «Искры» [5, с. 12]. Г. Н. Крамольников в своих воспоминаниях называл доктора В. Е. Мандельберга «твердым искровцем» [6, с. 23].

В конце мая 1903 г. закончился срок ссылки, и Мандельберг, имея на руках мандат от Сибирского союза, через Женеву отправился в Брюссель, затем в Лондон, где под фамилией Посадовского и Бюлова принял участие в работе II съезда РСДРП. В Женеве В. Мандельберг участвовал в совещаниях по обсуждению вопросов, вынесенных на съезд. Такие встречи позволили прояснить позиции по ключевым вопросам, познакомиться с товарищами по совместной борьбе, понять позиции противников «Искры». Подавляющее большинство участников съезда занимали проискровскую позицию, были «искристами», по выражению В. Мандельберга. Ленин в «Рассказе о II съезде РСДРП» называл их «искряками». Но впоследствии с подачи В. Ленина приверженцев «Искры» разделили на твердых и мягких, т. е.

сторонников В. Ленина и Ю. Мартова в вопросах строительства партии.

Кандидатура В. Мандельберга была предложена в комиссию по проверке полномочий делегатов, но не набрала необходимого большинства [12, Д. 3. Л. 40]. Следует отметить, при голосовании он сумел опередить Троцкого, также баллотировавшегося в комиссию.

Участники II съезда Российской социал-демократической рабочей партии 1903 г.

В. Мандельберг выступал на 13 из 37 заседаний съезда, подавал реплики, вел протокол утренней части 20-го заседания 1 (14) августа 1903 г., когда шло обсуждение аграрной части программы. В рамках обсуждения регламента работы съезда Мандельберг заметил: «Решения съезда обязательны для всей партии» [12, Д. 3. Л. 12]. Он считал, что резолюции, как обязательные документы для работы партийных организаций, должны приниматься абсолютным большинством участников съезда. Предложение В. Мандельберга косвенно легло в основу регламента работы съезда: принятое предложение Махова (Д. П. Калафати) предполагало переголосование и, в конечном итоге, необходимое большинство [3, с. 416].

При обсуждении вопроса о месте и роли Бунда в партии развернулась острая дискуссия, в которой В. Мандельберг принял

участие. Указав на взаимодействие еврейского пролетариата с другими народами в борьбе за свои права, он поддержал позицию Ю. Мартова, Л. Троцкого и других, высказавшихся за единство организационного построения партии с определенной самостоятельностью ее частей. [12, Д. 10. Л. 2].

При обсуждении положений Программы партии В. Мандельберг неоднократно брал слово. Особенное внимание делегатов привлекли его слова при рассмотрении вопроса о выборах в представительные органы власти. Он заявил: «Мы не сходимся по следующему основному вопросу: *нужно ли подчинить нашу будущую политику тем или другим основным демократическим принципам, признав за ними абсолютную ценность, или же все демократические принципы должны быть подчинены исключительно выгодам нашей партии?* Я решительно высказываюсь за последнее. Нет ничего такого среди демократических принципов, чего мы не должны были бы подчинить *выгодам нашей партии...* Как партия революционная, стремящаяся к своей конечной цели – социальной революции, – мы исключительно с точки зрения скорейшего осуществления этой цели, с точки зрения выгоды нашей партии должны относиться к демократическим принципам. Если то или другое требование будет невыгодно нам, мы его не будем вводить» [3, с. 181]. (Курсивом выделен текст в Протоколах. Так же выделены эти слова в работе В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад». Возможно, такое выделение сделано с подачи лидера большевиков. – Авт.). Г. В. Плеханов поддержал Мандельберга, отметив, что революционеры не должны рассматривать принципы демократии отвлеченно, а только в рамках основной задачи партии. В. И. Ленин в своем анализе материалов II съезда посвятил этому эпизоду целую страницу, назвав слова Посадовского «справедливым замечанием» [9, с. 210].

Ряд выступлений В. Мандельберга на съезде напрямую связан с его профессиональной деятельностью. Акушер-гинеколог по образованию, врач общей практики он прекрасно ориентировался в проблемах охраны здоровья женщин и детей, санитарного состояния на производстве. Отстаивая право женщин на грудное вскармливание ребенка, Мандельберг ссылаясь на мировой опыт и настаивал на обязательной регламентации условий труда кормящих женщин. Требуя включения пункта об

обустройстве яслей при заводах и фабриках, он пояснял, что это должны быть специализированные помещения, отвечающие гигиеническим нормам [3, с. 201]. Яркая и убедительная речь Мандельберга сыграла свою роль, и пункт о яслях был включен в Программу.

В. Мандельберг внес предложения по повышению персональной ответственности предпринимателей, вплоть до уголовной, за утрату рабочими трудоспособности. Он сформулировал целый параграф поправки, но его предложение не прошло. Была принята формулировка, предложенная комиссией [3, с. 202–204].

Поправка Мандельберга была принята при обсуждении вопроса о фабрично-заводской инспекции, ее врачебно-санитарной организации [3, с. 206].

В ходе обсуждения аграрной части Программы партии Мандельберг высказался против поправки Лядова (М. Н. Мандельштама), которая, по его мнению, нарушала цельность всего отдела этой части программы. Плеханов, а затем и Мартов согласились с толкованиями Посадовского. Ленин тоже высказался против формулировки Лядова [3, с. 234]. В результате поправка была отклонена. При обсуждении вопроса о конфискации церковных земель в пользу крестьян Мандельберг предлагал добавить фразу «а также кабинетских», но был категорически против включения в перечень отчуждаемых латифундиарных земель, что фактически означало экспроприацию крупных землевладельцев, но что, по его мнению, «не вытекало из нашей программы *minimum*» [3, с. 237–238].

Принципиальным в судьбе партии стало обсуждение Устава. Споры вокруг формулировки первого параграфа о членстве фактически привели к расколу нарождающейся партии. Как известно, В. Ленин выступал за строго централизованную организацию с обязательным участием каждого члена в ее работе. Ю. Мартов считал возможным расширенное толкование членства в партии, оказание ей регулярного содействия в работе. Мандельберг, выступая одним из первых по данному вопросу, обозначил свою позицию: «Нельзя ограничивать всю сумму членов партии суммой заговорщиков, но выражение «под контролем» не ясно определяет соотношение внутри партии, и я предлагаю заменить его выражением «под руководством» [3, с. 263]. В воспоминаниях В. Мандельберг так охарактеризовал дискус-

сию двух лидеров: «Ленин хотел резкими границами очертить партию, он понимал ее как точно очерченный, определенный организм. Мартов делал переход партии в класс менее резким, менее определенным, он растворял эти границы в классе, из ко-

торого должна была расти партия» [10, с. 36].

Вопросы о Совете партии, его роли, взаимоотношениях центра и местных партийных комитетов тоже вызвали бурные дебаты. Мандельберга как представителя Сибирского союза очень интересовал вопрос о необходимости и роли районных объединений [3, с. 330]. Делегаты с мест – Карский (Д. А. Топуридзе), Ланге (А. М. Стопани), Костров (Н. Н. Жордания) – поддерживали тему взаимодействия комитетов на уровне территориальных объединений. Мандельберг высказался за необходимость создания особых комитетов в отдаленных или имеющих специфические условия местностях

[3, с. 333]. Резолюция о районных организациях, предложенная Посадовским, была достаточно витиеватой и сложной для восприятия и была отклонена. Принятая резолюция Карского (Д. А. Топуридзе) и Кострова (Н. Н. Жордания) также несла в себе идею В. Мандельберга. Впоследствии ЦК направлял своих представителей в различные области России для постановки работы или восстановления комитетов партии.

Выступление В. Мандельберга при выборах редакторов Центрального органа – редакции «Искры» – вызвало острую дискуссию. Он категорически высказался против предложения Русова (Б. М. Кнунянца) о трех редакторах. Мандельберг настаивал на сохранении старого состава редакции. Он убеждал делегатов, что прежний состав коллектива «Искры» подготовил данный съезд,

вокруг газеты объединились все здоровые силы российской социал-демократии. Возможно, как полагал Мандельберг, внутри коллектива «могли быть шероховатости», но не следует «входить в разбор того, кто из старой редакции и какую роль играл в создании «Искры». «Выбирая из шести лиц старой редакции трех, вы этим самым трех других признаете ненужными, лишними. А вы для этого не имеете ни права, ни основания» [3, с. 358, 363]. По предложению Мартова все члены редакции покинули зал заседания, чтобы не оказывать давление на делегатов при обсуждении вопроса и голосовании. Фраза Мандельберга о «шероховатостях» была повторена в ходе дискуссии несколько раз. В. Ленин также использовал эту фразу в заочной полемике с представителями меньшинства на страницах своей работы «Шаг вперед, два шага назад» [9, с. 303]. В конечном итоге, было принято предложение о трех редакторах ЦО.

Указывая на расхождение в вопросах организационного построения партии, Мандельберг писал в воспоминаниях: «Ленин стоял за большую централизованность, за большее подчинение периферии центру, за меньшую зависимость центра от периферии. Мартов выступал за демократичность организации, за большую децентрализацию, за большее влияние периферии на центры, за большее проведение избирательного принципа» [10, с. 37–38].

Анализируя итоги съезда, В. Мандельберг задавался вопросом, что он дал партии. Оценка была неоднозначна. С одной стороны, удалось собрать разрозненные социал-демократические организации для выработки общей программы. Удалось победить экономизм как течение в рабочей среде. Но этим достижения исчерпывались. Добиться прочного единства не получилось: «Бунд ушел, польскую социал-демократию мы оттолкнули... По всей России началось расслоение всех социал-демократических организаций на два лагеря – большевиков и меньшевиков» [10, с. 40]. В. Мандельберг фактически пришел к тому же выводу, что и В. И. Ленин: российская социал-демократия сделала шаг вперед, выйдя из подполья, открыто заявив о себе как о революционной партии. Но одновременно она отступила на два шага назад, расколовшись на два течения внутри партии, не создав реальных центральных руководящих органов.

Особо внимание В. Мандельберг уделил лидеру большевиков В. И. Ленину. Он одним из первых, если не первый, использовал термин «ленинизм» [10, с. 42]. Он отметил, что на протяжении всего периода работы съезда противостояние Ленина и Мартова нарастало, «споры становились все резче, ожесточеннее» [10, с. 37]. По мнению Мандельберга, на съезде Ленин, почувствовав свою популярность, взял курс на укрепление своих позиций, стремился избавиться от представителей старого поколения марксистов в руководстве создаваемой партии. Ему удалось провести собственное предложение о составе ЦО, добиться избрания в ЦК только своих сторонников. С позицией Ленина Мандельберг связывал углубление раскола между большевиками и меньшевиками. Главную причину Мандельберг видел в «специфически ленинском упрощенном отношении и понимании задач партии и сущности революционной борьбы» [10, с. 41]. Отвечая на свой же вопрос о происхождении вражды между Лениным и Мартовым, между большевиками и меньшевиками, Мандельберг называл причиной духоту подполья и заграничных колоний, в которых шел процесс формирования «профессиональных революционеров». «Именно отсюда в Россию ввозилась масса дрязг, интриг... Заграница дала и эту накипь, и этот специфический налет колониальных дрязг, так много вреда причинивший и еще причиняющий нашему движению» [10, с. 42].

Съезд стал знаковым событием в личной жизни В. Е. Мандельберга. В период подготовки съезда он познакомился с Г. В. Плехановым. В ходе работы съезда он проникся к «первому русскому марксисту» безграничным уважением, поражаясь его выдержке и спокойствию в самых напряженных моментах. Знакомство продолжилось в период эмиграции В. Е. Мандельберга после разгона II Государственной думы. Плеханов во время работы конгресса II Интернационала в Штутгарте в 1907 г. познакомил Мандельберга с видными деятелями международного социалистического движения: Ж. Жоресом, А. Бебелем, Ф. Адлером, П. Зингером. Для В. Мандельберга Плеханов навсегда остался учителем и примером профессионального революционера.

В приложениях к Протоколам съезда имеется «Доклад Сибирского союза» [3, с. 671–680], интересный и важный документ для понимания роли В. Мандельберга в деятельности

Сибирского социал-демократического союза и законности его пребывания на II съезде как делегата. Доклад достаточно обширный и представляет собой подробный отчет о деятельности Союза за период с весны 1901 г. по май 1903 г. Автор доклада дал характеристику особенностей социально-экономического развития Сибири в связи со строительством железнодорожной магистрали, отметив ее «деструктивное и организующее влияние». Автор проанализировал этапы развития рабочего движения, выделил три периода. Автор прекрасно ориентировался в событиях, называл точные даты и цифры, знал состояние и состав комитетов в Иркутске, Красноярске, Томске, Чите, Омске.

В докладе особое место уделено раскрытию роли «Искры» в формировании взглядов местных социал-демократов. Такой подробный доклад мог подготовить только человек из руководящего состава Сибирского союза, имевший прочные связи с местными комитетами. Таким человеком и был Виктор Мандельберг. На это указывает и отчетный период в докладе. Но важнейшим доказательством в пользу авторства Мандельберга выступает стилистика и литературный слог автора доклада, совпадающий со стилем написания воспоминаний «Из пережитого». Третья и четвертая главы воспоминаний В. Мандельберга посвящены периоду его пребывания в ссылке в Иркутске и участию в работе съезда. В них он раскрыл свою роль в создании и деятельности Сибирского социал-демократического союза, Иркутского комитета. Мандельберг указал на место «Искры» в объединении российской социал-демократии. Все эти моменты отражены в докладе Союза практически в тех же выражениях. Поэтому можно сделать вывод о том, что автором доклада Сибирского союза II съезду РСДРП был В. Е. Мандельберг.

В завершении нельзя не остановиться на еще одном аспекте участия делегатов Сибирского союза во II съезде РСДРП. По итогам его работы был опубликован Отчет сибирской делегации. Он был написан от имени обоих делегатов Сибирского союза, но на титульном листе фигурировала одна фамилия – Н. Троцкий. Автор отчета пришел к выводу, что «съезд не оправдал ожиданий: он не только дал многое, но и отнял многое» [16, с. 5]. Своей брошюрой Л. Троцкий продолжил начатую на съезде борьбу за собственное влияние в партии, вступил в острую полемику с В. Лениным. Лидера большевиков он назвал

«партийным дезорганизатором», сравнил с Робеспьером. Победу сторонников В. Ленина он охарактеризовал «победой не централизма, эгоцентризма» [16, с. 27]. Троцкий, в определенном смысле, оказался провидцем, заявив: «Такой режим обещает слишком много казней и слишком мало хлеба. Он неизбежно вызовет разочарование, которое может оказаться роковым для идеи боевой партийной организации» [16, с. 30].

Список литературы и источников

1. Блинов Н. В. Распространение марксизма и формирование социал-демократических организаций в Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1972. 214 с.
2. Воспоминания о II съезде РСДРП. М.: Политиздат, 1973. 167 с.
3. Второй съезд РСДРП: июль-август 1903 г. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959. 850 с.
4. Звягин С. П. В. Е. Мандельберг в годы революции и гражданской войны (1917–1919 гг.) // Страницы истории евреев Сибири в XIX–XX веках: Сб. статей. Красноярск, 2003. С. 172–180; Родионов Ю. П. О «Сибирских фрагментах» воспоминаний В. Е. Мандельберга // Исторический ежегодник. Омск, 1996. С. 52–56; Самodelкин В. А. В. Е. Мандельберг – один из оппонентов колчаковщины // История «белой» Сибири: Тез. докл. второй науч. конф. (4–5 февраля 1997 г.). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 32–34.
5. «Искра». № 1–52. Полный текст. Вып.1. Л., 1925.
6. Крамольников Г. И. О подпольной работе в социал-демократических организациях Сибири // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Вып.4. Томск: Изд-во Томского университета, 1967. С. 3–50.
7. Кудряшов В. В. Политический сыльный В. Мандельберг в истории Иркутска // Сибирская ссылка: Сб. науч.статей. Иркутск: «Оттиск», 2013. Вып. 7(19). С. 491–504; Он же. В. Е. Мандельберг и газета «Иркутские дни» // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2014. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. С. 455–463; Он же. В. Е. Мандельберг и газета «Восточное обозрение» // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2014. № 3 (17). С. 39–43; Он же. Доктор медицины В. Е. Мандельберг // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. С. 528–535; Он же. Депутат II Государственной думы Виктор Мандельберг // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 4 (26). С. 121–127; и др.
8. Ленин В. И. Рассказ о II съезде РСДРП // Полн. собр. соч. Т. 8. С. 1–20.
9. Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад // Полн. собр. соч. Т. 8. С. 185–414.
10. Манбельберг В. Из пережитого. Давос: книгоиздательство «За рубежом», 1910. 145 с.
11. Мартов Л. История российской социал-демократии. Пг.-М.: Книга, 1923. Ч. 1. 215 с.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 34. Оп. 1.
13. Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1932. Т. 3.

14. Сибирский союз РСДРП: к 30-летию большевистских партийных организаций в Сибири. 1903–1933. М., 1935. 141 с.
15. Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 1. М.: Книга, 1990. 328 с.
16. Троцкий Н. Второй съезд РСДРП. Отчет сибирской делегации. Женева, 1903. 36 с.
17. Тютюкин С. В. Меньшевизм: страницы истории. М.: РОССПЭН, 2002. 560 с.
18. Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов: судьба русского марксиста. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.
19. Урилов И. Х. История российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 3. Происхождение меньшевизма. М.: Изд-во «Собрание», 2005. 416 с.
20. Урилов И. Х. Ю. О. Мартов: политик и историк. М., 1997. 470 с.
21. Чернавский Г. Лев Троцкий. М.: Молодая гвардия, 2010. 664 с.

УДК 947.083(092)

Милевский О. А., Сургут

«Мы жертвою пали...»: сыльная биография Константина Филиппова

Аннотация. В статье на основе архивных материалов реконструируется «сыльная биография» революционера-народника К. Н. Филиппова сосланного по решению Харьковского военно-окружного суда в Западную Сибирь. На примере изучения его повседневной жизни на пути в Сибирь и в самой ссылке анализируется политика центральной и местной власти в отношении «политических преступников». Особое внимание уделяется выявлению обстоятельств жизни К. Н. Филиппова в Сургуте в 1881–1882 гг.

Ключевые слова: революционное движение, народничество, самодержавие, политическая ссылка, Западная Сибирь, Тобольская губерния, Обской Север, Сургут, Курган.

Milevsky O. A., Surgut

«We fell victim...»: the exile biography of Konstantin Filippov

Abstract. The article reconstructs the «exile biography» of the revolutionary populist K. N. Filippov on the basis of archival materials. Filippov was exiled to Western Siberia by the decision of

the Kharkiv district military court. On the example of studying his daily life on the way to Siberia and in the exile itself, the policy of the Central and local authorities against «political criminals» is analyzed. Particular attention is paid to the identification of the circumstances of Filippov's life in Surgut in 1881–1882.

Key words: Revolutionary movement, populism, autocracy, political exile, Western Siberia, Tobolsk province, Ob North, Surgut, Kurgan.

Историографическая революция последней трети XX в., в рамках которой произошел знаменитый «антропологический поворот», серьезно повлияла на развитие современной российской исторической науки. Однако акцент на «человеческий стержень» в истории, составивший нерв историографической революции, проявлялся «в различном обличье на разных ее этапах» [11, с. 12]. По мнению Л. П. Репиной, «представляется вполне закономерным новый поворот интереса историков от «человека типичного» или «среднего» к конкретному индивиду [14, с. 25], и им вполне может стать не только яркий герой или «рыцарь без страха и упрека», но и, что называется, человек «второго плана» в истории.

Причем зачастую реконструкция биографии или отдельных фрагментов жизни такого человека в рамках «personal history» не менее увлекательна и познавательна, чем работа над биографией личности мирового масштаба. Более того, иногда именно обращение к подобным, казалось бы, незаметным в истории людям, оказывается чрезвычайно эффективным при освещении исторического прошлого. Особенно плодотворным представляется использование такого подхода при воссоздании более полной истории российской политической ссылки, ведь в глухих углах Средней Азии, Сибири или Русского Севера находились не только крупные революционеры или общественные деятели, но и второстепенные противники самодержавия или даже случайные жертвы обстоятельств.

Более того, основную массу политических ссыльных на всем протяжении XIX в. составляли именно рядовые участники оппозиционных власти движений. Воссоздание ссыльных биографий этих скромных «солдат революции» открывает перед ее исследователями совершенно новые познавательные возможности,

и не следует ими пренебрегать. Одним из таких малоизвестных деятелей российского народнического движения был Константин Николаевич Филиппов.

Свой путь на «ссылную голгофу» Константин Филиппов, как и большинство молодых людей разделяющих «передовые идеи», начал в народнических кружках 1870-х гг. Под влиянием публицистов-демократов 1860-х гг. и под воздействием работ П. Л. Лаврова и М. А. Бакунина радикально настроенная молодежь стала на путь борьбы за осуществление предложенных идеологами народничества идей социального переустройства российского общества на более справедливых социалистических основаниях.

Желание отдать все свои силы на благо народа, вернуть ему «нравственный долг» тогда было доминантой для тех представителей молодого поколения, которые наиболее остро ощущали социальную несправедливость российской действительности. Среди таковых был и К. Н. Филиппов.

К. Н. Филиппов родился 13 сентября 1857 г. в городе Мариуполе Екатеринославской губернии в небогатой дворянской семье коллежского регистратора [20, с. 369]. Он окончил курс гимназии и поступил в Харьковский университет [6, л. 31]. Именно там в 1878 г. К. Н. Филиппов и вступил в кружок студенческой и гимназической молодежи, организованный известной на юге революционеркой Е. Н. Ковальской. Среди членов кружка можно назвать имена известных в будущем народников: Ивана Кашинцева и Алексея Преображенского. Кружок имел тесную связь с «Землей и волей» и в целом руководствовался программой этой организации [10, с. 21].

В конце 1878 – начале 1879 г. Харьков стал ареной серьезных политических потрясений. 15–18 декабря 1878 г. там вспыхнули студенческие беспорядки, окончившиеся избиением, массовыми арестами и высылками студентов, а 9 февраля 1879 г. Г. Д. Гольденберг выстрелом из револьвера убил харьковского губернатора князя Д. Н. Кропоткина [12, с. 99]. В городе начались массовые аресты. Все это вынудило К. Н. Филиппова перейти на нелегальное положение. Он изготовил подложный паспорт на имя Погорелова [6, л. 31об.], по которому и проживал, а затем и вовсе перебрался в Киев. Там 29 ноября 1879 г. его и арестовали. Так начались его арестантские мытарства. Из

Киева его вскоре перевели в Харьковский тюремный замок, где он в одиночной камере и дожидался суда.

Процесс по делу 13-ти членов «Харьковской группы «Народной Воли», проходил в местном военно-окружном суде с 22 сентября по 2 октября 1880 г. [20, с. 369]. Внутриполитическая обстановка в стране в связи с действиями «Народной Воли» была тревожная, и власть «не скупилась» на обвинительные приговоры по политическим делам. К. Н. Филиппов, как и остальные подсудимые, обвинялся «в участии в заговоре, составленном с целью переменить образ правления во всем Российском государстве», а он лично еще и «в употреблении заведомо фальшивой печати от имени Правительственного места и составлении ложного паспорта» [6, л. 31].

Но в целом доказательств преступной деятельности было выявлено немного. Кроме того, судьбе было угодно, чтобы арест К. Н. Филиппова состоялся в самом начале деятельности «Народной Воли», и он не был хоть как-то связан с подготовкой покушений на императора. В результате характер обвинений против него и его товарищей не был очень тяжелым для того времени. По итогам процесса суд признал К. Н. Филиппова виновным: «1) в том, что он принадлежал к обращающемуся в городе Харькове тайному противоправительственному сообществу, стремившемуся ниспровергнуть государственный и общественный строй в России, но не изъявлял готовности действовать насильственно; 2) в том, что имел у себя сочинения, клонившиеся к возбуждению бунта и неповиновения Власти Верховной, участвовал на сходках, устраиваемых для взаимного совещания членов этого сообщества о средствах к достижению целей сообщества и для привлечения в сообщество других лиц; 3) в том, что составил для себя подложный письменный вид на жительство... и проживал по этому виду» [6, л. 31–31 об.].

В результате суд постановил: «Филиппова, по лишении всех особенных, лично и по состоянию ему присвоенных прав и преимуществ, сослать на житье в Тобольскую губернию Сибири, с воспрещением всякой отлучки из места назначенного для его жительства, в продолжении двух лет и выезда в другие губернии и области Сибири в продолжении четырех лет и с последствиями указанными в статьях 43, 44, 46, 47 того же Уложения» [6, л. 31 об.].

Это судебное решение открыло перед К. Н. Филипповым новый этап жизни – он превратился в ссыльнокаторжного государственного преступника, лишенного всех гражданских прав. Из Харьковского тюремного замка его вместе с сопроцессниками Александром Сыцялко и Евграфом Легким в конце октября 1880 г. перевели в Мценскую пересыльную тюрьму, последний этап для отправки в Сибирь. Здесь он застал уже большую группу заключенных, среди которых были «старожилы» тюрьмы – И. К. Дебагорий-Мокриевич, Д. К. Пршибасов, В. В. Казанский и П. В. Левченко [1, с. 174], а также когорты «централистов» – революционеров, первоначально отбывавших свои каторжные сроки в одиночках двух тюрем Харьковской губернии, а теперь отправляемых на Кавказскую каторгу. Среди них оказались настоящие легенды «революционного подполья»: Петр Алексеев, Порфирий Войнаральский, Николай Виташевский, Иван Джабадари, Александр Долгушин, Лев Дмоховский, Георгий Зданович, Ипполит Мышкин, Сергей Ковалик, Дмитрий Рогачев, Михаил Сажин, Александр Цицианов и др.

Из сохранившихся свидетельств можно считать, что К. Н. Филиппову еще повезло. Революционеры, побывавшие в это время в Мценской тюрьме, практически «единогласно отмечали, что эта тюрьма, по легкости установленного в ней режима, была исключением среди других русских мест заключения. В Мценской тюрьме, заключенные пользовались такими свободами и льготами, которые и не снились политическим, содержащимся в других царских узилищах» [8, с. 163]. Не зря в этот период революционеры Мценскую пересыльную тюрьму называли «гостиницей».

Камеры этой тюрьмы все время оставались незапертыми и «публика собиралась группами в той и другой камере или же образовывали кучки в столовой» [1, с. 174]. К. Н. Филиппов оказался в тюрьме, когда там уже была налажена достаточно хорошая система питания – администрация тюрьмы не препятствовала в использовании передач и личных денег для улучшения питания, но и казенные кормовые были весьма высоки – около 40 копеек в сутки на человека, а вскоре они были еще более увеличены – до 70 копеек [1, с. 175]. В результате стол у заключенных получался обильный, разнообразный и вкусный. Более того, смотритель М. М. Побывлевский закрывал глаза

даже на покупку спиртного [1, с. 179]. Всеми хозяйственными сношениями с тюремной администрацией ведал избранный заключенными староста, эти обязанности с успехом исполнял П. И. Войнаральский [1, с. 178].

В Мценске К. Н. Филиппов провел всю оставшуюся осень, зиму и большую часть весны. Пребывание здесь было благом для него, в первую очередь в плане хоть какого-то восстановления сил организма, подорванных одиночным заключением. Кроме того, нахождение в одной тюрьме с «централистами» для К. Н. Филиппова, тогда еще молодого и не столь известного в революционных кругах человека, было настоящим «тюремным университетом», оставившим, несомненно, яркий след в его короткой жизни. В тюрьму доставлялось большое количество свежих газет и журналов и некоторое время там даже действовало некое подобие лектория. Сообщения о внутренней жизни по газетам делал И. Н. Мышкин, а обзор зарубежной информации С. Ф. Ковалик [1, с. 179]. «Централисты», на долгое время вырванные из политической жизни, «набрасывались» на вновь прибывших и вели с ними нескончаемые беседы о новых тенденциях в российском революционном движении.

Таким образом, молодые революционеры, в том числе и К. Н. Филиппов, чувствовали себя в такой обстановке вполне уверенно и комфортно, не тушевались и весьма активно участвовали в тюремной жизни. Более того, по некоторым спорным вопросам тот же К. Н. Филиппов занимал весьма крайние позиции. Наиболее крупным инцидентом, едва не поссорившим товарищей по заключению, в котором он сыграл не последнюю роль, явился спор, «допустить ли в тюрьму нелегальную литературу, или не допустить» [1, с. 180].

По воспоминаниям Н. А. Виташевского: «Этот вопрос расколол общину на два прямо таки враждебных лагеря. И в одном, и в другом были весьма солидные люди, — была и молодежь. Нашлись чересчур экспансивные натуры там и здесь — возгорелась полемика, пошли бурные сходы... Завершилось все тем, что один из сторонников немедленного и бесконтрольного допущения в тюрьму нелегальщины Филиппов выразился по адресу противников: «это с вашей стороны косвенный донос!». Сходка была сорвана, и неосторожное выражение вызвало со стороны оскорбленных негодование: они вышли из комнаты, где про-

исходило собрание. Но, конечно, настал момент, когда страсти улеглись, и «враждующие» стороны в конце концов примирились» [1, с. 180].

Кончено, этот случай стал скорее недоразумением, в целом же вполне можно согласиться с мнением того же Н. А. Виташевского, что «для очень многих из нас жизнь в Мценской тюрьме была первым шагом вступления в широкий товарищеский круг» [1, с. 181]. Естественно К. Н. Филиппов не был исключением. Для него, как и других молодых революционеров, общение с более взрослыми, неординарными и нравственно выработанными личностями, такими как А. В. Долгушин, И. Н. Мышкин, П. И. Войнаральский или С. Ф. Ковалик, действительно многое значило. Потом в ссылке он будет много рассказывать товарищам о «централистах» [19, с. 28], а рассказать ему было о чем. Чего стоит, например, пирушка, устроенная заключенными по получении ими информации об убийстве 1 марта 1881 г. народолюбцами Александра II [1, с. 184–185].

Наступившая весна 1881 г. обещала и скорую дорогу дальше в Сибирь. В тюрьме началась лихорадочная суета. «Весною, вообще, стояла у нас толчея невообразимая», – вспоминал Н. А. Виташевский. – «Бесконечные свидания, хоровое пение, пляс, общие с пришедшими на свидание обеды и чаи (и выпивки) хлопоты со снаряжением в далекий путь, подчас более или менее бурные собрания по хозяйственным делам или шумные дебаты по теоретическим вопросам, – все это вело нашу жизнь в страшно повышенном тоне и сильно ускоренным темпом» [1, с. 174]. В числе приехавших родственников заключенных была и родная сестра К. Н. Филиппова [1, с. 187].

Для него, как и для других заключенных, сказать последнее «прости» родным перед отправкой в далекую Сибирь, конечно, было очень важно, и видимо отсюда и происходила та лихорадочно-нервная и одновременно приподнято-эмоциональная атмосфера в тюрьме. В ней как бы маскировался страх родственников за будущее своих близких в «сибирском далеке» с одной стороны и неуверенность перед неизведанным будущим отправляемых в ссылку и на каторгу, с другой. Но кроме постоянных встреч и посиделок с танцами и песнями, родственники помогли «политическим» собраться в дорогу. Были предусмотрены

все мелочи, а из крупных вещей заказали для всех «по паре сапог и по мешку из брезента» [1, с. 187].

В дальнейшем путь К. Н. Филиппова в Сибирь лежал через Москву, где состоялось окончательное формирование партии ссыльнокаторжных. 18 мая 1881 г. из Мценска в специально оборудованном вагоне в 19 часов 59 минут с поездом № 16 была отправлена группа политических преступников в составе 39 человек [2, л. 22 а об.]. Среди них был и К. Н. Филиппов. Порядок отправления в Сибирь партий политических преступников в навигацию 1881 г. был установлен Высочайшим повелением от 28 июля 1879 г. и гласил: «Политических преступников, приговоренных к ссылке в Сибирь, впредь до сокращения значительного числа их, обусловленного настоящим положением политических дел, – отправлять по назначению, в навигационное время, под конвоем жандармов при содействии конвойных команд и местных полевых войск и пользуясь существующими для перевозки арестантов средствами» [2, л. 16]. Всего за навигацию 1881 г. было намечено для отправки 2 партии политических преступников, первая 39 мужчин и 4 женщины, вторая 19 человек [2, л. 16].

В Москве партия для отправки в Сибирь была сформирована полностью. Среди попутчиков К. Н. Филиппова оказались уже упомянутые выше «централисты» и сопроцессники, были и другие известные в революционных кругах личности, например, Дмитрий Буцинский, Василий Тулисов, Евгения Фигнер, Юлия Круковская и др. Находились в партии и жены арестантов – Мария Легкая и Аграфена Долгушина с 10-ти летним сыном Александром [2, л. 65]. В ночь 19 мая все они на поезде отправились из Москвы до Нижнего Новгорода [2, л. 22 об.]. С собой позволялось взять не более 60 фунтов личных вещей [2, л. 22].

Далее заключенные следовали до Перми на арестантской барже «Тюмень». Перед посадкой на баржу во дворе пересыльной тюрьмы, куда вывели всю партию арестантов, их временно разделили – женщин и ссыльных отвели в одну сторону, а каторжан в другую. У последних проверили оковы и, согласно инструкции, обрили половину головы. Затем партия воссоединилась. По Каме плыли помещаясь на барже в особой камере, отдельно от прочих арестантов, при том же жандармском кон-

вое, с добавлением к нему также нижних чинов от войск, квартирующих в Нижнем Новгороде под наблюдением инспектора Нижегородско-Тюменского тракта, который сопровождал лично всю эту партию до Тюмени [2, л. 17об.].

По прибытии в Пермь арестанты по Уральской горнозаводской железной дороге были доставлены в Екатеринбург и далее на подводах в Тюмень. Таким образом, передвигаясь достаточно быстро, К. Н. Филиппов оказался в Тюмени уже 1 июня и был помещен, как и остальные, в местный тюремный замок. В дороге политические старались всячески помогать и поддерживать друг друга, особенно заботились о женщинах, а также о больных. В этом отношении неocenим был Д. А. Рогачев, выделявшийся не только отменным здоровьем и большой физической силой, но и чувством юмора. Д. А. Рогачев, сохранявший оптимизм и присутствие духа, где шуткой, а где реальной помощью поддерживал товарищей по несчастью. В архиве сохранилось письмо В. И. Тулисова, в котором он, описывая прибытие очередной партии ссыльных в Тюмень, в частности упоминал об этом: «Роль нашего Рогачева в третьей партии взял на себя Клеменц, само собой, что для присвистывания и приплясывания нужен был хор, который у них и имеется» [5, л. 365].

Назначенные к ссылке в Западную Сибирь К. Н. Филиппов и еще несколько его товарищей, в их числе украинские крестьяне, проходившие по «Чигиринскому делу» Лазарь Тененник и Кузьма Прудкой и представители народнической интеллигенции Василий Тулисов, Дмитрий Пршибасов и Василий Казанский, остались временно до распределения по местам ссылки в Тюмени, а остальная партия 2 июня отправилась дальше на восток.

С этого времени судьбой К. Н. Филиппова и остальных стал распоряжаться Тобольский приказ о ссыльных (создан в 1822 г. – О. М.) и располагавшийся с 1870 г. в Тюмени [15, с. 19]. Это было единственное учреждение, которое занималось приемом, распределением, учетом и последующим препровождением прибывающих ссыльных, а в сибирских губерниях, в том числе и в Тобольской, для управления поселенцами были открыты Экспедиции о ссыльных [15, с. 17].

Приказ о ссыльных (далее «Приказ». – О. М.) подчинялся Тобольскому губернатору «как особое в губернии учреждение»

[16, с. 34]. Следует отметить, что в жизни ссыльных «Приказ» играл очень важную роль, так как через него проходил весь документооборот, касающийся назначения ссыльных на место жительства, то есть фактически решалась их дальнейшая судьба. Дело в том, что природные условия и климатические зоны огромной Тобольской губернии предполагали совершенно разные сценарии жизни ссыльных: от крайне суровой природы и практически полного отсутствия цивилизации на Обском Севере, до более привлекательной в климатическом и социокультурном отношении южной части губернии.

И в данной ситуации счастье изменило К. Н. Филиппову. Сухие строки документа, как показало время, фактически стали для него отложенным смертным приговором. Они гласили: «В первой партии политических ссыльных прибыл в Тюмень из Мценской политической тюрьмы государственный преступник Константин Филиппов, который подлежит водворению на жительство под надзор полиции в г. Сургут» [6, л. 10]. Это решение было принято по представлению от генерал-губернатора Западной Сибири от 5 июня 1881 г. [6, л. 10]. Для южанина К. Н. Филиппова, родившегося на берегу Азовского моря, это был, несомненно, один из худших вариантов. Отправка в населенные пункты Обского севера по суровости наказания шла сразу за ссылкой в ледяные улусы Якутии и Туруханского края.

По распоряжению Тобольского губернатора К. Н. Филиппова в сопровождении двух конвоиров по воде отправили в Сургут. Как гласит запись из его статейного списка, он должен быть этапирован к месту ссылки «под присмотром, без оков» [3, л. 510]. В дорогу К. Н. Филиппову вернули небольшую сумму личных денег в размере 19 рублей 70 копеек [6, л. 46]. И с этими деньгами и нехитрым багажом он и отправился в более чем 800 километровый путь по реке Оби на север.

В Сургуте К. Н. Филиппов оказался 24 июля 1881 г. [19, с. 407]. На вновь прибывшего Сургут, располагавшийся на правом берегу Оби на отметке 61°,15' северной широты и 43°,23' восточной долготы и насчитывавший тогда около 1200 жителей [13, с. 39], произвел по-видимому жалкое зрелище. «Ничтожное поселение, по какому-то недоразумению носящее название города», – так характеризовал его чуть ранее оказавшийся там политический ссыльный С. П. Швецов [21, с. 215]. Власть в го-

роде представляли: исправник, его помощник, секретарь полиции, почтовый чиновник, военный начальник местных казаков, также к числу «городской элиты» можно было причислить учителя народной школы, священника, диакона, врача и фельдшера. Простые обыватели – это ссыльнопоселенцы и потомки таковых, почти половина жителей, была казаками, остальные составляли два общества – крестьян и мещан [19, с. 16].

К счастью для К. Н. Филиппова в городе уже существовала хотя и небольшая, но весьма сплоченная колония политических ссыльных: В. Я. Мрачковский, Н. Я. Фалин, Л. А. Иванов, Д. Д. Лейвин, был еще и ссыльный из поляков Ю. Ф. Овсянный [19, л. 407]. Второй нечаянной радостью стало обнаружение в этих богом забытых северных местах старого знакомого по Харькову. Таковым оказался сосланный сюда еще в 1879 г. Д. Д. Лейвин. В его сохранившихся воспоминаниях эта встреча описана очень ярко и волнующе: «Вот как-то утром в день прихода парохода из Тобольска я проснулся часов в 7 и начал одеваться, как вдруг услышал стук отворяемой в наш двор калитки. Ожидая прибытия нового товарища, я подбежал к окну и увидел идущего по двору моего знакомого Филиппова. Вид его так живо напомнил мне коротко сказать, волю, что кровь бросилась мне в голову, и я вместо того, чтобы, как хотелось бежать к нему навстречу, принужден был сесть. Когда через минуту Филиппов вошел ко мне, то я едва мог заставить себя несколько привстать, чтобы ответить поцелуями на его объятия, а затем, опустившись на стул, лишился сознания – правда, не больше, как на 2–3 минуты» [19, с. 27].

Д. Д. Лейвин описывал К. Н. Филиппова, как «среднего роста брюнета лет 25 с роскошной шевелюрой и курчавой растительностью на лице» [19, с. 28]. В целом это совпадает с его полицейским описанием из статейного списка, можно только добавить, что его точный рост составлял 2 аршина 6 и 3/4 вершка (примерно 1 м 71 см) и он имел темно-карие глаза [3, л. 510] истинного уроженца юга. По отзывам того же Д. Д. Лейвина, это был «очень мягкий и замечательный человек» и к несчастью для него после своей пересыльной эпопеи он уже был болен туберкулезом [19, с. 28]. К тому же у него после сидения в харьковской одиночке было расстроено внимание: «Чем бы он ни был занят – каким-либо делом или пустым разговором, – он

не мог сразу обратиться к чему-нибудь другому... Он никогда не слышал, когда часы били 1 час или 2, только третий удар часов доходил до его внимания» [19, с. 28].

Жизнь на Севере Тобольской губернии таила для К. Н. Филиппова немало испытаний. Бытовые проблемы, связанные с наймом жилья, ему удалось решить довольно быстро, а вскоре он и вовсе поселился со своим старым товарищем Д. Д. Лейвиным [19, с. 28]. Жили ссыльные коммуной, куда входили С. П. Швецов (до своего отъезда в 1881 г.), Д. Д. Лейвин, Л. А. Иванов, и в нее же влился К. Н. Филиппов [19, с. 23]. Питались молоком, черным хлебом, чаем и рыбой, реже использовали ячневую крупу, из овощей был только картофель, иногда покупали мясо, а хлеб из белой муки был настоящим лакомством [19, с. 18]. В основном была своеобразная «молочная диета» – молоко, черный хлеб и чай вприкуску. Но если здоровым людям такой рацион вполне подходил, а у Д. Д. Лейвина даже прошел катар желудка, то естественно, что больной туберкулезом К. Н. Филиппов нуждался в более разнообразном и сбалансированном рационе питания, в том числе и с включением в него необходимых овощей и фруктов, которых в Сургуте было не достать.

К тому же если быт К. Н. Филиппова более или менее устоялся, то в целом адаптация к северной жизни для уроженца юга проходила трудно. Местный климат и вовсе стал для него медленным убийцей. Зима в Сургуте оказалась очень длинной и холодной. Зимние холода наступали очень рано в конце сентября – начале октября и прекращались лишь в мае. Сорокоградусные морозы были обычным явлением и стояли по нескольку недель, а резкие северо-восточные ветры «делали сургутский холод окончательно нестерпимым, убийственно действующим на непривычного человека» [19, с. 36].

Второй проблемой, имевшей для К. Н. Филиппова жизненно важное значение, было фактически полное отсутствие квалифицированной медицинской помощи. По оценкам политссыльного И. Я. Неклепаева, специально занимавшегося этим вопросом, до 1888 г. на весь округ был один врач, и «когда он уезжал по округу, а в округе есть селения, отстоящие от Сургута на 1000 и более верст, не говоря уж про сургутские пути сообщения, ... то все городское население на несколько месяцев оставалось совершенно без всякой медицинской помощи на попечении од-

ного фельдшера» [19, с. 307]. Положение осложнялось еще и тем, что сургутский эскулап доктор Соковнин любил выпить, и ссыльные не раз обращались с жалобой на врача к исправнику. Вот характерный документ, носящий совершенно конкретное название «Дело по заявлению политических ссыльных Сургута о нетрезвой жизни кружного врача Соковнина» [4].

Правда, в Сургуте существовала больница Приказа общественного Призрения. Она имела 12 кроватей, но обустроена была настолько плохо, что «сплошь и рядом здесь нельзя достать (в городе, конечно, нет аптеки, и лекарства продаются при больнице) самых элементарных медикаментов, вроде, например, хины или салицилового натра» [19, с. 307]. Вообще эта больница не пользовалась популярностью среди населения, и зачастую в ней лежали доставляемые из округа остяки, преимущественно страдающие сифилисом [19, с. 44]. Нетрудно понять, что при неподходящем климате, а также отсутствии нужных медикаментов и тем более должной медицинской помощи, болезнь К. Н. Филиппова быстро прогрессировала.

Еще одним недостатком города являлась скудность культурного ландшафта. Формально в Сургуте находились две школы, мужская и женская. Но женская школа в описываемое время полностью бездействовала. Немногом лучше обстояло дело с мужским училищем. С. П. Швецов так описывал его положение: «Оно хотя и не считается закрытым, но случается, что по нескольким месяцам, даже по году, занятия в нем не производятся; в нашу бытность в Сургуте, – например, в 80/81 г. – дети посещали школу всего месяца два, остальное время на школьной двери висел замок» [19, с. 43]. Впрочем, ссыльным в любом случае запрещалось заниматься какой-либо педагогической деятельностью. Про библиотеку в Сургуте и речи не шло. Да и в целом с книгами дело обстояло очень плохо. Ссыльные преимущественно довольствовались журналами и газетами, присылавшимися им товарищами из-за Урала [21, с. 216].

Сложно было в Сургуте и с дополнительным заработком, и эта ситуация серьезно осложняла жизнь ссыльных, особенно тех, кто не получал регулярной помощи от родных. К такой категории принадлежал и К. Н. Филиппов. Как известно, содержание одного ссыльного из привилегированных, а к числу таковых относился и К. Н. Филиппов, обходилось казне в 6

руб.: 1 руб. 50 коп. «квартирных» и по 15 коп. в день кормовых, и два раза в год выдавалось пособие на одежду [18, с. 99]. Естественно, что в северных районах этих денег для поддержания хотя бы минимальных медико-биологических стандартов жизни едва хватало, и нужно было искать дополнительных заработков. Однако в силу полицейских регламентаций легальных возможностей для такого вида деятельности оставалось очень немного.

Как вспоминал С. П. Швецов, «никакого заработка, хотя бы самого ничтожного, в Сургуте иметь нельзя было, кроме как физический труд притом тяжелый» [21, с. 215]. В этом отношении ссыльные старались поддерживать друг друга, помогала и созданная ими коммуна. Занимались пошивом обуви, кузнечным и столярным делом. Прекрасный столяр Л. А. Иванов открыл мастерскую, в ее работе принимал участие и К. Н. Филиппов [19, с. 28].

Он же занимался починкою часов, и дело в общем шло, хотя «карманных часов в Сургуте было мало, зато много было стальных часов – самых простых, с одной или двумя, если с боем гириями. Последние очень часто требовали чистки, так что у Филиппова было немало работы, хотя заработок был невелик» [19, с. 28]. Как вспоминал Д. Д. Лейвин: «Работали мы все до 7 вечера, а затем все товарищи собирались у нас и часов до 2–3 ночи велись всевозможные дебаты» [19, с. 23].

Однако и теплое дружеское окружение и даже возможность занять себя работой никак не могли помочь К. Н. Филиппову в борьбе с развивающейся болезнью. Климат края «лесов и болот» делал свое убийственное дело. Сургутская зима 1881–1882 г. дорого обошлась К. Н. Филиппову, его здоровье резко ухудшилось. В такой ситуации оставалось только обратиться к губернским властям с просьбой о переводе в более подходящие для него место Тобольской губернии. Однако прошение К. Н. Филиппова было удовлетворено далеко не сразу.

В это время губернатором Тобольской губернии был В. А. Лысогорский (1878–1886 гг.). Начало его деятельности выпало на период серьезного внутриполитического кризиса в стране. После событий 1 марта 1881 г. глава Временной распорядительной комиссии (ВРК) и МВД М. Т. Лорис-Меликов отправил ему следующее предписание: «Ваше превосходительство, имейте об-

ращать самое тщательное внимание на всякий отдельный слух и всякое отдельное нарушение порядка, восстанавливая истину соответствующими объяснениями, и нарушенный порядок принятием надлежащих осторожных мер лично и через лиц вполне надежных и понимающих значение переживаемых Россией дней» [17, с. 349].

Естественно, что в сложившейся политической ситуации и в соответствии с рекомендациями сверху В. А. Лысогорский стремился продемонстрировать максимальную непреклонность и отсутствие любых послаблений в отношении ссыльнопоселенцев. Более того, он всячески ограничивал их и без того куцые права, что в дальнейшем спровоцировало ряд акций индивидуального и группового неповиновения. В данном случае подобная позиция губернских властей была практически смертным приговором для К. Н. Филиппова.

Желая спасти своего сына, мать К. Н. Филиппова подала прошение губернатору. Текст этого документа и по прошествии более чем 130 лет невозможно читать спокойно: «Ваше Превосходительство! С покорнейшей просьбой пристаю к Вам не как к начальнику, но отцу и попечителю несчастных ссыльных и прошу Вас о моем сыне, который сослан на жительство в Тобольскую губернию в город Сургут. Климат этого города сырой и холодный, а потому и без того уже расстроенное его здоровье тюремною жизнью, теперь находится в отчаянном состоянии. У него бугорчатка легких т.е. чахотка. И это у здорового, сильного человека! Надо было очень много слитных причин, Ваше Превосходительство, чтобы привести его в это состояние. Вот причина, Ваше Превосходительство, почему я молю Вас всем, что у Вас есть святого, если есть какая-нибудь возможность, переведите его в другой город – Курган где бы было для него во всех отношениях лучше, потому что там климат хороший, доктор есть, аптека и т.п. Если бы Вы знали, Ваше Превосходительство, мое горе, но нет! Сколько слез я пролила! Ведь это лучший мой сын, на которого была вся моя надежда! Несчастье вырвало его у меня! Он всегда помогал семье из тех средств, что зарабатывал уроками. И несчастная лишилась такого сына! Вы понимаете, как тяжело для меня похоронить его там, далеко на чужой стороне. А может быть он когда-нибудь возвратится? Но живя в Сургуте он раньше сложит свою голову на далекой

земле от семьи. Еще раз молю Вас не оставьте просьбу матери без внимания; я до гроба это буду помнить и молить Бога за Вас. Вы имеете большую власть и можете это сделать. При этом прилагаю выписку с приговора. Жду и надеюсь, Ваше Превосходительство. Ваша покорная слуга Вера Филиппова» [6, л. 30–30 об.].

Кто знает, может это отчаянное письмо матери и стало последней каплей, пробившей стену чиновничьего равнодушия. Но пока бюрократическая машина раскручивалась в нужном направлении, время было безвозвратно упущено. Решение о переводе К. Н. Филиппова в Курган власти приняли только 31 октября 1882 г. [6, л. 28]. Затяжка с решением о переводе привела к тому, что добираться на другой – южный конец огромной губернии пришлось в самую неподходящую погоду, а это не могло не ускорить течения болезни. По прибытии в Курган, К. Н. Филиппов нашел участие и поддержку со стороны местных ссыльных, особенно супругов А. Н. и Е. И. Аверкиевых и семьи Е. Н. Петропавловского-Коронина, но было поздно. И 30 апреля 1883 г., так и не дождавшись спасительного летнего тепла, он умер от туберкулеза [19, с. 407, 414]. Ему не исполнилось и 26 лет!

На кончину К. Н. Филиппова откликнулась и сибирская демократическая печать. «Сибирская газета» писала: «Нам сообщают из Кургана, что в начале мая хоронили одного из местных административно-ссыльных, Филиппова, и в печальной процессии участвовала в полном составе вся колония Курганских политических ссыльных. Филиппов в Курган прибыл только 4 месяца назад из Сургута, где ему пришлось пробыть около 2,5 лет; прибыл он туда в цветущем здоровье и полный юношеских сил; но суровый климат и крайне тяжелая материальная и нравственная обстановка ссылки в Тобольской губернии скоро начала давать о себе чувствовать. Через 2,5 года, уже совсем больной, со всеми признаками неизлечимой болезни, Филиппов был переведен в Курган, где и скончался 30 апреля от злой чахотки нажитой им в Сургуте» [9]. В скупых строках этого газетного сообщения, формально констатирующего только факты о смерти этого молодого и много обещавшего человека, по сути содержалась самая негативная оценка карательной системы по-

литической ссылки, которая сложилась и функционировала в Российской империи.

К сожалению, смерть очередного политического ссыльного тогда не была каким-то исключительным событием – наоборот, скорее, это был рядовой для России того времени случай. И в этом отношении биография Константина Филиппова очень символична, через нее, как сквозь призму, можно рассмотреть судьбу целого поколения российской интеллигенции, искренне желавшей работать на благо простого народа. Немалая часть этих «народолюбцев» искренне хотела именно служения народу, а не революции, но в результате столкновения с российским самодержавием оказалась под пятой полицейского государства, а многие из них, как К. Н. Филиппов, погибли.

Трагичной оказалась участь людей «поколения 70-х», разделявших светлую веру в русский народ, идеалы социальной справедливости и сгоревших в пламени революционной борьбы. И во многом ответственность за то, что произошло с этими людьми, лежит на правительственных сферах, не пожелавших даже попытаться понять высокий идеалистический порыв целого поколения. Этот экзистенциальный раскол между представителями правящей элиты и оппозиционно настроенной частью общества, отчетливо выразил в своей речи на «процессе 193-х» И. Н. Мышкин.

Он прямо бросил в лицо судей ОППС, как представителей власти, следующие обличительные слова: «Теперь я вижу, что у нас нет публичности, нет гласности, нет <... > даже возможности выяснить истинный характер дела, и где же? В зале суда! <... > Здесь не может раздаваться правдивая речь, за каждое откровенное слово здесь зажимают рот подсудимому. Теперь я имею полное право сказать, что это не суд, а пустая комедия или... нечто худшее, более отвратительное, позорное, чем дом терпимости: там женщина из-за нужды торгует своим телом, а здесь сенаторы из подлости, из холопства, из-за чинов и окладов торгуют чужой жизнью, истиной и справедливостью, торгуют всем, что есть наиболее дорогого для человечества» [8, с. 282–283].

К сожалению, в числе тех, кто стал непосредственной жертвой этого страшного по последствиям для страны противостояния между властью и обществом, был и Константин Филиппов.

Список использованных источников и литературы

1. Виташевский Н. А. В Мценской гостинице // Былое. 1907. № 4. С. 173–190.
2. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 4. Д. 964.
3. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУ ТО ГА в г. Тобольске). Ф. И 330. Оп. 1. Д. 84.
4. ГБУ ТО ГА в г. Тобольске. Ф. И 152. Оп. 12. Д. 65.
5. Там же. Оп. 8. Д. 318.
6. Там же. Д. 400.
7. Государственные преступления в России в XIX в. Сборник под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). Т. 3. Ростов н/Д: Изд-во «Донская речь», 1906. 304 с.
8. Козьмин Б. П. «Мценская гостиница» // Каторга и ссылка. 1926. № 3 (24). С. 163–164.
9. Корреспонденции // Сибирская газета. 1883. 29 мая. № 22.
10. Левандовский А. Елизавета Николаевна Ковальская. М.: Изд-во Все-союзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1928. 70 с.
11. Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века. Историографическая революция. Вып. III. Томск: Изд-во Томского университета, 2008. 554 с.
12. Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. М.: Изд-во МГУ, 1991. 254 с.
13. Пирожников Г. А. Записки уездного исправника. Сургут: Северо-Сибирское региональное кн. изд-во, 2002. 104 с.
14. Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: Изд-во ЛКИ, 2009. 320 с.
15. Ретунский В. Ф. Государственные преступники: Историческая хроника. Сургут: Северо-Сибирское кн. изд-во, 1992. 208 с.
16. Рощевская Л. П. Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983. 176 с.
17. Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень: Тюменский издательский дом, 2000. 577 с.
18. Сургутянин. Сто лет Сургутской ссылке // Каторга и ссылка. 1929. № 12. С. 92–117.
19. Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное изд-во, 1998. 432 с.
20. Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983. 422 с.
21. Швецов С. П. Ник. Як. Фалин // Каторга и ссылка. 1925. № 3. С. 215–218.

УДК 947.081(092)

Никулина И. Н., Барнаул

**Политический ссыльный Б. Ф. Калиновский
в Бийске (60-е гг. XIX в.)**

Аннотация. В данной статье рассматривается один из мало-изученных вопросов истории сибирской политической ссылки XIX в. – период пребывания в Бийске ссыльного Б. Ф. Калиновского. На основе российских и польских источников и литературы показана жизнь Б. Ф. Калиновского в Бийске в 60-х гг. XIX в., его общения с другими польскими ссыльными.

Ключевые слова: восстание, политические ссыльные, поляки, Алтай, Алтайский горный округ, Сибирь.

Nikulina I. N., Barnaul

**The political exile B. F. Kalinovsky in Biysk
(the 60th of the XIX century)**

Summary. In this article one of the low-studied questions of history of the siberian political exile of the XIX century - the period of stay in Biysk exile B. F. Kalinovsky is considered. On the basis of the russian and polish sources and literature B. F. Kalinovsky's life in Biysk in the 60th of the XIX century, his communications with other polish exiles is shown.

Keywords: the revolt, the political exiles, Altai, Altai mining district, the poles, Siberia.

Одним из направлений дальнейшего изучения сибирской политической ссылки является воссоздание биографий ее участников, освещение их разносторонней деятельности, а также выявление малоизвестных имен и подробностей пребывания в изгнании. В этой связи личность ссыльного Б. Ф. Калиновского, находившегося в Бийске, представляет особый интерес. На основе архивных материалов Российского государственного исторического архива (РГИА), Исторического архива Омской области (ИАОО), российских и польских справочных изданий и воспоминаний предпринята попытка рассмотреть период пребывания политического ссыльного Б. Ф. Калиновского в Бийске в 60-х гг. XIX в.

Как известно, после подавления Январского восстания 1863 г. российским императором были утверждены правила высылки, водворения и отдачи под надзор полиции его участников. Среди городов Западной Сибири, определенных для жительства лиц, высланных по политическим причинам, были названы и города Алтайского горного округа, официально закрытого для ссылки как собственности Кабинета Его Императорского Величества, Бийск, Кузнецк, Усть-Каменогорск [8, с. 16]. Следует отметить, что в Алтайский горный округ в данный период входили территории современного Алтайского края, Республики Алтай, части Новосибирской, Томской, Омской, Кемеровской областей, восточная часть Республики Казахстан.

Бийск. Базарная площадь 1890-е гг. XIX в.

Одним из основных мест проживания польских политических ссыльных в 60-х гг. XIX в. являлся Бийск, построенный в 1709 г. как Бикатунская крепость (при слиянии рек Бии и Катунь) для несения военно-сторожевой службы. В 60-х гг. XIX в. Бийск был небольшим окружным городом. В 1864 г. население Бийска составляло 5 152 человека [9, с. 248].

Именно сюда был выслан в январе 1864 г. по делу В. В. Берви-Флеровского надворный советник, адъюнкт-профессор Петербургского университета, экономист Бальтазар Фомич Калиновский (14.1.1827 (1829) – 9.11.1884).

Личность этого человека достаточно примечательна. Не случайно сведения о нем содержатся в российских и польских биографических словарях [3, стб. 153–154; 4, с. 75; 5; 12, с. 141]. Б. Ф. Калиновский был дворянином, католического вероисповедания. После окончания гимназии в Вильно, он выехал в Петербург, где в 1846–1851 гг. изучал право на камеральном отделении юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Окончив Санкт-Петербургский университет, с 1852 г. преподавал историю и статистику в военно-учебных заведениях Санкт-Петербурга. В 1859 г. Калиновский защитил диссертацию на степень магистра «О развитии и распространении идеи свободной торговли и о применении ее к положительным законодательствам в главных западноевропейских государствах» на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. В 1861 г. он был избран адъюнктом по кафедре законов о государственных повинностях и финансах юридического факультета Санкт-Петербургского университета.

Известно, что Б. Ф. Калиновский принимал активное участие в польском революционном движении, возглавляемом И. Огрызко и С. Сераковским, являлся библиотекарем кружка польских студентов в университете, был знаком с А. И. Герценом, Н. Г. Чернышевским и другими революционерами. Во время поездки в Англию в 1862 г. он встречался в Лондоне с А. И. Герценом.

В сентябре 1862 г. Калиновский был уволен из университета по распоряжению управляющего Министерством народного просвещения вследствие политической неблагонадежности, а также «за обнаруженные сношения с находящимся в Лондоне русским изгнанником Герценом». 5 октября 1862 г. он был выслан в Астраханскую губернию (г. Енотаевск) с учреждением строгого полицейского надзора. В январе 1864 г. по решению следственной комиссии в Казани Б. Ф. Калиновский был выслан в Бийск «за предосудительное поведение» (знание о преступной деятельности В. Берви и Ф. Данненберга и недонесении

о том) [1, л. 1, 4; 3, стб. 153–154; 4, с. 75; 5; 12, с. 141]. С 3 марта 1864 г. он находился в Бийске [6, л. 14].

За облегчение участи Калиновского в ссылке неоднократно ходатайствовали родственники. «Бийск принадлежит к числу самых бедных и жалких городов Сибири: не имея никаких учебных заведений, даже уездного училища, будучи населен исключительно ссыльными и бывшими мещанами, Бийск не представляет никаких способов в умственном занятии, но даже к снисканию насущного пропитания», – указывалось в ходатайстве, поданном его родственниками о переводе Калиновского в другое место для отбывания наказания. Однако по этому поводу 7 января 1866 г. генерал-адъютант князь Долгоруков сообщал господину министру внутренних дел, что «сделать что-либо в пользу Калиновского нахожу неудобным» [1, л. 7–8 об., 11]. И, таким образом, ходатайство было отклонено.

В Бийске Б. Ф. Калиновский поддерживал отношения с польскими ссыльными – участниками Январского восстания 1863 г., отбывавшими там сроки наказания. Из донесения томского губернатора министру внутренних дел 22 мая 1864 г. следует, что ссыльные поляки, находившиеся в Бийске, тесно общались с Б. Калиновским: «... политические преступники собираются почти каждую ночь у Калиновского, где проводят время в шумных разговорах на польском языке. ... Эти ночные сборы производят неприятное впечатление на некоторых жителей города и возбуждают иногда разные нелепые толки». Вследствие этого губернатором было сделано распоряжение о воспрещении «политическим преступникам, находящимся в Бийске, оставаться вместе у одного из них до девяти часов вечера» [2, л. 336–336 об.].

Среди ссыльных поляков, находившихся в Бийске под надзором полиции, необходимо особо отметить Ипполита Андроновского, с 15 октября 1864 г. в течение четырех лет отбывавшего здесь срок наказания [6, л. 15]. Подробности о пребывании И. Андроновского в Бийске стали известны благодаря воспоминаниям его сына Максимилиана, опубликованным в журнале «Сибиряк», издававшимся Союзом Сибиряков в Варшаве, а также устным воспоминаниям, сохранившимся в семье Андроновских и ставших впервые известными научной общественности в результате выступления с докладом «История одной семьи как

отражение социокультурной ситуации на Алтае в XIX в.» правнука ссыльного Ипполита Андроновского Адама Андроновского на Международной научно-практической конференции «Ползуновские чтения» в Барнауле в марте 2017 г. [11]. Благодаря этой информации стало известно, что в Бийске ссыльными поляками был организован кружок самообразования под руководством профессора Калиновского, на заседаниях которого выступали с лекциями ссыльные Брандт, Павлюц, Вилановский, Янковский, Корбутт, доктор Михаловский, Гадомский. Максимилиан Андроновский вспоминал о толстой исписанной тетради отца, в которую он записывал систематически посещаемые лекции по истории [11, с. 20]. К большому сожалению, записи этих лекций не сохранились.

Несомненно, принадлежность Алтайского горного округа (на территории которого находился Бийск) к императорской собственности и нежелание иметь здесь «бунтовщиков», установившиеся связи Б. Ф. Калиновского с другими польскими ссыльными Бийска, а также дальнейшие ходатайства родственников послужили причиной его перевода на другое местожительство.

В Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии доносилось 20 апреля 1868 г., что родственники Калиновского «ходатайствуют об облегчении его участи», поскольку «он, находясь в Бийске, лишен всяких средств к приисканию занятий для обеспечения своего содержания и испытывает ... крайнюю нищету и ... тамошний климат совершенно расстраивает его здоровье» [7, л. 1]. В результате 27 мая 1868 г. генерал-губернатору Западной Сибири сообщалось из Министерства внутренних дел, что Калиновскому «разрешено возвращение из Сибири с дозволением жительства в одной из внутренних губерний России под надзором полиции». В июне 1868 г. Калиновский обратился с просьбой «о возвращении из Бийска в Санкт-Петербург с правом государственной службы по учебной части», но ему было «разрешено жительство в Туле» [7, л. 3]. В 1868 г. он был переведен в Тулу, где занимался адвокатурой. В общей сложности Б. Ф. Калиновский находился в Бийске около четырех лет.

В дальнейшем с 1871 г. он служил секретарем Тульского губернского статистического комитета. В 1873 г. Калиновский был освобожден от надзора полиции и переехал в Петербург, где

вступил в адвокатуру помощником В. Д. Спасовича и с 1878 г. являлся присяжным поверенным. Скончался он в больнице под Петербургом [3, стб. 153; 5; 12, с. 141].

Бийск в начале XX в.

В целом, непродолжительный период пребывания Б. Ф. Калиновского в Бийске в 60-х гг. XIX в. представляет несомненный интерес для изучения условий жизни, занятий ссыльных и является важным дополнением к воссозданию общей картины политической ссылки XIX в. на Алтае и в Сибири. Вместе с тем необходимы дальнейшие углубленные комплексные исследования с привлечением новых российских и зарубежных источников материалов, которые существенно расширят и дополнят подробностями уже имеющиеся знания о пребывании политических ссыльных в Сибири. Для этого, на наш взгляд, особенно важна координация совместных исследований историков России, Польши, Беларуси, Казахстана и других государств, формирование соответствующих научных центров непосредственно в сибирском регионе с широким участием различных специалистов, о чем ранее неоднократно говорилось известными учеными [10].

Список литературы и источников

1. Дело о высылке в город Енотаевск Астраханской губернии профессора Петербургского университета Б. Калиновского за посещение в Лондоне А. И. Герцена. 1862-1866 // РГИА. Ф. 1282 (Канцелярия Министерства Внутренних Дел 1812-1917). Оп. 1. Ед. хр. 106. 12 л.
2. Дело по циркуляру Министерства Внутренних Дел о запрещении политическим ссыльным проживать в губернских городах. 1862-1864. // РГИА. Ф. 1282 (Канцелярия Министерства Внутренних Дел 1812-1917). Оп. 1. Ед. хр. 63. 383 л.
3. Деятели революционного движения в России: биобиблиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. М.: Все-союзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1928. Т. 1. Ч. 2. 496 стб.
4. Дьяков В. А. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии (1856-1865): биографический словарь. М.: Наука, 1967. 255 с.
5. Калиновский Бальтазар Фомич // Санкт-Петербургский университет. Биографика: сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819-1917). СПб., 2012. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/276-kalinovskij.html> (дата обращения: 8. 06. 2017).
6. О доставлении сведений о политических ссыльных, высланных на жительство в г. Бийск, Кузнецк и Колывань (Списки политических преступников) 18 декабря 1867 г. – 22 ноября 1868 г. // ИАОО. Ф. 3 (Главное управление Западной Сибири 1822-1882). Оп. 6. Д. 7784. 383 л.
7. Об облегчении участи высланного в Томск бывшего адъюнкт-профессора Калиновского 23 апреля – 19 августа 1869 г. // ИАОО. Ф. 3 (Главное управление Западной Сибири 1822-1882). Оп. 6. Д. 8325-а. 7 л.
8. Сапаргалиев Г. С., Дьяков В. А. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1971. 252 с.
9. Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул: Азбука, 2007. 292 с.
10. Шостакович Б. Сибирская история поляков: достижения и задачи // Сибирская старина. Томск, 1997. № 12. С. 8-9.
11. Andrónowski M. Ze wspomnień ojca, powstańca 1863 r., Sybiraka // Sybirak – Warszawa, 1938. № 1-2 (14). S. 14-23.
12. Kijas A. Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku: słownik biograficzny. Warszawa, Poznań: Instytut Wydawniczy Pax, Wydawnictwo Poznańskie, 2000. 405 s.

УДК 947.084(092)

Мильбах В. С., Негода Н. В., Санкт-Петербург

Судьба четырежды орденоносного комдива К. П. Ушакова

Аннотация. Около тысячи представителей высшего командно-начальствующего состава Красной Армии стали жертвами массовых политических репрессий 1937–1938 гг. Сведения о судьбе многих из них долгие годы не были известны ни широкой общественности, ни родным и близким. По обвинениям в совершении контрреволюционных преступлений значительная часть «красного генералитета» была приговорена к высшей мере наказания (расстрелу), некоторые были осуждены к длительным срокам заключения. Статья посвящена герою Гражданской войны Константину Петровичу Ушакову, который был безосновательно арестован и осужден к лишению свободы с отбыванием в исправительно-трудовом лагере, где и скончался.

Ключевые слова: командно-начальствующий состав, кавалерийская дивизия, Киевский военный округ, орден Красного Знамени, особый отдел, арест, исправительно-трудовой лагерь, реабилитация.

Mulbah V. S., Nehoda N. In.

Fate four times ordinal komdiv K. P. Ushakov

Abstract. About a thousand representatives of the Supreme command and commanding staff of the red army were victims of mass political repression in 1937–1938. Information about the fate of many of them for many years were not known to the General public or relatives. On charges of committing counter-revolutionary crimes, a significant part of the «red generals» were sentenced to capital punishment (execution), some were sentenced to long terms of imprisonment. The article is devoted to the hero of the Civil war Konstantin Petrovich Ushakov, who was unjustly arrested and sentenced to imprisonment with serving in a labor camp, where he died.

Keywords: command and commanding staff, cavalry division, Kiev military district, order of the red banner, special Department, arrest, correctional labor camp, rehabilitation.

Один из блестящих кавалерийских командиров Красной Армии комдив Ушаков Константин Петрович был выходцем из дворян. Он родился в мае 1896 г. в селе Гайворон Конотопского уезда Черниговской губернии в семье агронома.

В 1913 г. он окончил гимназию в г. Москве и поступил в Московский коммерческий институт. В 1914 г. началась Первая мировая война и К. П. Ушаков связал себя с армией, окончил ускоренные курсы спецкласса Пажеского корпуса в г. Петрограде и был направлен в действующую армию. Служил в 5-ом Александровском гусарском полку. Воевал на Северо-Западном фронте. В 1917 г. окончил курсы кавалерийских офицеров. В дни Октябрьской революции 1917 г. сформировал эскадрон Красной гвардии, которым затем командовал. Последний чин в старой армии – штабс-ротмистр.

В Красной Армии – с февраля 1918 г. Участник Гражданской войны. Воевал на Восточном фронте. В ходе войны занимал должности от командира эскадрона до командира кавалерийской бригады. В боях был дважды ранен. В партию большевиков вступил в 1920 г.

После окончания Гражданской войны К. П. Ушаков находился на ответственных должностях в кавалерии. Активный участник борьбы с басмачеством в Средней Азии. В приказе Реввоенсовета Республики № 228 от 11 ноября 1922 г. отмечено: «Награждается орденом Красного Знамени командир 2-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригады Ушаков Константин Петрович за то, что участвуя в борьбе с басмачеством в Ферганской области с начала 1920 года, провел много успешных операций против басмачей, причем дважды был ранен, но оба раза оставался в строю. В июне 1922 года под его руководством бригада разбила банды Курширмата, Ахмат-Полвана и Музтдина, причем взяты в плен свыше 1000 басмачей и большие трофеи»¹. В 1923–1924 гг. К. П. Ушаков обучался на Высших академических курсах при Военной академии РККА и после их окончания командовал 1-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригадой. С августа 1924 г. он был назначен на должность инспектора кавалерии Туркестанского фронта, с октября 1926 г. по декабрь 1927 г. был начальником Тверской

¹ Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937–1941: Биографический словарь. М.: Кучково поле; Мегapolis, 2012. С. 293.

К. П. Ушаков

кавалерийской школы, с января 1928 г. – командиром 8-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригады. В 1929 г. К. П. Ушаков окончил курсы усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии имени М. В. Фрунзе и с октября 1929 г. командовал 9-й Крымской кавалерийской дивизией Украинского (с 1935 г. – Киевского) военного округа. В 1930 г. он окончил курсы командиров-единоначальников при Военно-политической академии имени Н. Г. Толмачева.

К. П. Ушаков был награжден тремя орденами Красного Знамени (1919, 1922, 1923. Знаки ордена № 2142, 315, 2430) и орденом Трудового Красного Знамени Узбекской ССР (1928). В 1935 г. К. П. Ушакову было присвоено персональное воинское звание комдив. Таким образом, командир 9-й кавалерийской дивизии комдив К. П. Ушаков являлся профессионально подготовленным и опытным командиром, который на полях сражений и в ходе строительства Красной Армии доказал свою преданность советской власти.

В середине 1930-х годов внутривойсковая обстановка в стране стала обостряться. По подозрению в совершении контрреволюционных преступлений были арестованы несколько командиров из Киевского военного округа (КВО). От арестованного комкора Б. М. Фельдмана органами НКВД в мае 1937 г. были получены показания о причастности к военному заговору командующего войсками КВО командарма 2 ранга И. Э. Якира и ряда командиров (начальников) из этого военного округа¹.

Развернувшиеся весной 1937 г. в армии массовые политические репрессии, вовлекали в свой смертельный круг все новые и новые жертвы, не обошли они стороной и комдива Ушакова. Бывший дворянин и офицер Русской императорской армии К. П. Ушаков был исключен из партии «за связь с чуждым элементом

¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. Под ред. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 2004. С. 172–175.

и притупление классовой бдительности». В августе 1937 г. он был зачислен в распоряжение Управления по командно-начальствующему составу РККА, а в январе 1938 г. по политическому недоверию уволен в запас. Вскоре последовал арест.

К. П. Ушаков был арестован в ночь с 21 на 22 февраля 1938 г. по обвинению в совершении контрреволюционных преступлений, ответственность по которым предусматривалась ст. 58-1 п. «б», 58-8 и 58-11 УК РСФСР. В ходе следствия к арестованному Ушакову применялись недозволенные методы ведения следствия. Угрозами, длительными допросами и избиениями следователи особого отдела добились признательных показаний арестованного. Также следователями были получены уличающие Ушакова показания от его сослуживцев по 9-й кавалерийской дивизии: командира комендантского эскадрона штаба дивизии лейтенанта И. Д. Дверницкого и начальника ветеринарной службы дивизии военветврача 2 ранга А. П. Монченко. Исследователь О. Ф. Сувениров по этому поводу пишет: «Об этом рассказали арестованные по другим делам Дверницкий и Монченко, которых, в свою очередь, тоже били, вымогая от них «уличающие» показания на комдива Ушакова»¹.

После длительных и изнурительных допросов К. П. Ушакову было предъявлено обвинительное заключение, которое было утверждено 21 декабря 1938 г. начальником следственной части НКВД СССР старшим майором ГБ Б. З. Кобуловым.

Суд над комдивом Ушаковым состоялся в Москве 20 июля 1939 г. На судебном заседании в последнем слове Ушаков заявил: «...не считаю себя виновным так как всю гражданскую войну воевал за советскую власть, за что был трижды награжден Орденом Красное Знамя и Орденом Трудовое Знамя. Я вынужден был показывать ложь на себя и клеветать на других. Виновен в этом и прошу меня за это наказать. За мной наблюдали как за бывшим офицером старой армии и из моих родственников некоторые имеют грязные пятна»².

Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в участии в военном заговоре К. П. Ушаков был приговорен к пятнадцати годам лишения свободы с отбыванием в ИТЛ с поражением

¹ Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М.: ТЕРРА, 1998. С. 207.

² Архив Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ по СПб и ЛО). Д. П-62234. Л. 22.

политических прав на пять лет, с лишением воинского звания комдив и конфискацией лично ему принадлежащего имущества¹.

Даже в застенках НКВД Ушаков продолжал бороться за справедливость, обращаясь в различные инстанции по поводу своего безосновательного ареста и несправедливого приговора. Так, 2 августа 1939 г. в письме на имя Ворошилова он сообщал: «Я боец и командир армии с ноября 1917 г., инвалид гражданской войны, награжден тремя орденами Красного Знамени – все отдающий Советской Родине и ВКП(б) – теперь осужден как враг революции <...> Следствие протекало около 17 месяцев <...> бросали мне обвинения в участии в 4-х организациях: РОВС, ПОВ, украинской националистической и военно-фашистской, шпионаже в пользу Англии, Германии, Афганистана и Польши <...> Будучи инвалидом гражданской войны, а в тот период кроме того и больным, я не выдержал и после того как я написал три заявления в марте-апреле 1938 г. Вам, И. В. Сталину и НКВД Украины, я вновь от следователя получал издевательства и никакого ответа, я в психически полунормальном состоянии дал ложные показания как на себя, так и на тех моих бывших сослуживцев, на которых у меня требовали. Я стал добиваться одного – скорейшего расстрела <...> я больше выдержать не мог»².

К. П. Ушаков прибыл в Севвостоклаг 13 сентября 1940 г.³ Наказание отбывал в лагерях на Колыме и в Амурской области (Свободненский ИТЛ)⁴.

В то время как в европейской части страны разворачивались кровавые события Великой Отечественной войны и в армии катастрофически не хватало командиров высшего звена, опытный командир и четырежды орденосец К. П. Ушаков отбывал наказания «в местах не столь отдаленных». Здоровье его было подорвано полученными ранениями, болезнями, изнурительным трудом. К. П. Ушаков умер в лагере 16 июля 1943 г. В середине 1950-х годов было доказано, что он был арестован и осужден

¹ Архив Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ по СПб и ЛО). Д. П-62234.. Л. 21.

² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1254. Л. 1–3.

³ Архив Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ по СПб и ЛО). Д. П-62234. Л. 21.

⁴ Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937–1941: Биографический словарь. М.: Кучково поле; Мегapolis, 2012. С. 294.

безосновательно. Определением Военной коллегии от 14 марта 1957 г. комдив К. П. Ушаков был реабилитирован.

УДК 947.084(092)

Мильбах В. С., Титов А. А., Санкт-Петербург

Дивизионный комиссар Л. И. Бочаров:

«На суде я решил умереть, но сказать правду...»

Аннотация. Политическая чистка в Красной Армии в 1937–1938 гг. коснулась многих командиров и политработников. В значительной степени пострадало звено высшего командно-начальствующего состава. По обвинению в совершении политических преступлений многие из них были арестованы органами НКВД, а затем расстреляны. Часть командиров и политработников были осуждены к длительным срокам заключения. Один из них – помощник командира 4-го кавалерийского корпуса дивизионный комиссар Л. И. Бочаров.

Ключевые слова: Гражданская война, военный комиссар, Северо-Кавказский военный округ, кавалерийский корпус, арест, допрос, исправительно-трудовой лагерь.

Mulbach V. S., Titov A. A., St. Petersburg

Divisional Commissioner L. I. Bocharov:

«At the trial, I decided to die, but to tell the truth...»

Abstract: the Political purge in the Red Army in 1937–1938 affected many commanders and political workers. The link of the highest command and commanding structure considerably suffered. On charges of political crimes, many of them were arrested by the NKVD, and then shot. Some commanders and political workers were sentenced to long terms of imprisonment. One of them is the assistant commander of the 4th cavalry corps, divisional Commissar L. I. Bocharov.

Keywords: Civil war, military Commissar, North Caucasus military district, cavalry corps, arrest, interrogation, labor camp.

Судьбы многих успешных командиров и политработников Красной Армии трагически оборвались в результате массовых репрессий 1937–1938 гг. Коммунисты с двадцатилетним и более стажем, воевавшие на фронтах Гражданской войны, опытные руководители воинских соединений и объединений, физически крепкие и энергичные, они вдруг стали не нужны, более того – опасны для политического руководства страны. Карательными органами было сделано все, чтобы обвинить их в контрреволюционных преступлениях и уничтожить, а их имена предать забвению.

Дивизионный комиссар Бочаров Леонид Иванович, русский, родился в 1900 г. в деревне Холм Смоленской губернии в крестьянской семье. В 1918 г. он окончил церковноприходскую школу, двухклассную министерскую школу и Псковскую учительскую семинарию, организовал волостную школу для взрослых и руководил ею [5, с. 322]. Одновременно с этим возглавлял милицию Цуриковской волости. В большевистскую партию вступил в октябре 1918 г.

С апреля 1919 г. по партийной мобилизации Л. И. Бочаров находился в Красной Армии, участвовал в Гражданской войне. Ему пришлось воевать на Восточном и Южном фронтах на различных должностях: от красноармейца-политбойца коммунистического ударного батальона до помощника военного комиссара 15-й кавалерийской бригады.

После Гражданской войны Л. И. Бочаров проходил службу на ответственных должностях политсостава Красной Армии. В июле-сентябре 1921 г. – начальник политотдела Николаевской губернии. С сентября 1921 г. – заместитель начальника политотдела 15-й Сивашской стрелковой дивизии. В марте-июне 1922 г. – заместитель начальника агитационно-пропагандистского отдела политуправления Харьковского военного округа. В июне-сентябре 1922 г. – заместитель начальника политотдела 3-й Казанской стрелковой дивизии. С сентября 1922 г. по июль 1923 г. – военком кавалерийского полка 27-й Омской стрелковой дивизии и одновременно ответственный секретарь дивизионной партийной комиссии. С июля 1923 г. – начальник отделения партийного строительства политуправления Западного фронта. С марта 1924 г. – военком 9-го отдельного полка связи Западного

военного округа, начальник организационной части политотдела 7-й Самарской кавалерийской дивизии, заместитель начальника политотдела той же дивизии. С октября 1926 г. – военком и начальник политотдела 4-й отдельной кавалерийской бригады.

В 1928 г. Л. И. Бочаров окончил курсы усовершенствования высшего политсостава при Военно-политической академии имени Н. Г. Толмачева и был назначен начальником политотдела 7-й Самарской кавалерийской дивизии. В декабре 1930 г. он был назначен на должность военкома и начальника политотдела 10-й Северо-Кавказской кавалерийской дивизии, а в феврале 1932 г. стал помощником командира 4-го кавалерийского корпуса по политической части [5, с. 323]. В 1935 г. Л. И. Бочарову было присвоено персональное воинское звание дивизионный комиссар.

Обострение внутривойсковой обстановки привело к началу кампании по поиску замаскировавшихся врагов народа, вредителей и политически чуждых в войсках Северо-Кавказского военного округа (СКВО). 26 мая 1937 г. был арестован командир 4-го казачьего корпуса им. С. М. Буденного комкор И. Д. Косогов. Его первоначально обвинили в принадлежности к контрреволюционной организации правых [1, с. 377], а затем в шпионаже на германскую разведку [1, л. 458–459].

Под подозрение бдительных товарищей по партии мог попасть любой, невзирая на звание, должность, партийный стаж и былые заслуги. В числе таковых оказался и помполит 4-го казачьего кавкорпуса дивизионный комиссар Бочаров. В феврале 1938 г. по политическому недоверию, т. к. не смог обнаружить в Косогове замаскировавшегося врага, он был уволен в запас.

21 февраля 1938 г. Л. И. Бочаров был арестован органами НКВД. Следователям не удалось создать доказательную базу для обвинения дивизионного комиссара в контрреволюционных преступлениях, тогда они прибегли к различного рода фальсификациям. Следователи построили обвинения на показаниях лиц, которые уже были осуждены и расстреляны. Когда же Бочаров потребовал устроить очную ставку с его обвинителями, то руководство особого отдела ГУГБ НКВД СССР было вынуждено признать, что «провести Бочарову очную ставку с арестованными, избобличающими его, невозможно, ввиду того, что все они осуждены к ВМН – расстрелу и приговор приведен в исполнение» [2, л. 56].

Следствие продолжалось почти 2,5 года. Для получения нужных следствию показаний обвиняемого, к нему были применены методы физического воздействия [4, с. 210]. Однако следователям не удалось заставить Л. И. Бочарова признаться в совершенных преступлениях, оговорить себя и других. Бочаров не был окончательно сломлен, требовал справедливости, пытался доказать свою невиновность, обращаясь с письмами в различные инстанции. Так, в одном из своих писем из тюрьмы в адрес наркома обороны К. Е. Ворошилова он писал: «Несмотря на...шантаж, угрозу расстрелом и обещания сохранения жизни, если я буду подтверждать их провокационные протоколы допроса, на суде я решил умереть, но сказать правду, что я и сделал, заявив, что все мое дело выбитая липа и фабрикация» [3, с. 71].

Военной коллегией Верховного суда СССР 11 июля 1941 г. по обвинению в участии в военном заговоре Л. И. Бочаров был приговорен к пятнадцати годам ИТЛ. Высказанная обвиняемым в судебном заседании правда о ходе следствия и методах получения показаний, не оказала на членов суда никакого воздействия.

Отбывая наказание, Л. И. Бочаров умер в лагере. Дата его смерти не известна. Необходимо отметить, что в ходе проведенного исследования авторами установлено, что наибольшее количество погибших в местах лишения свободы представителей «красного генералитета» было из состава СКВО. Кроме дивизионного комиссара Л. И. Бочарова в ИТЛ погибли: военком кавалерийских курсов дивизионный комиссар К. М. Аникин; начальник политотдела 13-й казачьей дивизии бригадный комиссар Ф. В. Богачев; председатель военного трибунала СКВО бригадвоенюрисст Я. К. Жигур; начальник артиллерии СКВО комбриг М. Е. Мироевский; командир 55-й авиабригады комбриг Р. К. Ратауш; член коллегии военного трибунала СКВО бригадвоенюрисст К. Г. Сеппе; помощник командующего войсками СКВО по материальному обеспечению дивинтендант А. М. Соколов; командир 3-го авиакорпуса А. М. Тарновский-Терлецкий; секретарь окружной парткомиссии бригадный комиссар О. Ф. Таурин. Начальник связи войск СКВО полковник Л. М. Лентовский умер в ссылке. Все они посмертно были реабилитированы.

Определением Военной коллегии от 20 октября 1956 г. дивизионный комиссар Бочаров Леонид Иванович также был реабилитирован.

Массовое истребление высшего командного состава армии накануне Второй мировой войны – беспрецедентное явление в мировой истории. В предвоенные годы (в основном в 1937–1938 гг.) было по надуманным сфабрикованным политическим обвинениям арестовано более 500 командиров в звании от комбрига до маршала Советского Союза, из них 412 расстреляны, 29 умерли под стражей. Никакими, даже самыми лихорадочными усилиями, восполнить эти потери в оставшееся до войны время было невозможно [4, с. 317].

Список литературы и источников

1. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. Под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2004.
2. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1194.
3. Сувениров О. Ф. Клим Врошилову письмо я написал // Кентавр. 1995. № 5.
4. Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М.: ТЕРРА, 1998.
5. Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937–1941: Биографический словарь. М.: Кучково поле; Мегapolis, 2012.

УДК 006.99(571.53)(09)

Бедулина И. П., Иркутск

Возвращенный из забвения:

Константин Константинович Пантелеев-Киреев (1891–1945) – первый хранитель национализированной картинной галереи В. П. Сукачёва

Аннотация. В статье раскрываются неизвестные страницы истории создания и становления Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва в 1920 году. На основе архивных документов доказано, что первым хранителем национализированной картинной галереи был художник К. К. Пантелеев-Киреев, репрессированный в 1920–1930 годы, отчего имя и дело его были забыты.

Ключевые слова: Иркутский областной художественный музей им. В. П. Сукачёва; хранитель картинной галереи; К. К. Пантелеев-Киреев; К. И. Померанцев, репрессированные художники.

Bedulina I. P., Irkutsk

Returned from Oblivion:

Konstantin Konstantinovich Panteleev-Kireev (1891–1945) – the first curator of the nationalized art gallery of V. P. Sukachev

Annotation. The article reveals unknown facts in the history of the creation and establishment of the V. P. Sukachev Irkutsk Regional Art Museum in 1920. Based on archival documents, it was proven that the first curator of the nationalized art gallery was the artist K.K. Panteleev-Kireev, repressed in 1920-1930, that is why his name and work were forgotten.

Keywords: V. P. Sukachev Irkutsk Regional Art Museum; art gallery curator; K. K. Panteleev-Kireev; K. I. Pomeranians, repressed artists.

Освещение вопроса о политических репрессиях советского периода в стране и, в частности, в Сибири получило широкое распространение в постперестроечное время. Интерес к этой проблематике не затухает и сегодня, показывая преобладание подходов, содержащих анализ и осмысление трагической страницы отечественной истории на основании более тщательного и беспристрастного использования архивных источников.

Целью нашего исследования является восстановление находящегося долгие годы в забвении имени первого хранителя национализированной картинной галереи В. П. Сукачёва К. К. Пантелеева-Киреева, попавшего в жернова машины политических репрессий, безвременно погибшего, прожившего всего 54 года и исчезнувшего со страниц истории.

О Константине Константиновиче Пантелееве-Кирееве (1891–1945) имеется крайне мало опубликованных сведений. Впервые его имя, как первого хранителя картинной галереи В. П. Сукачёва, было упомянуто А. Д. Фатьяновым в 1958 г. в его пер-

вой книге¹. Однако через 16 лет Фатьянов в своей очередной монографии, а также в последующих первым хранителем стал называть К. И. Померанцева².

Под властью этого авторитетного, но, как выяснилось, ошибочного мнения находились в дальнейшем и другие авторы. Например, В. Г. Распутин писал: «Признавая, что музей наш с самого начала родился под счастливой звездой, самое большое счастье и удачу следует искать в служивших ему людях. Сразу после национализации сукачёвского собрания хранителем галереи стал скульптор К. И. Померанцев, профессионально и тонко разбиравшийся в искусстве и в смутное время формализма и эпигонства не изменивший ему в угоду скороспелым и захватывающим господствующим взглядам»³.

Находясь под влиянием многочисленных заслуг выдающегося деятеля культуры, искусствоведа, Почетного гражданина города Иркутска, титулованного директора Иркутского областного художественного музея с почти 40-летним стажем Алексея Дементьевича Фатьянова, мы также допустили тиражирование этой исторической неточности⁴.

Необходимо отметить, что в 1961 г. К. К. Пантелеев-Киреев, как первый хранитель галереи, упоминался в неопубликован-

¹ Фатьянов А. Д. Иркутский художественный музей. Иркутск: Ирк. книжное изд-во, 1958. С. 28. Впервые полностью письмо опубликовано: Лыхин Ю. П. Художник Константин Померанцев: Письма. Документы. Воспоминания / сост., автор вступ. ст. и коммент. Ю. П. Лыхин. Иркутск, 2001. С. 79–80.

² Фатьянов А. Д. Загадка старой картины. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1974. С. 97–98; Фатьянов А. Д. Иркутские сокровища. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. С. 16.

³ Фатьянов А. Д. Иркутские сокровища. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. С. 8; Фатьянов А. Д. Владимир Сукачев. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. С. 222; Иркутский художественный музей. Иркутск: ООО «Артиздат», 2005. С. 10–11.

⁴ Бедулина И. П. К вопросу создания, формирования и ценности библиотечного фонда Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы Всерос. науч.-теор. конф. с международным участием, посвящ. 105-й годовщине со дня рождения доктора исторических наук, профессора Всеволода Ивановича Дулова и 90-летию его ученика, доктора исторических наук, профессора Виктора Григорьевича Тюкавкина (Иркутск, 25 апреля 2018 г.). Иркутск: Оттиск, 2018. С. 270.

ной рукописи Г. И. Дудина (первого директора самостоятельно-го Иркутского художественного музея)¹.

Лишь в 2001 и 2002 гг. имя Пантелеева-Киреева вновь появилось в публикациях, где было указано, что он, еще до Померанцева, состоял в должности первого хранителя галерей². Однако автор 2-х монографий, вернув вычеркнутое из истории художественного музея имя человека, стоявшего у истоков, в первом упоминании не подтвердил этот факт официальными документами. Во второй публикации, сославшись на архивный документ, ограничился констатацией факта, не указав на ошибочность ранее существующего мнения. Автор, вероятно, не ставил задачу проанализировать причины исчезновения из публикаций имени К. К. Пантелеева-Киреева, что не позволило раскрыть важные страницы его биографии, а также истории художественного музея.

В связи с этим перед нами стоит задача: на основе анализа опубликованных и вновь выявленных неопубликованных архивных документов определить роль и место К. К. Пантелеева-Киреева в организации Иркутского художественного музея. Научная новизна и актуальность представленной темы заключается в отсутствии специальных исследований по данной проблеме. Выявив новые документы, автор статьи продолжает начатые ранее исследования о жизни и деятельности К. К. Пантелеева-Киреева³.

Как свидетельствуют архивные документы фонда «Иркутский губернский дом лишения свободы», Константин Константинович Пантелеев-Киреев родился в селе Владикарск⁴ Карской

¹ Дудин Г. И. Из истории Иркутского областного художественного музея. На правах рукописи. Иркутск, 1961. С. 19.

² Лыхин Ю. П. Художник Константин Померанцев: Письма. Документы. Воспоминания / сост., автор вступ. ст. и коммент. Ю. П. Лыхин. Иркутск, 2001. С. 132; Он же. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века) / Архитектурно-этнограф. музей «Тальцы». Иркутск, 2002. С. 102.

³ Бедулина И. П. Роль первых руководителей Иркутского художественного музея им. В. П. Сукачева в формировании библиотечного фонда музея в 1920–1930 гг. // Музей между Гражданской и Великой Отечественной войной: судьба людей, коллекций, зданий: сборник докладов Всероссийской конференции. 10–12 октября 2018 г. / Екатеринбургский музей изобразительных искусств, Государственный Эрмитаж. Екатеринбург, 2018. С. 16–19.

⁴ В Книге Памяти Республики Коми ошибочно указан г. Владикавказ. См. Электронный ресурс: Книга памяти Республики Коми. Пантелеев-Киреев

области¹, ростом он был «2 аршина 5 вершков», т. е. ок. 165 см, имел «лицо чистое, глаза серые, волосы темно-русые; особые приметы: нет переднего зуба на верхней челюсти и хромота на правую ногу». Человеком он был грамотным, вероисповедание имел католическое².

Это не противоречит данным о том, что население Карской области «было многоконфессиональным», включающим и католиков. Кроме того, уже в 1879–1880 гг. в г. Карсе работало 3 школы (1 частная и две казенные), где, возможно, учился Константин. «К 1902 г. в них обучалось 550 мальчиков и 270 девочек»³.

Из Книги памяти Республики Коми узнаем, что К. К. Пантелеев-Киреев был курдом по национальности⁴. Однако курды, жившие в Карской области, «почти все числились суннитами» (мусульманами). Курдское население занималось, в основном, скотоводством и вело полукочевой образ жизни, было сплошь безграмотным, т. к. «своих детей в школы не пускали»⁵.

Однако двойная фамилия «Пантелеев-Киреев», добротное по тем временам образование, да еще профессия художника-живописца⁶ говорят об исключительном случае. Является очевидным, что семья, в которой родился Пантелеев-Киреев, принадлежала

Константин Константинович (1891) URL. Ru.openlist.wiki – Открытый список. (Дата обращения 14. 10. 2019).

¹ Карс(с)кая область – административно-территориальная единица Российской империи (1878–1917 гг.) в юго-западной части Закавказья. Отошла к России в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг. На севере граничила с Кутаисской и Тифлисской губерниями, на востоке – с Эриванской губернией, на юге – с Эрзерумским вилайетом Турции. Административный центр – город Карс. В настоящее время на территории бывшей Карсской области расположены три турецкие провинции (ила): Карс, Эрзурум и Ардахан. Перед Карсом находились 3 бывших молочно-скотоводческих села, в числе которых Кумбетли (Владикарс).

² Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-157. Оп. 3. Д. 12239. Л. 1 об.–2; Д. 12240. Л. 6.

³ Утерянные земли России. От Петра I до Гражданской войны / А. Б. Широкоград. Москва: Вече, 2006. 455, [1] с., [8] л. ил., карт., портр.

⁴ Электронный ресурс: Книга памяти Республики Коми. Пантелеев-Киреев Константин Константинович (1891) URL. Ru.openlist.wiki – Открытый список. (Дата обращения 14. 10. 2019).

⁵ Утерянные земли России. От Петра I до Гражданской войны / А. Б. Широкоград. Москва: Вече, 2006. 455, [1] с., [8] л. ил., карт., портр.

⁶ Художники Ухты. Период ГУЛАГа (1929–1955 гг.) / Т. А. Векшина, А. И. Фоменко, Р. Н. Федорович, Т. Л. Корнилова. Ухта, 2017. С. 105–107.

к зажиточному слою, возможно, местной аристократии, эмигрировавшей во время резни и войн между турками, курдами и армянами вместе с христианским населением вглубь России.

Еще одним доказательством не простого происхождения Пантелеева-Киреева является книга, сохранившаяся в библиотеке Иркутского областного художественного музея. Это «Каталог художественных произведений городской галереи Павла и Сергея Третьяковых», изданный в 1913 г. в Москве. Владельческие надписи на переплете и титульном листе свидетельствуют, что экземпляр принадлежал К. К. Пантелееву-Кирееву: «Библиотека К. К. Пантелеева (отделение искусства) № 3 1914 г.». Интерес представляет также сделанная рукой владельца запись: «Приобретена в 1913 году в Третьяковке». Следовательно, в возрасте 22 лет Пантелеев-Киреев был в Москве, посещал Третьяковскую галерею, и, видимо, не случайно приобрел именно эту книгу в собственную библиотеку. Вероятно, к этому времени он уже получил профессию художника, что также доказывают многочисленные карандашные пометы по всему каталогу, оставленные профессионалом.

Сведений о времени появления К. К. Пантелеева-Киреева в Иркутской губернии пока не обнаружено, но известно, что до 1919 г. он был учителем рисования Усольского высшего начального училища¹. В начале 1920 г. он уже в Иркутске активно привлекался как художник-эксперт, о чем говорят многочисленные архивные документы. Так, 20 февраля Губернский отдел народного образования (Губнаробраз) выдал Пантелееву-Кирееву мандат за № 521 для осмотра произведений искусства на предмет их художественной ценности². Из опубликованных источников известно, что в феврале 1920 г. художники К. К. Пантелеев-Киреев и К. И. Померанцев, осматривая картинную галерею В. П. Сукачёва, составили опись и акт о состоянии коллекции.

21 февраля 1920 г. было принято постановление Иркутского губернского революционного комитета: «Сукачевскую галерею, состоящую из 89 картин, гравюр и 2-х скульптур, национализировать и передать в распоряжение Губернского отдела народ-

¹ Лыхин Ю. П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века). Иркутск, 2002. С. 281.

² ГАИО. Ф. Р-157. Оп. 3. Д. 12240. Л. 6 об.

ного просвещения (правильно – образования. – И. Б.), поручив последнему в срочном порядке разработать и представить на утверждение план организации Народного музея искусств»¹.

Следует заметить, что характерными чертами при принятии решений в это время были поспешность и несогласованность. Так, еще до окончательного утверждения органов управления по музейному делу, 23 февраля Пантелеева-Киреева приказом Губнаробраза назначили заведующим художественной секцией подотдела искусств².

Через четыре дня, 27 февраля, на заседании Коллегии Иркутского Губнаробраза (приказы Губнаробраза от 4 марта 1920 г. №№ 52 и 54) в его структуре было учреждено подразделение – **Подотдел охраны культурных ценностей**, заведующим которого назначили М. А. Кравкова³. Вновь созданный орган имел в своей структуре четыре секции: архивная, народоведения, естественно-историческая и **художественно-историческая**. Было установлено, что в своей области каждая секция являлась автономной. Важно подчеркнуть, что эти четыре секции стали основой для создания трех современных учреждений: Государственной архивной службы с Государственным архивом Иркутской области, Иркутского областного краеведческого музея и **Иркутского областного художественного музея**.

Во главе каждой секции приказом № 1 по Подотделу от 7 марта 1920 г. был назначен ученый руководитель: художественно-историческую секцию возглавил Григорий Иванович Котов (1859–1942), 61-летний профессор из Петербурга, архитектор, член-корреспондент Императорской археологической комиссии, бывший директор Санкт-Петербургского Центрального училища технического рисования барона Штиглица. Согласно документу, ученым руководителям было предложено «приступить к организации Областного Музея в Иркутске»⁴.

15 и 26 марта на заседаниях Коллегии Губнаробраза решались вопросы финансирования «4-х секций музея», утверждались смета, штаты, должностные оклады. Художественно-исторической секции на хозяйственные расходы, оборудование и

¹ ГАИО. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 108. Л. 8 об.

² Там же. Д. 540. Л. 25.

³ Там же. Л. 65, 99.

⁴ Там же. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 211. Л. 5–5 об.

размещение Сукачёвской галереи было выделено 35 тыс. руб. Было утверждено первое штатное расписание секции: хранитель музея, он же заведующий библиотекой; делопроизводитель, он же второй хранитель; смотритель зданий; 2 служителя¹.

16 марта Пантелееву-Кирееву был выдан другой мандат с расширенными и конкретизированными полномочиями: «Художнику Пантелееву-Кирееву К. К. поручается взять на учет все художественные произведения, как то: картины, скульптуры, иконы и пр[очее] в правительственных и общественных учреждениях с целью выяснения их ценности и значения, а также их помещения в Народную Картинную Галерею»².

Однако 1 апреля 1920 г. на очередном заседании Коллегии Губнаробраза К. К. Пантелеева-Киреева назначили не первым, что было бы логично, а вторым хранителем и делопроизводителем – «с возложением на него обязанностей заведывания отделениями живописи и скульптуры». Первым «хранителем музея и заведующим библиотекой» был назначен некто Шварев Николай Александрович (1890–1962) «с возложением на него обязанностей заведывания отделением архитектурным, прикладных искусств и историческим»³.

Объяснить такой поворот событий можно следующим. Является очевидным, что кандидатура Н. А. Шварева была предложена ученым руководителем художественно-исторической секции Г. И. Котовым. И это было не случайно. Н. А. Шварев, уроженец Перми, в 1913–1916 гг. учился на архитектора в Высшем художественном училище при Императорской Академии художеств (ИАХ) в Петербурге, где преподавал в архитектурном классе, а в 1915–1920 гг. служил непрямым членом Совета ИАХ, Г. И. Котов⁴. Этот факт дает основание полагать, что ученик и учитель были хорошо знакомы, чем объясняется желание профессора взять к себе в подчинение бывшего ученика. Однако, вероятнее всего, Шварев после назначения из Иркутска уехал в родную Пермь, где помогал комплектовать художественный отдел Пермского научно-промышленного му-

¹ ГАИО. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 19. Л. 49–49 об.

² Там же. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 219. Л. 19.

³ Там же. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 212. Л. 7–7 об.

⁴ См.: Список русских художников к юбилейному справочнику Императорской Академии художеств / сост. С. Н. Кондаков. Ч. 2. [Часть биографическая]. СПб., [1915]. С. 345.

зея и сделал на родине неплохую карьеру. Фамилия Шварева в последующих иркутских документах больше не встречается, в отличие от Пантелеева-Киреева.

Согласно документальным сведениям, в апреле 1920 г. 29-летнему художнику пришлось практически одному выполнять функции и 1-го и 2-го хранителя. Он решал организационные и практические вопросы: поиск подходящего помещения для художественно-исторической секции, осмотр и выявление ценностей в учреждениях города, частных домах и квартирах, составление описей и актов, «взятие под охрану» экспонатов.

14 апреля 1920 г. Чрезвычайная жилищная комиссия отвела помещение под Областной музей (ордер № 694) – каменное здание (проект иркутского архитектора А. П. Артюшкова), бывший магазин купца первой гильдии Л. Б. Мерецкого на ул. Пестеревской (совр. Урицкого).

Но лишь в конце апреля в помощь Пантелееву-Кирееву на должность 2-го хранителя художественно-исторической секции был рекомендован 33-летний петроградский художник Антоний Игнатьевич Стражник (1887–?), которому было выдано удостоверение «на выяснение предметов, имеющих художественное значение (для музея и библиотеки) <...> о предоставлении поименованных предметов для музейного дела»¹.

Согласно приказу № 11 от 3 мая 1920 г. Подотдела охраны культурных ценностей, который иногда называли «Областным музеем», для приемки здания бывшего магазина Л. Б. Мерецкого от Труженика-кооператора была назначена комиссия в составе художников К. К. Пантелеева-Киреева и А. И. Стражника, под председательством заведующего зданием музея А. В. Витковского². Художественно-исторической секции был отведен второй этаж.

Заметим, что к этому времени ни Пантелеев-Киреев, ни Стражник еще формально не вступили в свои должности. И только 10 мая 1920 г., приказом Губнаробраза № 194 К. К. Пантелеев-Киреев был назначен задним числом 1-м хранителем «художественно-исторического музея» и заведующим библиотекой (с 1 мая); А. И. Стражник – 2-м хранителем (с 3-го мая)³.

¹ ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 219. Л. 34.

² Там же. Д. 211. Л. 18–18 об.

³ Там же. Д. 211. Л. 21.

Согласно приказу № 10 от 25 апреля 1920 г. по Подотделу охраны культурных ценностей, на оборудование «музея и библиотеки» был выделен аванс в размере 24 тысяч рублей¹. Работа активизировалась.

Таким образом, в феврале-апреле 1920 г. завершился первый организационный этап становления органов управления и собственно музейного учреждения, в том числе, будущего Иркутского областного художественного музея, в чем непосредственное участие принимал К. К. Пантелеев-Киреев.

В июне-июле, как свидетельствуют многочисленные документы, оба хранителя на извозчиках перевозили художественные произведения и книги в «дом Мерецкого», приобретали необходимое оборудование, размещали экспонаты в зале. Для устранения возможного противодействия в работе по досмотру и изъятию предметов искусства 16 июня 1-му хранителю К. К. Пантелееву-Кирееву и 2-му хранителю А. И. Стражнику были выданы удостоверения «на осмотр в учреждениях и управлениях г. Иркутска ценностей как то: ковры, книги, мебель, бронза и пр. вещи, имеющие историческую ценность, а также присутствовать при разборе и реквизиции в военно-реквизиционной комиссии губчека, Трамот, Коммунальном отделе»².

Неожиданно 19 июня 1920 г. К. К. Пантелеев-Киреев был арестован «по обвинению в даче ложных показаний и содействию контрреволюции»³. Пробыв в тюрьме 11 дней, 29 июня он был освобожден, дав подписку: «1920 года июня 29 дня. Мы нижеподписавшиеся даем сию подписку в том, что обязуемся по первому требованию явиться в особый отдел ВЧК при 5-ой Армии, в чем и подписуемся. Пантелеев-Киреев»⁴. Ордер № 43-а предписывал «немедленно освободить из под ареста Пантелеева Константина Николаевича и Пантелеева-Киреева Константина Констант[ановича]». Основание освобождения: «Пост[ановление] Комиссии от 27/06 в деле № 1507». В конце дела прилагалась справка, написанная от руки на небольшом отрывке темно-фиолетовой бумаги: «Пантелеев-Киреев Константин Константинович освобожден из под стражи 29 июня 1920 г. (по

¹ ГАИО. Д. 211. Л. 14.

² Там же. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 219. Л. 58, 61.

³ Там же. Ф. Р-157. Оп. 3. Д. 12239. Л. 1 об.

⁴ Там же. Л. 3.

распоряжению) согласно ордера особого отд[ела] ВЧК при 5 Армии от 27 июня 1920 г. за № 43-а»¹. Кто был Пантелеев К. Н. установить пока не удалось.

Выйдя на свободу, К. К. Пантелеев-Киреев вновь приступил к своим обязанностям 1-го хранителя, получив удостоверение от 10 июля «в том, что он действительно состоит на службе в Губернском отделе Народного образования в качестве 1-го хранителя художественно-исторического отделения Областного музея. Что подписью и приложением печати удостоверяется»².

В июле им была заведена Инвентарная книга № 1 на 1920–1925 гг., в которую он внес все имеющиеся на это время в художественно-исторической секции экспонаты и книги, о чем мы писали ранее³. А уже 24 августа 1920 г. контролером рабоче-крестьянской инспекции в Иркутске П. И. Паутовым была произведена «ревизия имущества художественно-исторического музея областного отдела, находящегося на отчете первого хранителя сукачевского музея К. К. Пантелеева-Киреева», показавшая полную сохранность предметов, стоящих на учете⁴.

В конце августа Пантелеев-Киреев снова оказался один на один с проблемами по будущему художественному музею. 20 августа 1920 г. 2-й хранитель А. И. Стражник был отправлен в командировку в Петроград и Москву «для отбора и приемки картин, скульптуры и художественно-исторических прикладных предметов для картинной галереи и художественно-исторического отдела Областного музея народобраза»⁵. Уроженец Петербурга, Стражник во время поездки, очевидно, похлопотал за себя в столицах. Иначе, чем можно объяснить то, что уже 3 сентября 1920 г. заведующий секцией охраны культурных ценностей назвал отправку Стражника «в распоряжение Академии художеств (Государственные мастерские в Петрограде) для окончания образования», как очень способного и подающего большие надежды художника, «в высшей степени весьма

¹ ГАИО. Л. 4–5 об.

² Там же. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 219. Л. 64.

³ Бедулина И. П. Роль первых руководителей Иркутского художественного музея им. В. П. Сукачева в формировании библиотечного фонда музея в 1920–1930 гг. // Музей между Гражданской и Великой Отечественной войной... С. 16–19.

⁴ Архив ИОХМ. Инвентарная книга 1920. № 220. ИК-1. Л. 9 об.

⁵ ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 219. Л. 75.

желательным», отвечая 18 августа на отношение внешкольного подотдела Сибнаробраза¹.

Приказом Губоно от 15 сентября 1920 г. 2-м хранителем был назначен иркутский художник Константин Иннокентьевич Померанцев (1884–1945), который работал до этого на Забайкальской железной дороге. По оценке Померанцева, он «уже застал налаживающийся аппарат, над которым <...> бился один Пантелеев»².

Осенью 1920 г. Пантелеев-Киреев пережил стремительный «взлет» по служебной лестнице, повлекший возросшую ответственность, и резкое «падение». Приказом по секции охраны культурных ценностей отдела народного образования № 25 от 14 сентября 1920 г. К. К. Пантелеева-Киреева, который был также ученым руководителем подсекции охраны памятников искусства и старины, назначили заведующим учетом культурных ценностей. Одновременно он стал председателем учетно-расценочной комиссии, в состав которой входили 2-й хранитель музея художник К. И. Померанцев, делопроизводитель охраны старины студент академии Филипп Эммануилович Карантонис и архивариус Константин Епифанович Логотов. Комиссия наделялась широкими правами, а заведующему предоставлялось право реквизиции ценностей. Всем членам комиссии Губотнаробразом выдавались мандаты и удостоверения. Они обязаны были немедленно докладывать заведующему секцией о невыполнении постановления Губотнаробраза или оказании им противодействия³.

4 октября 1920 г. последовал арест заведующего секцией охраны культурных ценностей М. А. Кравкова, его должность временно занял секретарь секции Ф. В. Богородский. В комиссию приемки денежных сумм, документов и материалов вошли К. К. Пантелеев-Киреев, Ф. Э. Карантонис и К. И. Померанцев⁴.

Череда назначений, расширение обязанностей, возрастающая нагрузка стали причиной обращения Пантелеева-Киреева 7 октября в отдел народного образования с запиской, которую можно назвать «криком отчаяния»: «Ученый руководитель художественно-исторической подсекции он же и заведывающий подсек-

¹ ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 219. Л. 66.

² Архив ИОХМ. Померанцев К. И. Письмо А. Д. Фатьянову от 11. 04. 1941 г. № 40. ПХ-8.

³ ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 211. Л. 36.

⁴ Там же. Л. 37–37 об.

цией тов. Котов совершенно не посещает службу и не выполняет своих обязанностей в продолжение двух месяцев <...> мне вновь приходится прибегать к разрешению вопросов сопряженных с работой без его вмешательства <...> я снова вынужден вести переписку по подсекции самостоятельно, хотя уже до этого и получил замечание <...> прошу дать мне официально инструкции, которыми бы определилось отношение Хранителей Музея к постоянно отсутствующему Ученому Руководителю и Заведывающему Подсекцией»¹. Полагаем, что эта записка не только не помогла ее автору, а, возможно, и навредила. Забегая вперед, отметим, что ученый руководитель художественно-исторической секции профессор Г. И. Котов в июне 1921 г. благополучно вернулся в Петроград в Академию художеств, и только 13 октября 1921 г. приказом № 14 по Восточно-Сибирскому филиалу подотдела исследования Сибири был исключен из его списков².

Почти через месяц после ареста М. А. Кравкова, 1 ноября 1920 г. Пантелеев-Киреев был арестован второй раз. В постановлении говорилось: «1920 года ноября 1 дня, Я Уполномоченный Секретно-Оперативного отдела Иргубчека...(фамилия неразборчиво. – И. Б.) <...> рассмотрев настоящее дело, по обвинению гр. Пантелеева К. К. ПОСТАНОВИЛ: дело принять к своему производству, привлечь в качестве обвиняемого Пантелеева К. К. предъявив ему обвинение в выдаче сов[етских] работников [в] 1919 году и меру пресечения избрать в отношении его арестовать и содержать в губтюрьме в общ[ую] камеру с назнач[ением] на раб[оты]»³.

К делу № 11596, согласно описи, были приложены следующие документы: «билет заключенного № 11596, отношение коменданта особ[ого] отд[ела] Иргубчека № 3984 1 ноября 20 год., Мандат Ирк[утского] Губ[ернского] отдела просвещ[ения] № 521 20/2-20 год, Удостоверение отдел[а] Народ[ного] образов[ания] 20 ав[густа] 1920 год. № 1236, Мандат отд[ела] Народ[ного] образов[ания] № 19077. 30/9 20 год, Бумага от завед[ующего] подотд[елом] искусств № 1376 13 марта 20 год, Мандат от Заведующ[его] подотд[елом] по охране культ[урных] ценностей № 5 16 марта 20 год»⁴.

¹ ГАИО. Д. 213. Л. 49.

² Там же. Ф. Р-1860. Оп. 1. Д. 2. Л.Л. 22, 36–37.

³ ГАИО. Ф. Р-157. Оп. 3. Д. 12240. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 6 об.

В деле также подшита расписка секретаря секции охраны культурных ценностей Ф. Э. Карантониса от 5 ноября 1920 г. о получении «от заключенного в Иргубтюрьме 1-го хранителя областного музея» ключей «от несгораемого шкафа и входных дверей музея»¹. Из документа также узнаем, что арестованный был женат на Осанне Аршаковне².

В этот раз художник сидел в тюрьме три месяца и 8 дней. На основании ордера № 109 Иргубчека от 7 февраля 1921 года, где было указано: «Начальнику Иркутск[ой] Тюрьмы. Предлагается Вам немедленно освободить из под ареста гр. Пантелеева-Киреева Конст[антина] Констант[иновича]. С освобожденного взять подписку о явке его в Губчека ком[нату] № 12. По освобождении срочно препроводить в Губчека прикрепленное внизу сего ордера извещение»³. Согласно справке, подписанной начальником тюрьмы, заключенный Пантелеев-Киреев К. К. был освобожден 8 февраля 1921 г. на основании ордера Иргубчека от 7 февраля 1921 г. за № 109⁴. Отметим, что изъятые при аресте документы были ему возвращены.

В документе с утраченным первым листом, вероятно, приказе читаем: «1-й хранитель худож[ественно]-историч[еского] музея и ученый руководитель охраны старины тов. Пантелеев-Киреев К. К. донес, что он 6 февраля с. г. (дата ошибочная. – И. Б.) освобожден из тюрьмы и прибыл к месту своей службы. Основание: Отношение тов. Пантелеева Киреева от...февраля 1921 г.»⁵.

Считаем необходимым заметить, что в начале декабря 1920 г. М. А. Кравкова не только выпустили из тюрьмы, но и разрешили отъезд в Омск в распоряжение Сибнаробраза, исключив его с 10 декабря из списков служащих, на основании приказа Иргуботнаробраза № 1216 от 14 декабря 1920 г.⁶ На освободившуюся должность заведующего подотделом охраны культурных ценностей 15 января 1921 г. был поставлен Я. В. Ходукин⁷.

Новый руководитель 16 февраля опять назначил ученым руководителем художественно-исторического отделения профес-

¹ ГАИО. Л. 4.

² Там же. Л. 1 об.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Там же. Ф. Р-157. Оп. 3. Д. 12240. Л. 6 об.

⁵ Там же. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 211. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 40.

⁷ Там же. Ф. Р-1860. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

сора Г. И. Котова, 1-м хранителем К. К. Пантелеева-Киреева, 2-м хранителем К. И. Померанцева с исполнением обязанностей 1-го хранителя, 3-м хранителем Н. А. Андреева, библиотекарем и секретарем Е. А. Ягубову-Тэрганьянс¹.

После трехмесячного тюремного заключения организм К. К. Пантелеева-Киреева дал сбой, он заболел. В фонде Восточно-Сибирского филиала подотдела исследования Сибири сохранились два подлинных «Листа о болезни». Согласно первому – от 20 марта 1921 г., художник Константин Пантелеев 28 лет, работавший в «Губнаробразе», проживавший на ул. Саломатовской (*совр. – Карла Либкнехта*), дом 9, кв. 9, был «освобожден от работы» с 16 по 30 марта 1921 г. (15 дней) с диагнозом «травматический психоневроз».

По второму «больничному» от 2 апреля 1921 г. уже 29 летний больной был освобожден с 31 марта по 13 апреля 1921 г. (14 дней) с диагнозом «травматический психоневроз тяжелой формы». В деле подшиты также копии этих документов от 16 апреля, заверенные народным судьей 1-го участка Иркутского уезда, подлинники которому представила София Аркадьевна² Пантелеева-Киреева, жена К. К. Пантелеева-Киреева³. Вероятно, для предоставления на место службы.

Таким образом, 1-й хранитель отсутствовал на работе по болезни с 16 марта по 13 апреля 1921 г. – 29 дней. Следовательно, период, не подтвержденный «больничными листами», составлял всего один месяц и 17 дней. Однако, в приказе № 4 от 21 июня 1921 г. записано: «ученый руководитель по охране памятников старины и искусства худ[ожник] Пантелеев-Киреев в виду непосещения им службы в течение 5 месяцев (?! – И. Б.) увольняется от должности с 1-го июня с. г. Основание: Кодекс законов о труде»⁴.

Так печально закончилась служба в Иркутске, с нашей точки зрения, незаурядного и трудолюбивого организатора и руководителя, первого хранителя и первого библиотекаря национализированной сукачёвской картинной галереи художника Константина Константиновича Пантелеева-Киреева.

¹ ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 211. Л.Л. 1 об. – 2.

² Русский вариант имени Осанна Аршаковна.

³ ГАИО. Ф. Р-1860. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–5, 2–3.

⁴ Там же. Л. 13.

После увольнения след его теряется и появляется уже в Москве, где он жил «до ареста 9 апреля 1936 года». 22 июня 1936 г. Пантелеев-Киреев был осужден на 5 лет ИТЛ Особым Совещанием НКВД СССР по статье «контрреволюционная троцкистская деятельность. <...> Срок отбывал сначала в Ухтлаге, куда прибыл 14 июля 1936 года, 11 июля 1938 года переведен в Воркутапечлаг». После освобождения 9 апреля 1941 г. остался в Воркуте, преподавал черчение в ремесленном училище, вел студию при клубе горняков. Участвовал в республиканских художественных выставках в 1945 и 1946 (посмертно) годах. В книге, составленной сотрудниками Центральной библиотеки МОГО «Ухта» и Ухтинского городского клуба «Краевед», помещены две репродукции картин художника, работы которого хранятся теперь в Национальной галерее Республики Коми¹.

С нашей точки зрения, именно факты биографии К. К. Пантелеева-Киреева, связанные с его арестами, стали причинами забвения его имени. Трудно не согласится с тем, что «...замалчивание <...> сведений о деятельности профессиональных художников – заключенных и репрессированных было целенаправленной частью культурной политики государства. Историки искусства в республике также никогда не использовали в своих исследованиях ни устных, ни документальных, ни творческих материалов о репрессированных художниках...»²

Таким образом, нами установлено, что первым хранителем национализированной картинной галереи В. П. Сукачёва, ставшей ядром будущего Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва, был художник Константин Константинович Пантелеев-Киреев. Бесспорно и то, что благодаря его мужеству и самоотверженному труду в самые первые сложные месяцы становления музея, были поставлены на учет и сохранены замечательные произведения искусства, а также редкие книги, являющиеся культурным достоянием нашей страны.

¹ Художники Ухты. Период ГУЛАГа (1929–1955 гг.) ... С. 105–107.

² Указ. соч. С. 4–5.

Памятники революции, каторги и ссылки

УДК 343.8(571.53)

Гарашенко А. Н., Гарашенко Л. В., Иркутск

Ремесленная слобода в Иркутске как результат пенитенциарной политики государства

Аннотация. Статья посвящена истории создания в Иркутске ремесленного дома, первоначально – как учреждения для предоставления возможности «дабы работою доставить прокормление неимущим», а затем с целью формирования из ссыльных, владевших определенными ремеслами, структуры, участвовавшей в производственной деятельности города. В дальнейшем отбывшие свой срок мастера селились в определенной части города, сформировав так называемую ремесленную слободу.

Ключевые слова: Иркутск, Б. Б. Леццано, Приказ общественного призрения, ремесленный дом, суконная фабрика, ремесленная слобода.

Garashchenko A. N., Garashchenko L. V., Irkutsk

Craft settlement in Irkutsk is the result of prison policy of the state

Abstract. The article is devoted to the history of the creation of a craft house in Irkutsk, initially – as an institution to provide an opportunity «to work to deliver feeding to the poor», and then to form from the exiles, who owned certain crafts, a structure that participated in the production activities of the city. In the future, the masters who served their term settled in a certain part of the city, forming the so-called craft settlement.

Keywords: Irkutsk, B. B. Lezzano, Order of public prize, craft house, felt factory, craft settlement.

Согласно летописным сведениям, рабочий дом в Иркутске открывался дважды.

Иркутский летописец А. И. Лосев в «Географическо-статистическом описании Иркутской губернии» указывает, что «смирительный и рабочий дома восстановлены на основании высочайшего о губерниях учреждения, первый в 1787, а последний в 1789 годах. Существовали они в ведомстве приказа общественного призрения по 5 октября 1799 года, а с того времени по предложению военного губернатора вступили в заведывание полиции. В дома сии присылаемы были по большей части люди по приговорам палаты уголовного суда и по определениям прочих присутственных мест»¹.

Это сообщение требует определенного пояснения, которое можно найти в законодательстве Российской империи.

Первые практические шаги к созданию рабочих домов были сделаны в царствование Екатерины II. 12 августа 1775 г. в адрес московского полицеймейстера был дан именной указ «Об учреждении под ведомством тамошней полиции особой больницы, богадельни и рабочих домов». Первые два заведения были определены для людей, не имевших физической возможности к труду: увечных, престарелых, больных, а вот рабочие дома предназначались для «молодых лет ленивцев, приобыхших лучше праздно шататься, прося бесстыдно милостыни, нежели получать пропитание работою, то для таковых, дабы прекратить им средства к развратной праздности». Это относилось к лицам как мужского, так и женского пола. Для мужчин предусматривались работы по пилению камня для казенных и частных строений, а для женщин – труд на прядильном производстве. За этот труд предусматривалась надлежащая плата². Данные действия правительства можно рассматривать и как попытку предотвращения возможных уголовных преступлений, и как борьбу с тунеядством, и как предоставление работы нуждающимся, которые желали трудиться и вести честный образ жизни.

В том же году 7 ноября в «Учреждении для управления губерний Всероссийской империи» правительство пошло дальше, пыта-

¹ Лосев А. Географическо-статистическое описание Иркутской губернии // Весь Иркутск. Информационно-рекламный ежегодник-календарь на 1992 г.... Иркутск, 1992. С. 241.

² ПСЗ-1. Т. XX. № 14357.

ясь распространить это метод на территорию всего государства. В этом законе уже не полиции, а Приказам общественного призрения вменялось в обязанность заводить работные дома, «дабы работою доставить прокормление неимущим», виды работ отдавались на усмотрение Приказов. В законе отмечалось, что так как «в работных домах всякий кормится своею работою, то и принимать в оные совершенно убогих обоего пола людей, кои работать могут, и сами добровольно туда приходят (и кои не привязаны к иной работе) в оных домах дают им работу, а по мере работы пищу, покров, одежду, или деньги, или же в работные дома принимают пристанища не имеющих, кои присланы будут на время, или навсегда из какого ни на есть места, на то власть имеющего, в той губернии»¹.

В этом же законе прописывалось и создание смиренных домов. Чем же отличались смиренные дома от работных? В первую очередь, контингентом, который туда планировалось помещать. «Смирительный дом устанавливается ради таких людей обоего пола, которые непотребного и невоздержанного жития». Далее следует перечень этих лиц: сыновья и дочери, не склонные ни к чему добродетельному; люди, которые «впадут в непотребное житие, начнут расточать имение», накопят долги, превышающие стоимость собственности, дом разорят; люди, чье поведение противоречит «добронравию и благочинию»; люди, которых в службу никто не принимает; лентяи и гуляки, которые все пропивают или проматывают; те, кто не желает трудиться ради собственного пропитания; женщины, говоря современным языком, занимавшиеся проституцией. Во-вторых, при определении в данное учреждение отсутствовал принцип добровольности. Сюда попадали или по решению суда, или по повелению губернского правления, или по прошению родителей в Приказы общественного призрения, или по требованию помещика, с объяснением причин такого водворения. Помещенные в эти дома принуждались к труду под строгим присмотром. Особенностью было то, что попавшие в смиренный дом по прошению родителей, родственников или помещиков должны были содержаться здесь за их счет². Таким образом государство боролось с тунеядством.

Но уже через шесть лет новый закон относительно работных домов расширил перечень причин попадания в них. По закону

¹ ПСЗ-1. Т. XX. № 14392. П. 390.

² Там же. П. 391.

от 3 апреля 1781 г. в рабочие дома было решено определять за конкретные виды воровства: «за воровство грабеж», «воровство кражу» и «воровство мошенничество». Причем при определенных условиях за каждый из этих видов преступлений предусматривалось помещение виновного в рабочий дом. «Буде же кто учинит воровство кражу, ценою ниже 20 рублей, того имать под стражу и отослать в рабочий дом, где ему работать, донеже заплатит то, что украл, и шесть процентов того тому, у кого украл.

Буде же кто учинит воровство кражу вторично, ценою ниже 20 рублей, за обе кражи, того имать под стражу и отослать в рабочий дом». Но в этом случае к наказанию добавлялись еще два удара плетью, и работать надлежало, пока не отработает сумму, на которую украл, и еще шесть процентов сверху тому, у кого украл, а также столько же в рабочий дом. В случае, если это произойдет в третий раз, и все три кражи не будут выше 20 рублей, то наказание повышалось до трех ударов плетью, возмещение убытка производилось в том же размере, что и при повторной краже, а вот в счет рабочего дома отчислялось вдвое больше, чем во втором случае.

Примерно то же самое должно было производиться и в отношении воровства типа «мошенничество». Общим было то, что сумма мошенничества не должна была превышать все те же 20 рублей.

Чтобы исполнить данный закон, предписывалось во всех губерниях создавать рабочие дома, с «назначением в них работ, для пользы общей потребных», то есть в разных губерниях перечень этих работ мог быть разным¹.

В том же 1782 г. (14 августа) последовало разъяснение по поводу двух типов рабочих домов, а именно: под чьим надзором должны были они находиться. Управляющему Санкт-Петербургской губернией указывалось: «Рабочий дом, для наказания виновных заводимый, хотя и должен быть отличен образом работы от того, который по учреждениям основан для доставления пропитания неимущим, но надлежит, чтоб он состоял под одним надзиранием и под ведением Приказа общественного призрения»².

¹ ПСЗ-1. Т. XXI. № 15147.

² Там же. № 15492.

Но, вероятно, вопрос для местных губернских властей по всей империи не представлял полной ясности, особенно в части финансирования открытия рабочих домов, поэтому последовало подробное разъяснение в виде Указа Сената от 31 января 1783 г. «О заведении во всех губерниях для преступников, обличенных в краже, грабеже и мошенничестве, рабочих домов особых от тех, кои по Учреждению о губерниях назначены, и об употреблении на сие денег из суммы, определенной в каждой губернии на строение», о том, на какие средства необходимо было создавать эти заведения¹.

После этого указа в Иркутске появляются «Рабочий и при нем смирительный дома с принадлежащими к ним службами, как то: рабочей избой, двумя амбарами с погребом, двумя кухнями, сараем, баней и кузницей, вне города за речкой Идой». Эти строения были куплены в 1787 г. у подполковника Полибина за 600 р., а один из корпусов был достроен на средства Приказа общественного призрения². Вероятно, как отмечалось в начале статьи, в 1787 г. был открыт смирительный дом, а в 1789 г. – достроен и открыт – рабочий.

Эти дома находились в ведомстве Приказа общественного призрения по 5 октября 1799 г., а с того времени, по предложению военного губернатора, поступили в заведывание полиции³.

Смирительный дом отмечен на плане города съемки 1784 г., но, как доказала Н. Полунина, учитывая нанесенные на него объекты более позднего времени, его нужно датировать 1790-м г.⁴ В экспликации к плану по поводу этого строения указано: «№ 42. Смирительный дом, а рабочей за городом, которого в плане не показано»⁵.

¹ ПСЗ-1. Т. XXI. № 15657.

² РГИА. Ф. 1374. Оп. 3. Д. 2395. Л. 55.

³ Лосев А. Географическо-статистическое описание Иркутской губернии // Весь Иркутск. Информационно-рекламный ежегодник-календарь на 1992 г.... Иркутск, 1992. С. 241.

⁴ Полунина Н. Иркутск в 1790 г. // Иркутск: из прошлого в будущее. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. С. 14–34.

⁵ План города Иркутска 1780-х гг. – Геттингенская библиотека Нижнесаксонского университета, отдел рукописей, коллекция барона Аша, № 267.

Фрагмент плана города 1784 г. Геттингенская библиотека Нижнесаксонского университета, отдел рукописей, коллекция барона Аша

Учитывая нехватку в Иркутске мастеровых людей разных специальностей, иркутский военный губернатор Борис Борисович Лещано в 1799 г. обратился к императору, испрашивая соизволение, «чтоб из числа присылаемых в Иркутскую губернию преступников выбрать мастеровых, как то: каменщиков, плотников, столяров, кузнецов, слесарей и других, знающих разные ремесла, до 100 человек с тем, что ежели бы случилось некоторым из тех людей приписанным быть к селениям в число платящих подати, то все следующие государственные и общественные повинности вычитаться будут из той же вырабатываемой ими платы». На это прошение 3

июня 1800 г. последовало высочайшее разрешение¹. Леццано создал ремесленный дом, который первоначально назывался Конторой строения домов и разных ремесел². Эти действия можно рассматривать как один из видов рабочей организации ссылки. В дальнейшем практику обязательных работ для ссыльных попытался развить М. М. Сперанский в «Уставе о ссыльных». Из шести образованных уставом разрядов ссыльнопоселенцев четыре имели исключительно рабочий характер. Именно из разряда ремесленников планировалось создавать правильную ремесленную организацию, которая бы делилась по мастерствам на отделения и артели, из которых в губернских городах предполагалось устраивать ремесленные дома.

Мы полагаем, что после образования в Иркутске нового учреждения произошло «слияние» понятий – *рабочий дом*, как учреждения, выражаясь современным языком, пенитенциарной системы для тех, кому требовалось пропитание, и для преступников, чье правонарушение заключалось в воровстве на сумму не выше 20 руб., и *ремесленного заведения*, где содержались уголовные элементы, владевшие определенными ремеслами, и таковых, с течением времени, стало большинство. «Слиянию» способствовало и совместное расположение в одном и том же районе города.

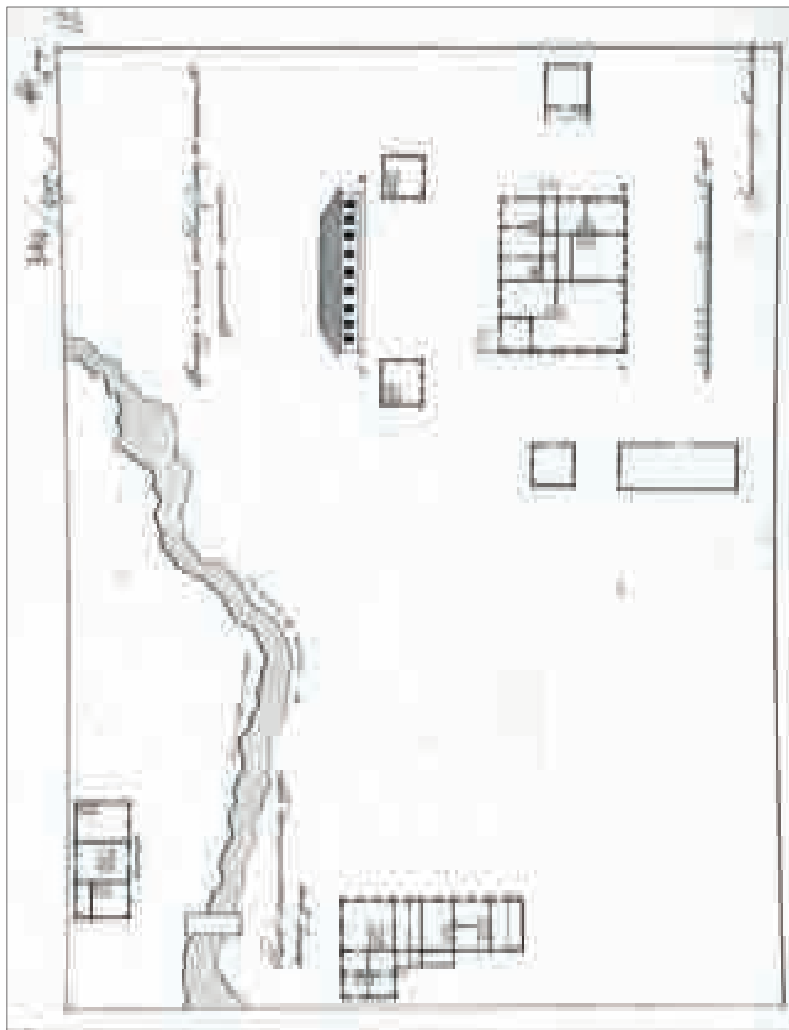
К этому «комплексу» добавлялись деревянный тюремный острог, смирительный дом, а также суконная фабрика, где сначала на двух станках, а позднее на семи ткали сукно на обмундирование штатных команд и рекрутов. Вероятно, для снабжения этого предприятия рабочей силой 24 марта 1798 г. последовал указ «Об отправлении осуждаемых на поселение женского пола в Иркутск на суконную фабрику»³. С 1808 по 1812 г. эта фабрика принесла чистой прибыли Приказу общественного призрения, которому она подчинялась, за всеми издержками на ее содержание, – 7 300 р., и «изделиями от сей фабрики, по настоящему недостатку здесь и чрезвычайной дороговизны в привозимых из России сукнах, облегчают общие нужды»⁴. И все эти заведения находились за рекой Ушаковкой. В самом начале XIX в. был

¹ Лосев А. Географическо-статистическое описание Иркутской губернии...

² Иркутск в панораме веков: Очерки истории города / кол. авт. отв. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2003. С. 101.

³ ПСЗ-1. Т. XXV. № 18453.

⁴ ГАИО. Ф. 713. Оп. 1. Д. 19. Л. 216 об.

Фасад и план деревянного рабочего дома и план смиренного деревянного дома. РГИА. Публикуется впервые

отстроен новый, уже каменный, тюремный замок, тоже находившийся рядом с ремесленным домом.

В ремесленный дом и суконную фабрику ссылали за преступления людей из разных губерний в каторжную работу.

Со временем при доме была открыта школа для обучения детей рабочих грамоте (начальные знания чтения, счета, письма, Закона Божия). Одновременно ребят учили разным ремеслам («начальные правила технологии, имеющие отношение к местному положению и промышленности»¹).

Отбывшие свой срок бывшие уголовники селились недалеко от ремесленного заведения.

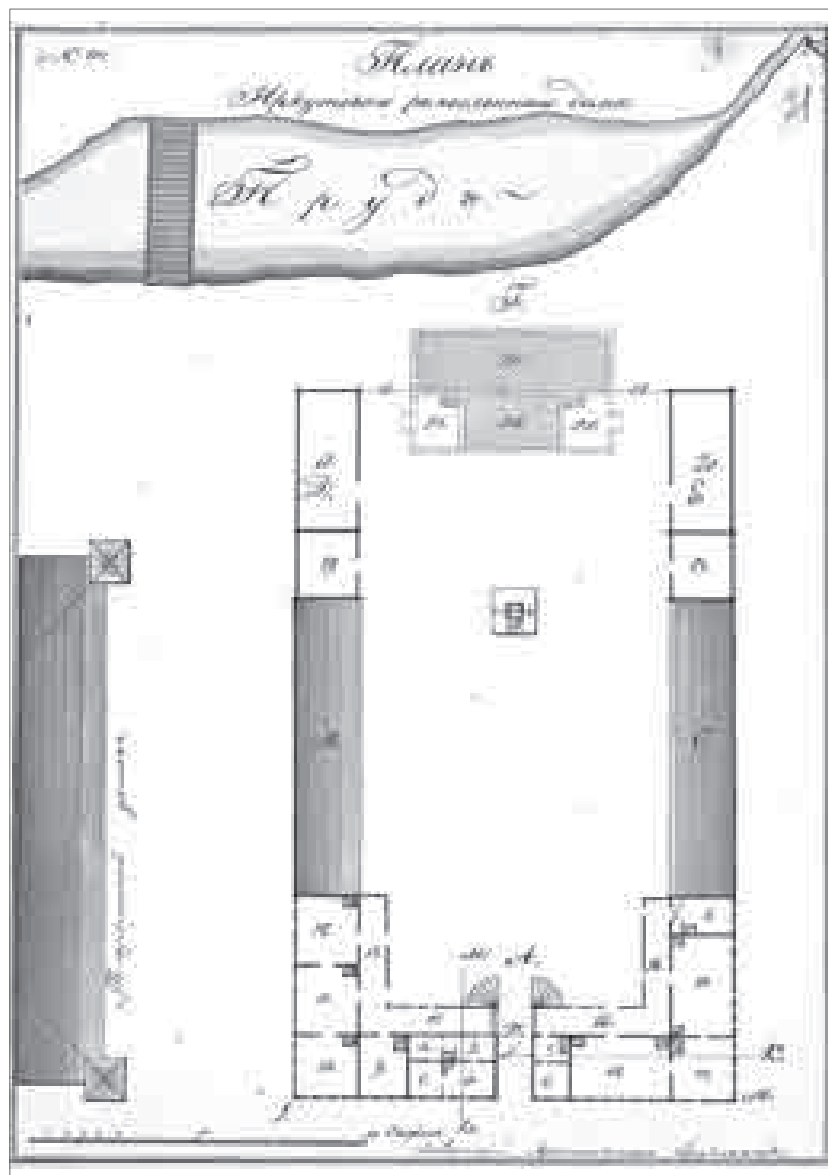
Во время правления иркутского генерал-губернатора Александра Степановича Лавинского ремесленный дом был приведен «в лучшее состояние по многим чертам ремесел»².

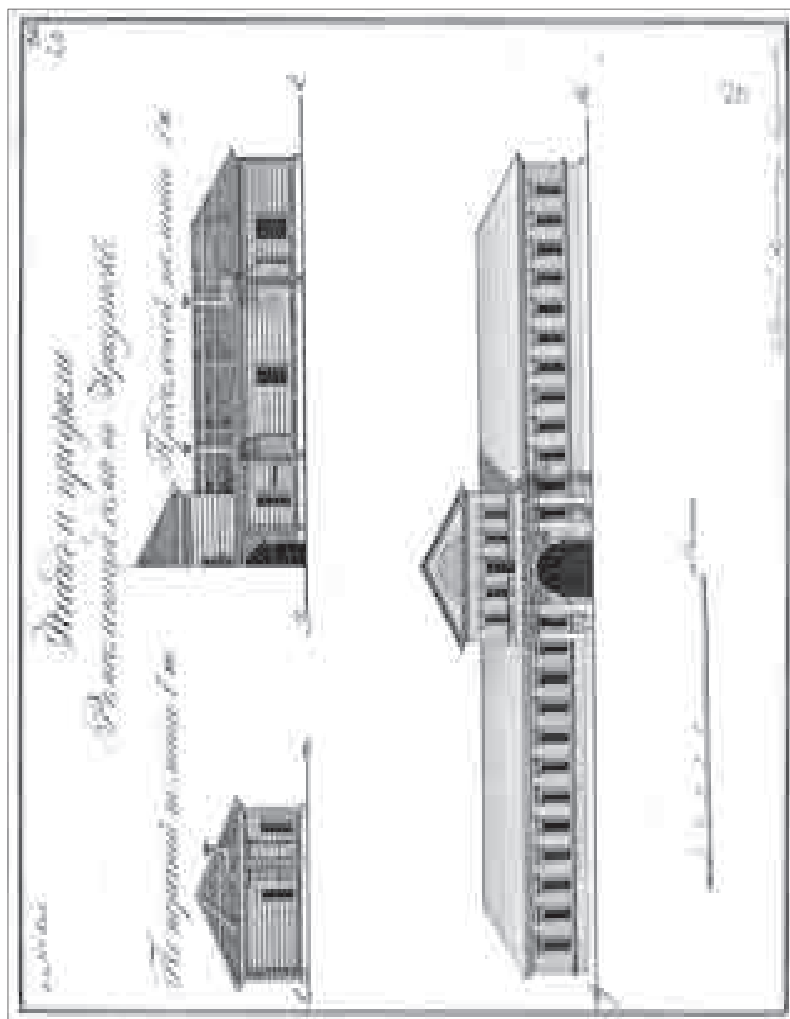
Фрагмент плана города 1829 г. № 47 – магазины запасные хлебные; № 75 – ремесленный дом; № 76 – тюремный замок; № 77 – смирительный дом; № 78 – Борисоглебская слобода; № 82 – суконная фабрика; № 83 – сукновальня; № 84 – публичный Портновский сад; № 99 – дом рабочих суконной фабрики; № 105 – кирпичный завод. РГАДА

¹ ПСЗ-1. Т. XXVIII. № 21501.

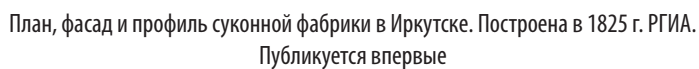
² Кротов В. А. Летопись города Иркутска. 1652–1856 гг. / вступ. ст., публ., подгот. текста, коммент. Н. В. Куликаускене. Иркутск, 2013. С. 109.

План Иркутского ремесленного дома. РГИА. Публикуется впервые

Фасад и профиль ремесленного дома. 1820-е гг. РГИА. Публикуется впервые

Труд арестантов употреблялся довольно часто. Но нужно отличать деятельность арестантов-чернорабочих, использовавшихся на различных тяжелых работах: ремонте улиц, прокладке дорог, копании рвов, от труда преступников, знавших мастерство. Содержавшиеся в иркутском ремесленном доме занимались следующими работами: столярной, кузнечной, шорною, обойной, малярной, каретной, мебельной, чеканной (то есть приготавливали ризы для образов, лампы, церковные блюда, люстры бронзовые и простые, подсвечники), медной (делали почтовые колокольчики, кастрюли, котлы, самовары), токарной, портняжной, слесарной, «золотых и серебряных дел»¹.

Например, они трудились на строительстве нового каменного здания тюрьмы. Гражданский губернатор Н. И. Трескин в 1815 г. направил мастеровых из рабочего дома на исправление здания губернской гимназии. Исправление произведено весьма живо. Перебраны полы, переделаны печи, исправлены двери, ветхие оконные рамы заменены новыми, сделаны двойные рамы для зимы, улучшены учительские квартиры, перестроена парадная лестница, приделан новый портик к дому вместо прежнего, грозившего падением. Классные комнаты получили другое, более удобное расположение, были снабжены новой мебелью и необходимыми учебными пособиями: досками, картами и проч. Отделан зал для публичных испытаний, приведены в должное устройство музей и библиотека, где стояли книги не по содержанию, а по формату. Словом, в самое короткое время как в наружном, так и внутреннем виде гимназии «не осталось и следов прежнего запустения и беспорядка!»² Да и сам рабочий дом был прекрасно устроен³.

В том же 1821 г. иркутский гражданский губернатор И. Б. Цейдлер издал правила по управлению Иркутским ремесленным домом. «Любопытно, — отмечал В. Вагин, — что эти правила имеют много общего с теми, которые вошли в устав о ссыльных М. М. Сперанского, хотя по времени и не могли слу-

¹ Статистическое обозрение Сибири, составленное по Высочайшему Его императорского Величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером. СПб., 1854. Ч. II. С. 178.

² *Калашников И.* Записки иркутского жителя // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 365–366.

³ *Штейнгель В. И.* К иркутскому летописцу пояснение. Записка о Сибири // Штейнгель В. И. Сочинения и письма. Т. 2. Записки и статьи / изд. подг. Н. В. Зейфман и В. П. Шахеровым. Иркутск, 1992. С. 198.

жить образцом для этого устава». До 1819 г. на фабрике работало семь станков, затем, вследствие тесноты, два из них были уничтожены. Цейдлер возобновил их деятельность¹.

Позднее, мастеровые рабочего дома участвовали в строительстве деревянного здания девичьего института².

В отчете М. М. Сперанского «В обозрении Сибири» относительно Иркутского рабочего дома говорится: «В Иркутском рабочем доме соединены все ремесла, и хотя нет ни одного в значительном степени совершенства, но все почти могут удовлетворить обыкновенным нуждам города.

Работы основаны на подрядах и добровольных наймах. Определенная часть платы обращается в общий доход и в капитал ремесленного дома; все прочее отдается ремесленникам. Небольшая суконная фабрика, из 10-ти станов при сем доме заведенная, приносит Приказу до 10 т. руб. ежегодно, и составляет главный его доход. Отделка сих сукон производится на Тельминской суконной фабрике. Подобное сему заведение существует и в Томске, но в меньшем пространстве: ибо отделка сукон не имеет того же удобства³.

Первоначально за этой местностью определилось название «Борисоглебская слобода», что видно на плане города 1829 г., а немного позже, по роду занятий жителей, – «Ремесленная слобода». В летописи В. А. Кротова район называется «ремесленным домом»⁴.

Из планов также видно, что суконная фабрика и ремесленный дом меняли свое местоположение, но всегда оставались недалеко от тюрьмы.

Хотя рабочие дома открылись в ряде городов и предусматривались в Указе «О ссыльных», в целом попытка М. М. Сперанского приурочить ссыльных к работам, как считали современники, оказалась несостоятельной. Фабрики и заводы, переполненные каторжными, уклонялись от приема ссыльных. Например, в Западной Сибири только на одной омской суконной фабрике

¹ Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири, с 1819 по 1822 год. СПб., 1872. Т. 1. С. 246.

² РГИА. Ф. 1286. Оп. 10 1846 г. Д. 1428. Л. 523 об.

³ Прутченко С. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским Учреждением 1822 г. в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. Приложения. С.-Петербург, 1899. С. 11.

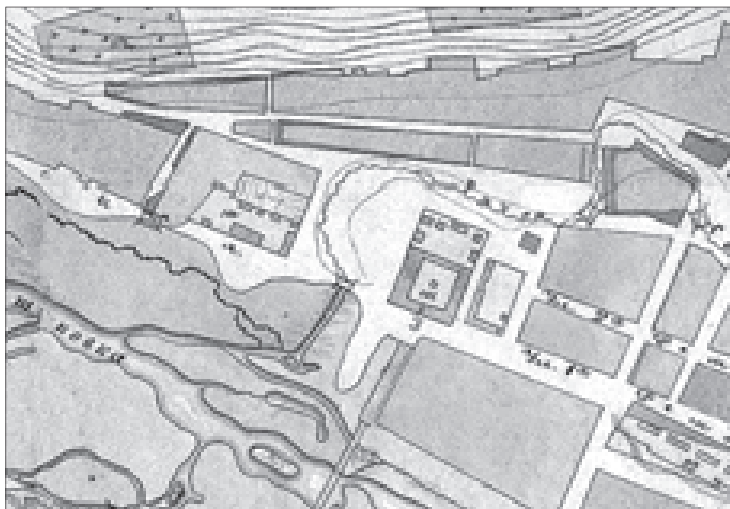
⁴ Кротов В. А. Летопись города Иркутска. 1652–1856 гг. ... С. 231, 234.

Фрагмент плана города 1843 г. № 42 – тюремный замок; № 43 – запасные магазины;
№ 56 – рабочий дом; № 57 – смирительный дом; № 58 – казенная суконная фабрика. РГИА

Фрагмент плана города 1849 г. № 63 – тюремный замок и смирительный дом;
№ 65 – суконная фабрика для выделки солдатских сукон; № 66 – ремесленный дом;
№ 72 – запасные магазины. РНБ

Фрагмент плана города 1869 г. № 100 – бывшие ремесленные дома;
№ 101 – тюремный замок. ИОКМ

работали ссыльные, но там их было в 1837 г. не более 200 человек. Разряд дорожных работников был уничтожен в 1828 г. Ремесленные дома были также упразднены в Томске – в 1830 г., в Тобольске – в 1836 г.¹ Дольше всех просуществовал иркутский ремесленный дом. Но и он постепенно сокращал численность своего контингента. Если в 1835 г. в нем насчитывалось 226 мастеровых, 20 чернорабочих и до 60 пропитанных, то есть ссыльно-каторжных, состоявших по старости на вольном пропитании², в 1851 г. – 75 мужчин и 61 женщина, а дохода он приносил 234 р. 75 $\frac{1}{4}$ к.³, то в 1852 г. было только 56 мужчин и 42 женщины, и дохода получено всего 86 к., а прежде он давал до 3 000 р.⁴

Помимо рабочего дома во время правления генерал-губернатора В. Я. Руперта, по его распоряжению, в Иркутске в мае 1838 г. были созданы рабочие сотни.

¹ Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. Для Высочайше утвержденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. СПб.: Типография С.-Петербургской тюрьмы, 1900. С. 18.

² Статистическое обозрение Сибири, составленное ... Гагемейстером. СПб., 1854. Ч. II. С. 178.

³ РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 86. Л. 16.

⁴ Ссылка в Сибирь... С. 18.

Цель образования рабочих сотен, как объяснял Руперт, – дать городу Иркутску «средства к надлежащему устройству его улиц, площадей, общественных зданий и проч., так как все по прибытии моем в Сибирь найдено было в крайнем запустении, сколько от невнимания начальства, столько и еще более по крайней затруднительности приобретать для того рабочих по недостатку мастеровых из местных жителей».

Для составления этих сотен предполагалось оставлять из пересыльных партий людей только временно, с тем, чтобы, по прибытии новых партий, оставленные из предыдущих сменялись другими, а сменяемые тотчас отправлялись по принадлежности в места своего назначения. В состав этих рот включались главным образом приговоренные на поселение и бродяги, захватываемые полицией в городе; ссыльнокаторжных разрешалось назначать только в случаях крайней нужды и только осужденных за неважные преступления. Заведывание этими сотнями, которые помещались в особой казарме тюремного острога, поручалось смотрителю находившегося рядом с острогом ремесленного дома, который был обязан распределять людей на артели или десятки, по роду ремесел, и отдавать по требованиям полиции и других мест и лиц на работы, снабжая нужными для этого инструментами.

Заведение инструментов для рабочих сотен тогда же было сделано на пожертвованные Рупертом деньги, а для украшения города, по бедности городских доходов, было собрано путем добровольных пожертвований от богатых граждан 7 тыс. р. Эти средства использовали на исправление некоторых домов беднейших обывателей, преимущественно вдов и сирот. Каждому из рабочих сотни устанавливалась плата за рабочий день по 50 к. ассигнациями с тем, чтобы часть этой суммы употреблять на пропитание, часть на ремонт и приобретение для них одежды, а оставшееся зачислять в кассу «общих арестантских сумм». Работали арестанты под конвоем из полицейских, казаков или солдат. Эти сотни формировались с 1838 по 1843 г. в период с весны до осени. Занимались исправлением домов и заборов, устройством улиц, площадей, полковых казарм, конюшен, цейхгаузов Иркутского городского полка, созданием городского сада со зданием губернского театра, укреплении обрывистого берега Ушаковки у

Знаменского женского монастыря, расчисткой места под здание и службы девичьего института и их строительство¹.

При обозрении в начале 1840-х гг. сенатором И. Н. Толстым ремесленного дома и суконной фабрики, он отметил, что здания были весьма ветхими и хотя с 1838 г. происходила переписка о постройке нового помещения, но результата не было, «а между тем здание угрожает уже падением»².

В различных источниках приводятся разные даты закрытия ремесленного дома и казенной суконной фабрики. По сведениям Ю. А. Гагемейстера, суконная фабрика закрылась в 1852 г.³ Священник тюремной Борисоглебской церкви К. Лабин отмечает, что закрытие фабрики и дома произошло в 1854 г.⁴ Другие данные приводятся в летописи Н. С. Романова: «1 мая (1860) упразднен ремесленный дом; каменная кузница и слесарная проданы с торгов»⁵. И далее: «Октябрь (1862). Переведена в Знаменское предместье из Крестовоздвиженского прихода гражданская больница и состоящий при ней воспитательный дом детей-подкидышей, по случаю устройства новой больницы. Для их учреждений отведены здания, состоящие в ведении иркутского приказа общественного призрения, где прежде помещались ремесленный дом и суконная фабрика»⁶. Советский историк Ф. Кудрявцев называет дату – 1858 г., которая получила довольно широкое распространение⁷.

И если для большинства населенных пунктов ремесленные дома не имели большого значения, то Иркутск в этом отношении был исключением. В нем получили развитие различные ремесла, сформировался целый район, жители которого активно участвовали через свою деятельность в создании нового облика всего города.

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 10 1846 г. Д. 1428. Л. 515 об., 516–516 об., 517–517 об., 518–518 об., 519–519 об., 524 об. – 525.

² Там же. Д. 1352. Л. 195 об.

³ Статистическое обозрение Сибири... С. 179.

⁴ Лабин К. Из памятных записок священника иркутской Борисоглебской церкви // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1886. 11 января. № 2. С. 18.

⁵ Иркутская летопись 1857–1880 г. (Продолжение «Летописи» П. И. Пеземского и В. А. Кротова) / Сост. Н. С. Романов. Под ред. И. И. Серебренникова // Труды Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск, 1914. № 8. С. 62.

⁶ Там же. С. 113–114.

⁷ Кудрявцев Ф. А. От казачьего зимовья до советского Иркутска. Иркутск, 1940. С. 20.

Для Иркутска формирование ремесленной слободы – факт любопытный. Ее зарождение и дальнейшее развитие можно рассматривать как результат пенитенциарной политики государства в сочетании с инициативой военного губернатора Б. Б. Леццано. К 1880-м гг. сформировалась слобода, которую священник тюремной Борисоглебской церкви К. Лабин характеризовал как «единственную местность города, в которой прихожане – все почти люди рабочие, занимающиеся разными ремеслами. Люди эти остались здесь от упраздненного ремесленного дома и суконной фабрики. Многие из них, не проработавши в каторге срока, для окончания онаго разосланы были по разным заводам, откуда возвращались опять сюда же на свободное проживание, причисляясь к разным земским обществам в разряд поселенцев. Обзаведшись здесь домами, хозяйством и семьями, они, по мере возможности, причисляют детей своих и сами приписываются к крестьянскому, мещанскому и цеховому обществам; некоторые, по воле правительства, поступали в казачье сословие. Поселенцы-старожилы, не причисленные к городским обществам, назывались “пропитанными”, а дети их, причисленные и не причисленные к городскому или сельскому обществам, называются “малолетками”. Не одно, впрочем, потомство фабричных рабочих имеет свое поселение в Борисо-Глебском приходе; сюда селятся люди и из вновь приходящих поселенцев, а также из природных жителей города и из сословия чиновнического»¹.

Можно проследить динамику численности населения и количества домов в Ремесленной слободе в приходе Борисо-Глебской церкви за период с 1832 по 1884 г.²

год	число домов	количество жителей обоего пола, без содержащихся в тюрьме
1832	70	938
1842	93	875
1852	155	1007
1862	215	1099
1872	246	1434
1884	305	1528

¹ Лабин К. Из памятных записок священника иркутской Борисоглебской церкви // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1886. 11 января. № 2. С. 19.

² Данные приводятся по: Лабин К. Из памятных записок священника иркутской Борисоглебской церкви // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1886. 8 февраля. № 6. С. 83.

УДК 329.14(571.53)

Терновая И. И., Иркутск

**«На пути к Октябрю»: памятники истории
социал-демократической организации в Иркутске**

Аннотация. В 1987–1988 годах в Иркутске проводились комплексные исследования по выявлению памятников и памятных мест, связанных с историей революционного движения. За прошедшие годы часть памятников была утрачена, однако основное их количество по-прежнему можно увидеть на улицах города. Есть среди них и такие, что рассказывают о становлении и развитии социал-демократического движения в крае, и пусть сегодня эта тема стала непопулярной и находится во власти публицистики, но это часть нашей истории. Какие бы перемены не происходили в российском обществе, мы должны знать и уважать свою историю, а еще пропагандировать, беречь и изучать памятники и памятные места исторического прошлого.

Ключевые слова: Иркутск, революционное движение, социал-демократическая организация, памятники истории и культуры.

Ternovaya I. I., Irkutsk

**«On the Way to October»: Monuments of History
Social Democratic Organization in Irkutsk**

Summary. In 1987–1988, comprehensive research was carried out in Irkutsk to identify monuments and commemorative places related to the history of the revolutionary movement. Over the years, some of the monuments have been lost, but the main number of them can still be seen on the streets of the city. There are among them those that tell about the formation and development of the social democratic movement in the province, and let today this topic become unpopular and is in the power of journalists, but it is part of our history. Whatever changes take place in Russian society, we must know and respect our history, and also promote, preserve and study monuments and commemorative places of the historical past.

Keywords: Irkutsk, revolutionary movement, social democratic organization, monuments of history and culture.

Социал-демократическая организация в Иркутске зародилась еще в 1901 г., а в марте 1902 г. появилась первая прокламация, подписанная Иркутским комитетом РСДРП. С этого момента и необходимо датировать начало деятельности Иркутского комитета. И. И. Попов, известный русский прозаик, редактор иркутской губернской газеты «Восточное обозрение» записал в своей книге «Забытые иркутские страницы»: «Комитет заявил о своем существовании печатным листком, который среди особенно старшего поколения ссыльных вызвал большое волнение. При каждой встрече социалистов-революционеров с социал-демократами шли дебаты по этому поводу. Помню на квартире у зубного врача Писаревской-Лури М. А. Натансон доказывал нецелесообразность и никчемность издания социал-демократических листов в Иркутске, где почти нет фабрично-заводских рабочих. Из-за этих листков могут разгромить колонию ссыльных в Иркутске, который после этого потеряет значение центра для ссылки. Такой центр необходим для всей ссылки Восточной Сибири. Благодаря ему нередко облегчается положение ссыльных, добываются им заработки, снабжаются они книгами, вещами и прочим»¹.

Нелегальная типография находилась в деревянном одноэтажном доме на улице Луговой (ул. Марата). В феврале 1904 г. типография была разгромлена. Сам дом был снесен в 70-х годах XX в., сохранилась лишь его фотография, которая сегодня находится в фондах Иркутского областного краеведческого музея. Кроме своих печатных изданий Комитет распространяет газету «Искра», поддерживая с ее редакцией тесный контакт. Из Иркутска отправлялись различные корреспонденции, отчеты и прокламации, денежные средства. Так, в августе 1903 г. на нужды газеты иркутские социал-демократы выслали 500 руб.

В этот период в городе действует три пропагандистских кружка. Их деятельность характеризуется в письме, обнаруженном жандармами во время обыска в квартире Клавдии Мишариной и Веры Фриденсон в городе Петербурге 4 февраля 1905

¹ Попов И. И. Забытые иркутские страницы. Записки редактора // Иркутск: Вост.-Сиб. кн. Изд-во. 1989. С. 127.

г.: «Есть у нас кружки так сказать 2-х категорий: к первой я отнесу кружки, цель которых дать политическое воспитание. К. [кружки] второй категории своим возникновением принадлежат инициативе известного вам литератора Фальберга и носят общеобразовательный характер. Программа, которую он (Фальберг) дал этим кружкам очень широкая, с научным оттенком, цель ее выработать из членов кружка маленьких салонных философов. Придерживаются этой программы лица, стоящие вне партии и некоторые из Соц.Рев. В к. [кружки] 2-ой категории находятся гимн., гимназистки, рабочие и соц.дем, у которых есть особый кружок, цель которых приготовить опытных пропагандистов и агитаторов»¹. Удалось выяснить автора этого письма, им оказался Павел Иосифович Гродский, член иркутской социал-демократической организации.

После II съезда РСДРП происходит разделение членов Иркутского комитета РСДРП на большевиков и меньшевиков. Тем не менее Комитет остается объединенным. В июле 1905 г. Департамент полиции выслал в адрес Иркутского охранного отделения копию письма, отправленного из Иркутска в Берн для редакции «Последних известий». В этом письме был дан краткий анализ деятельности иркутской социал-демократической организации: «В Иркутске, центре ссылки, есть много революционеров всяких оттенков, но очень мало активных работников. «Революционеры» Иркутска – это преимущественно люди с прошлым. Настоящая же «деятельность» заключается в том, что они жертвуют рубли на революционное дело... Кроме выдохшихся «стариков» есть в Иркутске немало «зеленой» молодежи, искренне преданных революционному делу. К сожалению, эта молодежь недостаточно опытна, да ей и негде было получить этот опыт. В Иркутске хотя давно существует комитет Российской Социал-демократической партии, но работа среди пролетариата ведется совсем недавно. Комитет и раньше выпускал воззвания к рабочим, велись кружковые пропагандистские занятия среди кучки рабочих, но все это ужасно неконспиративно и напоминало период кружковщины, давно пережитый многими местами России»².

¹ ГАИО. Ф. 601. Оп. 1 Д. 55. Л. 128.

² Там же. Д. 56. Л. 178.

Приведем еще несколько строк из уже знакомого нам письма П. И. Гродского в С.-Петербург: «Комитет у нас слабоват – ему помогает Комитет Сибирского Союза, который уже снова окреп. Революционных сил мало. Дельных С.Д. немного»¹. Любопытное высказывание, характеризующее деятельность социал-демократической организации Иркутска, оставил некий К. И. Прусс в своем письме к члену организации РСДРП В. Ф. Хардину в феврале 1905 г.: «Как Вам известно, я уехал из Иркутска с намерением ехать за границу, но теперь после всего того, что я пережил, я не могу помириться с мыслью, что теперь, в то время, когда желанный час борьбы пришел, когда вся Россия объята пламенем революции, да, В.Ф., это так и есть. Вы там этого может быть не чувствуете, у вас там нет мысли и потому нет работы среди массы. Простите, если скажу, что там революционная работа имеет почти салонный характер, группа интеллигентов, хорошо развитых теоретически, собираются, толкуют, волнуются и т. д. Но где та обширная захватывающая работа среди массы? Нет там такой работы, которой можно было отдаться всецело, которая сплотила бы все массы и все силы»². И, наконец, хотелось бы привести высказывание об Иркутском комитете РСДРП видного деятеля сибирской социал-демократии Н. Н. Баранского: «В Иркутске с рабочими приходилось встречаться только в пропагандистских кружках. Организация же вся целиком состояла из интеллигентов, большинство их сочувствовало меньшевикам, что не мешало каждому иметь еще и свой оттенок с настойчивостью обратно пропорциональной его возможности. В результате «работа» принимала характер перманентный и весьма нудной дискуссии – дискуссии и внутри организации, и вне ее»³.

Тем не менее, несмотря на вышеуказанные характеристики, Комитет РСДРП выполнял свое предназначение, организуя в первую очередь пропагандистскую работу среди населения города Иркутска и Иркутской губернии. Такая либеральная деятельность Комитета привела к тому, что во время первой русской революции 1905 г. Иркутск не стал центром вооруженного

¹ ГАИО. Ф. 601. Оп. 1 Д. 55. Л. 128.

² Там же. Д. 56.

³ Баранский Н. Н. В рядах Сибирского социал-демократического союза (Воспоминания о подпольной работе 1897–1908 гг.) // Новониколаевск: 1923. С. 24.

восстания, какими стали Красноярск и Чита и не захлебнулся в крови от рук карательных отрядов Меллер-Закомельского и Ренненкамппа в 1906 г.

Известны имена членов Иркутского комитета РСДРП первого состава: А. И. Попов-Коновалов, В. Е. Мандельберг, О. О. Шиллингер, М. А. Цукасова, Вайнштейн, И. Н. Ромм.

Дом политического ссыльного И. Н. Ромма – отца известного советского кинорежиссера М. И. Рома, находился на улице Медведниковской (ул. Халтурина), и также не уцелел. Память о нем хранит мемориальная доска на фронтоне «Дома Файнберга» на углу улицы Халтурина (ул. Халтурина, 1), где увековечено имя знаменитого кинорежиссера. Дома А. И. Попова-Коновалова и М. А. Цукасовой сохранились до наших дней.

Дом, где прошло детство и юность А. И. Попова-Коновалова находится в предместье Марата (б. Знаменском) на углу улиц Кожзаводской и Сурнова. В январе 1903 г. в этот дом ворвались жандармы. В ходе обыска было обнаружено много книг с печатью Иркутского комитета РСДРП, кассовые книги и чертежи отдельных деталей типографского станка. А. И. Попов-Коновалов был арестован. Только октябрьская амнистия 1905 г. выводит его на свободу. По заданию Комитета он уезжает в Читу и становится разъездным агитатором Читинского комитета РСДРП. В этот дом он больше не вернулся. 9 января 1906 г. во время демонстрации на станции Маньчжурия он возглавил с красным флагом в руках колонну, за что был арестован карателями Ренненкамппа и казнен.

На улице Д. Событий в доме 54 жила семья иркутского купца Моисея Цукасова. Его жена – Мария Абрамовна – была членом Иркутского комитета РСДРП. В ее доме проходили собрания социал-демократов, политических ссыльных, хранилась нелегальная литература, решали вопросы организации побегов ссыльных. И. И. Попов вспоминал: «Очень много делала для ссылки и особенно для социал-демократов М. А. Цукасова (урожденная Новомейская из Баргузина), не раз ссыльные находили приют у нее, или она устраивала их на квартирах знакомых. Ее квартира была явочной, беглецы из провинции иногда являлись к Марье Абрамовне в то время, когда у нее бывали гости. Помню, как-то раз, по случаю ли рождения ее сына или по другому поводу, собралось у Цукасовых много народа. Были

здесь и судейские и, между прочим, товарищ прокурора судебной палаты Тунгусов, в самый разгар собрания приехал ссыльный, бежавший из Якутска (фамилию не помню). Он заявился к Цукасовым. Марья Абрамовна выдала его за своего двоюродного брата, приехавшего из Баргузина. Так он сошел за кузена, и я поддерживал эту мистификацию, приходя на помощь, когда приезжего расспрашивали о Баргузине. Марья Абрамовна позднее была арестована, когда у нее ночевали двое бежавших из ссылки, считая, что после обыска, который только что был произведен у Цукасовой, квартира ее была застрахована от повторного обыска. Но жандармы проследили беглецов. Муж ее, Моисей Минеевич, успел отобрать у ночевавших револьверы и снес их к прокурору Тунгусову, который жил во втором этаже того же дома, где жили и Цукасовы. На квартире и в амбарах у Цукасовых постоянно хранились вещи для беглецов и ссылки, а когда бежали из Александровской тюрьмы «романовцы», то тулупы, одежда, упряжь и другие вещи были свезены к Цукасовым»¹.

В январе 1905 г. Иркутский комитет РСДРП организовал один из самых дерзких побегов из стен Александровской пересыльной тюрьмы 15 «романовцам» – участникам вооруженного протеста против ужесточения правил о ссылке в г. Якутске. Вспоминает И. И. Попов: «В начале 1905 г. в Александровскую тюрьму были привезены из Якутска «романовцы», дело которых в вооруженном восстании в Якутске в 1904 г. было назначено к слушанию в иркутской служебной палате на апрель 1905 г. В это время в тюрьме сидело 55 человек политических. В большинстве – «романовцев». Иркутские социал-демократы вошли с «романовцами» в сношения и сообща задумали грандиозный побег всех политиков через подкоп, который нужно было прорыть из тюрьмы в лес. К этому делу близко стояли М. А. Цукасова, И. И. Серебренников, инженер Н. И. Крылов. На Ванечку Серебренникова и Крылова была возложена обязанность закупить рысистых лошадей и кошевки, на которых нужно было увезти беглецов. Лошади были куплены и стояли во дворе у Крылова. ... Когда подкоп был готов, Иван Иннокентьевич вместе с другими ушел с товарами в Александровское. Случилось проруха – забыли вожжи. Пришлось из веревочных сеток для

¹ Попов И. И. Забытые иркутские страницы... С. 99–100.

сена плести вожжи. Пару саней с возчиками и лошадьми захватил крестьянских обход, приняв их за конокрадов. Арестован был и И. И. Серебренников, посланный в разведку. В условленное время заключенные вышли из тюрьмы, но большинство не нашло лошадей и вернулось через подкоп обратно в тюрьму. Пятнадцать человек бежало на кошевках ... под картофелем и овощами... десять человек были пойманы, а пять бежали»¹.

5 апреля 1905 г. над оставшимися в Иркутской тюрьме «романовцами» (всего в Романовском протесте участвовали 56 человек) состоялся апелляционный суд. Возле здания Иркутских губернских установлений на Ивановской площади (ныне здание Областного суда на площади Труда, ул. Пролетарская, 10) прошла демонстрация. Демонстранты пели песни, которые слышали подсудимые. Вечером демонстранты прошли по улице Большой (К. Маркса) к Александровскому скверу (бульвар Ггарина), но возле театра были остановлены конной полицией.

Весть о событиях 9 января в Петербурге поднимает в Иркутске волну стачек и забастовок. Уже 14 января 1905 г. забастовали рабочие типографии Макушина и Посохина. Здание типографии хорошо знакомо иркутянам. Ныне здесь находятся фондохранилища и ряд отделов Иркутского областного краеведческого музея. В марте этого же года забастовали рабочие других типографий. Забастовка длилась 7 дней. Воспользовавшись справочником «Весь Иркутск» за 1909 г., можно подсчитать, сколько типографий находилось в это время в Иркутске: типография И. П. Казанцева на улице Луговой (ул. Марата) с числом рабочих 46; типография «Конкуренция» по ул. Котельниковской, 1 (Фурье) – 26 рабочих, типография товарищества печатного дела по ул. Котельниковской, 16 – 16 рабочих; типография Р. А. Лейбовича по ул. Большой, 18 (ул. К. Маркса) с числом рабочих 21; типография М. П. Окунева на Тихвинской улице, 8 (Сухэ-Батора) с числом рабочих 39. Кроме этих, относительно небольших, в Иркутске существовали и более крупные: типография Макушина и Посохина – 200 рабочих; типография «Восточного обозрения» – 60 рабочих и Губернская типография – 80 рабочих.

В апреле 1905 г. Иркутский комитет РСДРП распространил листовки, призывающие к всеобщей стачке. Город был буквально

¹ Попов И. И. Указ. соч. С. 252–253.

но завален ими. Иркутяне в своих письмах сообщали друзьям и знакомым: «... Город в страшном возбужденном состоянии. Комитет работает вояку, выпускает до 1000 прокламаций каждый день»¹, «Не знаю, как у вас в России, но здесь публику положительно заваливают прокламациями. Листки подпольных изданий можно ежедневно найти на улицах»². Это продолжала действовать нелегальная типография Иркутского комитета РСДРП. В 1905 г. она располагалась в доме № 13 по ул. Подгорной.

12 апреля 1905 г. начальник иркутского охранного отделения сообщал директору Департамента полиции: «За последнее время мною были получены сведения об усилении агитации среди рабочих депо ст. Иннокентьевская... Агитация эта главным образом направлена к организации всеобщей забастовки, предполагаемой на 18 апреля»³. Забастовку организовать не удалось, но за городом 18 апреля была проведена маевка, а вечером этого же дня социал-демократам удалось провести демонстрацию в здании городского театра. И вновь обратимся к воспоминаниям И. И. Попова: «Был последний спектакль сезона. Шла опера «Песнь торжествующей любви». Театр был полон. Налицо были и все жандармские власти, и полиция. Мишина (губернатора) не было – побоялся приехать. В 3-м акте после какой-то арии, на галерке запели «Марсельезу». Оркестр пытался заглушить ее, но хор демонстрантов осилил его. Пришлось спектакль прекратить. В коридоры галерки и балкона жандармы ввели солдат и оцепили проходы. Жандармы хотели переписать демонстрантов, но никто из них не выходил в коридор. Ротмистр Гаврилов грозился, что он очистит галерею солдатами. Публика в партере волновалась, требовала, чтобы увели солдат, и заявила, что не разойдется, пока не выпустят учащихся с галерки и балкона. Я, в качестве одного из директоров театра, убеждал Гаврилова не переписывать демонстрантов, махнуть рукой, тем более, что ничего серьезного не было. Меня поддержал приехавший в театр директор промышленного училища В. О. Тышко. В конце концов Гаврилов согласился не спрашивать документов и удовлетвориться простым объявлением фамилии и обещал никого не задерживать. Солдат увели, и молодежь стала выходить с

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 56. Л. 139.

² Там же. Л. 153.

³ Там же. Д. 65. Л. 44.

галереи, говоря какую-нибудь фамилию. Многие ушли, не сказав даже вымышленной фамилии. Последствий демонстрация ни для кого не имела»¹.

К памятникам истории социал-демократической организации можно отнести и железнодорожные депо станций Иркутск и Иннокентьевская. Здесь неоднократно вспыхивали забастовки рабочих. Так, 9 октября 1902 г. начинают забастовку железнодорожники станции Иркутск. 1 мая 1903 г. бастовали рабочие Иннокентьевской. Газета «Искра» в № 44 от 15 июля 1903 г. опубликовала заметку «Иркутск», где сообщалось: «На станции Иннокентьевская в депо Сибирской жел. дороги 1 мая возникла стачка. На предварительных собраниях рабочие выработали свои требования в очень радикальном духе, включив восьмичасовой рабочий день и возвращение рабочим всех штрафов, взысканных с них со времени открытия мастерских. Эти требования были воспроизведены в прокламации Иркутского комитета, которые были распространены на станции Иннокентьевской»².

В августе 1905 г. на стачку поднимаются рабочие железнодорожники депо ст. Иркутск. Стачка была организована в знак солидарности с бастующими читинскими железнодорожниками. Еще 31 июля Иркутский комитет РСДРП выпустил и распространил обещание в поддержку читинской стачки. В нем говорилось: «Наши читинские товарищи борются еще сегодня. Не дадим выбросить на улицу около двух тысяч наших братьев с женами и детьми. Не дадим царскому начальству совершить это великое злодейство над рабочими. Теперь им нужна наша помощь, наше сочувствие. Поднимемся же открыто и смело за них. На борьбу, товарищи, за братьев!»³

Забастовка иркутских железнодорожников длилась восемь дней и закончилась лишь после ареста руководителей в ночь на 15 августа. Среди арестованных значился член Иркутского комитета РСДРП И. С. Якутов: «...26 лет, мещанин, проживавший в д. № 70 по Ланинской улице»⁴. Дом до наших дней не сохранился. Как известно, это последний дом И. С. Якутова в Иркутске. После ареста он был переведен из иркутской тюрьмы

¹ Попов И. И. Указ. соч. С. 257–258.

² ИОКМ. ВС 3257-6.

³ Там же. ОС 312-44.

⁴ ГАИО. Ф. 601. Оп. 1. Д. 66. Л. 151.

в Уфу. Здесь 8 ноября 1907 г. после подавления вооруженного восстания И. С. Якутов, председатель Уфимского совета рабочих депутатов, был казнен.

К осени 1905 г. революционное движение в стране нарастало. В середине октября началась стачка московских печатников, охватившая рабочих других фабрик, заводов не только России, но и Сибири. 12 октября сведения о начавшейся стачке достигли Иркутска. 13 октября Иркутский комитет РСДРП выпустил листовку «Бросайте работу, товарищи! Вчера пришла радостная весть: Москва – «Сердце России» – переходит во власть народа... Товарищи Иркутские рабочие! В эти великие дни мы должны подать свой голос за свободу и наши права. В эти великие дни российским товарищам нужна наша помощь... Бросайте же работу, товарищи! ... Да здравствует всеобщая забастовка»¹. В октябре-декабре 1905 г. Иркутский комитет был пополнен освободившимися из тюрем иркутянами и возвратившимся из ссылки товарищами и насчитывал до 30 человек.

В Иркутске первыми к стачке примыкают железнодорожники. Одним из памятников забастовочного движения иркутских рабочих в городе может служить «Дом Кузнеця» (ул. Дзержинского, 36). В это время здесь располагалось центральное управление Забайкальской железной дороги. Именно сюда 14 октября 1905 г. к часу дня стали собираться служащие отделов Забайкальской и Кругобайкальской железной дороги и рабочие депо станции Иркутск. Число собравшихся достигало 300 человек. На собрании под руководством техника И. М. Хоммера и ссыльного Ф. Ю. Рехневского был выбран стачечный комитет, на который возложена задача руководства забастовкой. В состав стачечного комитета вошли по два делегата от каждого отдела дороги, а также представители от Иркутского комитета РСДРП. В тот же день к стачке примкнули служащие правительственного телеграфа и телефонной станции. 15 октября к забастовщикам присоединились рабочие типографий, приказчики, служащие горного управления, адвокаты, служащие банков, казенной палаты и другие. Все они включали своих представителей в состав Стачечного комитета. Забастовка стала всеобщей.

«Дом Кузнеця» хранит память и о кровавых столкновениях забастовщиков с черносотенцами – членами «Братства святого

¹ ИОКМ. ОС 808-7.

Иннокентия». 17 октября в 10 часов утра на углу улицы Малой Блиновской (Чехова) и Хлебного базара стала собираться группа рабочих в количестве 40–50 человек, главным образом железнодорожников, которые предложили стоявшим здесь ломовым извозчикам прекратить работы. В это время на рабочих напали черносотенцы. Под натиском погромщиков рабочие вынуждены были укрыться в «Доме Кузнеца». Осаждавшие стали бросать в здание камни, раздались выстрелы. В результате «Дом» сильно пострадал. На месте расправы остались трое убитых и пятнадцать человек раненых.

Вот как описывает эти события И. И. Серебренников: «На хлебный базар с утра стекались отовсюду черносотенцы и, предводительствуемые какими-то подозрительными личностями, группировались около находящего рядом с базаром дома Кузнеца ... К 10 часам утра собравшиеся черносотенцы открыли отчаянную бомбардировку камнями здания управления и приступили к избитию «крамольников» – начали хватать и бить тех, кто был в форме железнодорожника или телеграфиста, кто напоминал собой интеллигента. За одного из избиваемых вступились проходившие мимо студенты, братья И. и Я. Винеры, члены организации, существовавшей еще до октябрьских дней, – комитета еврейской самообороны, но они тотчас же, несмотря на отчаянное сопротивление и раздававшиеся в защиту их выстрелы, были смяты и зверски изуродованы... »¹

Иркутские дружинники были вооружены. Оружие раздавалось им прямо на митингах и собраниях, проходивших в здании клуба Общества приказчиков, располагавшемся на углу улиц Большой (К. Маркса) и Ланинской (Д. Событий). Когда-то в этом здании по улице К. Маркса, 47 находился «Дом офицеров», сегодня – Молодежный центр. А 18 октября 1905 г. здесь собралось около 150 человек – членов боевых дружин и народной милиции, которым раздавалось оружие. В клуб был направлен наряд войск в составе трех рот. В результате обыска были обнаружены свыше 20 револьверов разных систем и большое количество патронов. Руководитель боевых дружин иркутских социал-демократов В. И. Локуциевский вспоминал: «Оружие и патроны покупали в охотничьем магазине Яковлева. Магазины

¹ Серебренников И. И. «Красные» дни в Иркутске // Земля Иркутская. № 1 (36). 2010. С. 78–79.

Яковлева не продавал никому оружия и патронов без разрешения нашего военного совета и командования»¹.

К концу ноября число членов дружин составляло более 1000 человек. 23 ноября 1905 г. начальник Охранного отделения сообщал в Департамент полиции: «Доношу Вашему Превосходительству, что в настоящее время в гор. Иркутске, благодаря усиленной деятельности революционных элементов, организованы были следующие боевые дружины... вольная дружина под начальством служащего Забайкальской железной дороги техника Сергея Дмитриевича Кузнецова, численностью в 50 человек; дружина партии соц.-дем., разделенная на три части, руководимые иркутскими мещанами братьями Вячеславом и Иннокентием Иосифовыми Локуциевскими и Ароном Гольдбергом; дружина еврейской самообороны, под начальством служащего в Конторе Фризера Григория Израилева Кана, численностью вместе с соц.-дем. дружиной до 300 человек; дружина соц.-рев. в количестве 90 человек, руководимая также известным охранному отделению Моисеем Матвеевым Прейсманом; организовавшаяся в самое последнее время вооруженная группа в 40 человек из почтово-телеграфных чиновников, под начальством некоего Семенова, и группа воспитанников старших классов средне-учебных заведений Иркутска под наименованием «Буря»².

Вспоминает И. Г. Гольдберг, член одной из дружин, будущий писатель: «Почти во всех дружинах основным преобладающим элементом была молодежь, зеленая, но с энтузиазмом отдававшая своему порой весьма и весьма опасному делу. В дружинах было много девушек, причем они выполняли не только санитарную часть, но зачастую несли тяжелую обязанность дружинников-бойцов. Пожалуй, наибольший процент взрослых, зрелых людей был в еврейской дружине. В еврейскую дружину шли, чтобы защищаться, в то время как в других дружинах защищали, охраняли других»³.

Одним из памятников истории социал-демократической дружины в Иркутске можно считать дом под номером 5 на улице Саломатовской (К. Либкнехта). Именно здесь находился штаб

¹ Локуциевский В. И. Воспоминания о 1905 годе // Сибирские огни. 1935. Кн. 6. Ноябрь-декабрь. С. 141.

² ГАИО. Ф. 601. Оп. 1. Д. 65. Л. 282.

³ Гольдберг Ис. То, что вспомнилось // Сибирские огни. 1925. № 4/5. Август-октябрь. С. 223.

дружины. В октябре-ноябре 1905 г. ни один митинг или собрание не обходились без дружинников, которые своей основной обязанностью считали «охрану личной безопасности граждан Иркутска от проявлений насилия со стороны черной сотни и полиции.

В здании Первого общественного собрания (ныне Театр юного зрителя им. А. Вампилова, ул. Ленина, 23) неоднократно проходили многолюдные митинги. 22 октября в Иркутске был получен официальный текст Манифеста 17 октября. Уже в три часа дня в помещении Собрания открылся митинг, на который вскоре явились освобожденные из тюрьмы руководители забастовочного движения. Вот как описывала эти события газета «Восточное обозрение»: «... Митинг начался чествованием освобожденных из тюрьмы забастовщиков... г. Иванченко, выступавший от лица рабочих депо, отметил необоснованность повышенного настроения публики по поводу обещаний 17 октября, указал на необходимость готовиться к дальнейшей борьбе за осуществление Программы российской с.-д. рабочей партии»¹. Интересный факт: под фамилией Иванченко на митинге выступал видный деятель сибирского социал-демократического движения Н. Н. Баранский, приехавший в Иркутск на первый съезд Сибирского Союза РСДРП.

Перелистаем подшивку газеты «Восточного обозрение». 30 октября в ней было размещено следующее объявление: «Иркутский комитет РСДРП созывает сегодня в 2 ч. дня в большом зале Общественного собрания митинг для обсуждения Манифеста 17 октября»². К митингу подоспели и амнистированные из Александровского централа революционеры, в основном «романовцы». Выступало много ораторов, но, как докладывал своему начальству один из агентов охранного отделения, речь Н. Н. Баранского, который вновь выступал под фамилией Иванченко, была «самой сильной». Он указал на то, что «...Манифест 17 октября является весьма ничтожной уступкой на требования рабочего класса. «Вы видите, товарищи, что в царском Манифесте указаны четыре категории свободы, между тем, мы, пролетарии, в своих требованиях привыкли называть шесть категорий. Царь пропустил в своем Манифесте два существенных

¹ Восточное обозрение // 1905. № 250. 13 нояб.

² Там же // 1905. № 238. 30 окт.

вида свободы: свободу стачек и свободу печати. Без этих свобод, товарищи, мы бессильны бороться с царским произволом»¹.

В ноябре 1905 г. бастуют почтово-телеграфные работники, к ним присоединяются солдаты и казаки Иркутского гарнизона. К середине ноября съезд Всероссийского Союза почтово-телеграфных работников объявил о начале забастовки. Причина забастовки заключалась в том, что правительство запретило создавать союзы государственным служащим, в том числе и работникам почты и телеграфа.

В Иркутске стачка началась 15 ноября. Газета «Восточное обозрение» писала в эти дни: «Иркутск вновь отрезан ото всего мира. Нервы, соединяющие нас с другими городами – телеграф, – омертвели»². Дело в том, что телеграфисты попросту перерезали телеграфные провода на переходной мачте. На старых иркутских почтовых открытках запечатлена эта 30-метровая мачта, стоявшая возле здания мужского духовного училища, рядом с Московскими воротами на Нижней набережной. Провода шли от мачты на остров Любви, а оттуда по тракту на Жилкино. Начался рекостав, и поднять провода из Ангары без специальной баржи было практически невозможно.

17 ноября по городу раздавались листовки, в которых стачечный комитет служащих почтово-телеграфного ведомства г. Иркутска разъяснял причины забастовки и выдвигал следующие требования: «... Мы требуем действительного и немедленного признания всех гражданских прав, возведенных Манифестом 17 октября, мы требуем отмены всех исключительных законов и военного положения, мы повторяем требования немедленного созыва учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, без различия пола, вероисповедания и национальности»³.

13 декабря группа забастовавших почтово-телеграфных работников была обстреляна солдатами возле здания столовой, которая была превращена в штаб телеграфистов. Здание это находится на улице Некрасова, 7 а. Сегодня здесь установлена мемориальная доска в память о забастовке иркутских телеграфистов и ее руководителе А. А. Семенове.

¹ ГАИО. ф. 601. Оп. 1. Д. 65. Л. 237.

² Восточное обозрение // 1905. № 253. 17 нояб.

³ Там же // 1905. № 255. 19 нояб.

В декабре 1905 г. А. А. Семенов жил в доме № 36 по ул. К. Либкнехта (б. Саломатовской, здание не сохранилось). Из этого дома он, опасаясь ареста, уезжает в Читу, где был арестован по доносу провокатора. Последовал суд, а затем тюремное заключение в Томской тюрьме. Но этот дом уже находился в поле зрения иркутского Охранного отделения. 11 марта 1907 г. начальник иркутского отделения докладывал: «... был произведен обыск в доме № 36 Московского по Саломатовской улице, в виду указаний агентуры, что в дом этот были перевезены двумя членами организации в декабре месяце минувшего года принадлежности тайной типографии, каковые действительно и обнаружены в одной из квартир означенного дома»¹.

Начинают список арестованных в декабре 1905 г. участники забастовки почтово-телеграфных работников. В этом списке мы выделим две фамилии: В. П. Бобылева и С. М. Карасева. В 1908–1909 гг. их судьба, как и судьба А. А. Семенова сплетется с судьбой С. М. Кирова, который приезжает в Иркутск после освобождения из Томской тюрьмы. Пока же нас интересуют дома, где жили эти люди. В 1905 г. член дружины самообороны телеграфистов В. П. Бобылев жил в доме № 31 Иванова по Б. Трапезниковской улице. Сейчас эта улица носит название Желябова, сменился и номер дома – 21. Здесь же в 1908–1909 гг. во время своих частых отлучек из с. Косая Степь жил А. А. Семенов. В 1925–1929 гг. он, уже будучи начальником Иркутского почтово-телеграфного округа, снимает в этом доме квартиру на первом этаже. С. М. Карасев жил неподалеку на улице Медведниковской в доме № 4 Звездкина (Халтурина, 2). Именно к В. П. Бобылеву, а затем к С. М. Карасеву и привел С. М. Кирова его товарищ по заключению в Томской тюрьме А. А. Семенов.

Дело в том, что С. М. Киров сразу после освобождения из Томской тюрьмы приезжает в г. Новониколаевск, где ожидает освобождение А. А. Семенова, а затем вместе с ним и с товарищем по работе в г. Томске А. И. Гладышевым осенью 1908 г. перебирается в Иркутск: «Ноябрь. В Иркутск нелегально прибыли видные деятели социал-демократического движения С. М. Костриков (Киров) и А. И. Гладышев – эсер, участник револю-

¹ ГАИО. Ф. 601. Оп. 1. Д. 108. Л. 170.

ционных событий 1905 г. А. А. Семенов»¹. С вокзала они направляются в дом В. П. Бобылева на ул. Б. Трапезниковскую. Но так как квартира Бобылева была под контролем полиции и прописаться временно в ней не предоставлялось возможным, было принято решение поселить Кирова на улице Спасо-Лютеранской, 33 в доме Шубина (ныне ул. Сурикова, 17). Через несколько дней ему нашли другую квартиру на улице Медведниковской, у С. И. Карасева, который в то время работал слесарем и жил в подвальном этаже дома. С. И. Карасев выделил С. М. Кострикову небольшую комнату в своей квартире. Верхний этаж занимала паспортистка полицейского участка, именно она, по воспоминаниям А. Н. Гладышева, и оформила Кирову временную прописку. Таким образом, в этой квартире он прожил около месяца.

Говоря о памятниках истории иркутской социал-демократической организации нельзя не упомянуть о домах, где проходили заседания съездов и конференций. В ноябре 1906 г. в доме № 6 Яблоновского по Любарской улице (ныне Ударника, 4, на месте здания военного комиссариата Иркутской области) состоялось первое заседание 3-го Иркутского окружного съезда РСДРП, в котором приняли участие делегаты от Слюдянской, Черемховской, Зиминской, Иннокентьевской групп, входивших в состав Иркутского округа, от Иркутского комитета и Сибирского Союза РСДРП – всего 18–20 человек. Второе заседание должно было состояться 21 ноября в доме № 4 Малышева по Саломатовской (ул. К. Либкнехта, 43). Данные о проведении конференции стали известны Охранному отделению. За домом было установлено наблюдение. Агент сообщал: «Около пяти часов вечера 21 ноября 1906 год в квартиру Абрама Шафер стали собираться постепенно различные лица, между которыми были замечены Максаков и Суворов, уже известные полиции по своему участию в делах местной организации. Около 6 с половиной часов в дом Малышева прибыл с нарядом полиции и войск в сопровождении своего помощника начальник Охранного отделения ротмистр Гаврилов... В квартире Шафер кроме хозяев были застигнуты посторонние лица: одиннадцать мужчин и одна женщина. При появлении полиции в квартире присутствующие

¹ Колмаков Ю. П. Иркутская летопись 1661–1940. Иркутск: Оттиск, 2003. С. 215.

спешили, по-видимому, уничтожить разложенные на столах и бывшие в руках у них различные рукописи, заметки, ... направлялись было к парадному выходу, но дверь оказалась запертой. Все застигнутые были задержаны»¹.

Одной из задач, стоявшей перед иркутским съездом была выработка отношения к новой Думе. Необходимо было рассмотреть вопрос о блоках и соглашениях с буржуазными партиями и избрать делегата на предстоящий партийный съезд. Арест делегатов съезда помешал разрешению этих задач. Но, как видно из последующих донесений начальника губернского жандармского управления, Иркутская социал-демократическая организация «решила принять деятельное участие в выборах в Государственную думу»².

Вопрос об отношении ко II Думе ставился и на городской конференции иркутских социал-демократов. Конференция проходила 11 марта 1907 г. в доме № 7 Сокольников на улице Ямской (Ямская, 3, ныне не существует). На конференции присутствовали 16 человек, в том числе братья Иннокентий и Валентин Феденевы, Андрей Знаменский, Николай Алявдин. На конференции решались вопросы о выработке проекта резолюции к предстоящему V съезду РСДРП, об организации рабочего класса, о законодательной деятельности правительства. Конференция указала на положительную роль Думы для организации рабочего движения³. В 10 часов вечера, когда конференция уже подходила к концу, в дом ворвалась полиция, делегаты были арестованы.

В списках арестованных в 1906–1907 гг. иркутских социал-демократов выделим два имени: В. В. Максаков и А. А. Знаменский. Оба они были видными работниками иркутской организации РСДРП. В. В. Максаков – советский историк-архивист, один из создателей советского архивоведения, еще будучи учащимся Иркутской духовной семинарии, вошел в ученический кружок РСДРП, был пропагандистом, организатором распространения нелегальной литературы среди рабочих Иркутска, Слюдянки, Черемхово. С октября 1905 г. являлся членом Иркутского комитета РСДРП, неоднократно подвергался арестам. А. А. Знаменский – вел пропагандистскую работу в кружках, в

¹ ИОКМ. ВС 9908-1.

² Там же.

³ ГАИО. Ф. 601. Оп 1. Д. 108. Л. 197.

1905 г. входил в состав боевой дружины иркутских социал-демократов. В 1904–1905 гг. оба они жили в одном доме по улице Ср. Иерусалимской (Седова, 24, территория 130 квартала).

В годы первой мировой войны центром легальной работы иркутских социалистов стало общество «Знание». Оно было образовано в декабре 1913 г. и размещалось на улице Подгорной, в доме 22. Общество пользовалось большой популярностью: здесь читались лекции и рефераты, во главе общества стояли такие известные сибирские партийные работники, как С. Ф. Васильченко, М. П. Жаков, Д. И. Трофимов. Пройдет немногим более года, и этих людей мы увидим у руководства организации «Союз Сибирских рабочих», которая была создана в новогоднюю ночь 1915 г. в небольшом доме на улице Красных Мадьяр, 40. Здесь жила С. А. Невельсон, член правления общества «Знание», член «Союза Сибирских рабочих».

Ведущие позиции в этой организации занимали бывшие политические ссыльные. Поначалу решено было поставить типографию в с. Манзурка. Туда с двумя чемоданами шрифта направился Н. В. Тетюцкий – опытный конспиратор, член РСДРП с 1902 г. Но в Манзурке типографию организовать не удалось, по селу прокатилась волна обысков, искали шрифт. Н. В. Тетюцкий был вынужден вернуться в Иркутск. Типографию решили разместить на улице Ланинской (Д. Событий), а затем она была переведена на ул. Баснинскую (Свердлова, 19, на месте здания расположена гостиница «Русь») в здание Иркутской городской лаборатории к М. П. Жакову. Здесь печатались листовки Союза, вышли несколько номеров журнала «Товарищ пролетарий».

Иркутское жандармское управление поначалу не знало о существовании «Союза Сибирских рабочих». Однако уже в мае 1915 г. в донесениях провокатора Михаила Викуржа впервые появляются сведения о деятельности Союза. За членами Союза было установлено наблюдение и выяснено, что члены правления «собираются в помещении общества «Знание» и устраивают общие организованные собрания в прилежащих к Иркутску местностях, называемых «Звездочка» и «Царь Девичей»¹. В ночь на 20 июля 1915 г. «Союз Сибирских рабочих» был ликвидирован, разгромлена и нелегальная типография.

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 924. Л. 64.

В начале марта 1917 г. иркутяне узнали о свершившейся Февральской буржуазно-демократической революции, которая открыла двери тюрем и вернула из ссылки многих иркутских социал-демократов. Но это уже другая история, которая также требует к себе уважения и изучения новыми поколениями иркутских историков.

УДК 343.813(571.55)

Шиловский М. В., Новосибирск

**Здания тюрем Нерчинского каторжного комплекса
в конце XIX – начале XX в.**

Аннотация. Анализируется состояние и процесс обновления тюремных зданий Нерчинского каторжного комплекса в конце XIX – начале XX в. Выявляются причины низкого качества строительных работ, быстрого приведения сооружений в нерабочее состояние. Значительная часть зданий предназначалась для размещения управленческих структур каторги и тюрем, обеспечения служебным жильем чиновников. Следствием перенаселенности и отвратительных санитарных условий явились эпидемические заболевания. В конечном счете, по результатам инспекций тюремная администрация каторги и Главного тюремного управления приходит к выводу о невозможности воссоздания на Нерчинской каторге относительного порядка. Поэтому предлагалось воздержаться от дальнейшего сооружения новых зданий и ограничиться поддержанием наиболее прочных зданий в исправном состоянии.

Ключевые слова: Нерчинская каторга, тюрьма, ссыльнокаторжане, Главное тюремное управление, строительные материалы, ремонт, природно-климатические условия, строительство.

Shilovskiy M. V., Novosibirsk

Prison Buildings of the Nerchinsk Katorga Complex in the Late XIX – Early XX century

Abstract. The author analyzes the condition and renovation of prison facilities of the Nerchinsk katorga complex in the late XIX – early XX centuries; identifies the causes for which construction works were of low quality, and the buildings quickly became non-operational. A large part of facilities was intended for the katorga and prisons' management as well as for accommodating the officials. Overcrowding and awful sanitary conditions led to epidemic diseases. Finally, based on inspections, the prison administration of katorga and the Chief Prison Administration came to conclusion that it was impossible to restore any relative order in the Nerchinsk katorga. Therefore, they proposed to refrain from further construction of new buildings and to focus on maintaining the most solid buildings in good condition.

Keywords: Nerchinsk katorga, prison, exiled penal laborers, Chief Prison Administration, construction materials, renovating, natural and climatic conditions, construction.

Становление каторжного комплекса в Нерчинском горном округе Кабинета его императорского величества (КИВ) произошло в первой половине XVIII в. В начале XIX в. осужденные на каторжные работы стали использоваться на Кариийских золотых промыслах. Однако «от громадного скопления каторжных, работавших в болоте, а в свободное время запертых в тесных и сырых тюрьмах, вспыхнула тифозная горячка, унесшая в один год более 1000 человек. После этого добыча сразу упала, дав в 1860 г. 60 пудов на всех Нерчинских приисках, и с тех пор продолжала уменьшаться ежегодно, вызывая этим постепенное сокращение направленных на прииски ссыльных». Ссыльно-каторжан использовали на Петровском железоделательном заводе, численность которых достигла здесь к 1833 г. 550 чел., но плохое качество выпускаемых изделий, «частые побеги, а также негодность помещений для ссыльных привели к крайней ограниченности производства завода, который вследствие этого перестал нуждаться в каторжном труде» [6, л. 127].

В 1869 г. МВД и Министерство императорского двора заключили соглашение, согласно которому КИВ «принял на себя возобновление рудников с тем, чтобы серебро-свинцовое производство продолжалось трудом арестантов под управлением Кабинета, с возвращением из казны убытков от этого производства, если таковые последуют. Однако осуществление описанного предположения замедлилось, и к разработке нерчинских рудников приступили лишь в 1883 г. после исследования положения этого дела на месте бывшим начальником Главного тюремного управления М. Н. Галкиным-Враским. Для помещения арестантов вблизи этих работ и были построены тюрьмы, составляющие ныне [1913 г. – М. III.] Нерчинскую каторгу» [6, л. 128].

«В отличие от централов каторжные тюрьмы Нерчинской каторги постарались максимально приблизить к рудникам и приискам, которые могли обеспечить рентабельность труда заключенных, – отметил Д. И. Дмитриев. – Для этого на скорую руку переделали имевшиеся на рудниках и приисках строения. В Алгачинском руднике под тюрьму был приспособлен бывший больничный дом. В Горном Зерентуе под тюрьму были отведены бывший дом пристава рудника, старая тюрьма и флигель при ней. В Александровском заводе в тюремный комплекс входили бывший дом управляющего рудничным районом, бывшая горная контора, дом полиции, училище и казарма. Все эти здания были старыми, ветхими и непригодными для жилья» [4, с. 231].

В состав каторжного комплекса входили Акатуевская (1889), Алгачинская (1890), Зерентуйская (1889), Мальцевская (1899), Кадаинская, Кутомарская и Александровская тюрьмы с управлением, находящимся в Горном Зерентуе. На июнь 1910 г. на Нерчинской каторге насчитывалось 3791 каторжанин, на январь 1915 г. – 3879 и на 1 марта 1917 г. в тюрьмах и арестантской команде на строительстве Амурской железной дороги (п. Раздольное) состояло 4036 ссыльнокаторжных обоего пола [9, с. 409].

На положение дел в изучаемой области в плане доставки строительных материалов и привлечения квалифицированных рабочих негативно влияла удаленность мест заключения от Читы и железной дороги. Так, Горный Зерентуй находился на расстоянии от областного центра по одному маршруту (через Сретенск) в 614 верстах, из них 357 – по железной дороге и 257 – по почтовому тракту; а другому (через ст. Борзя) – в 629

верстах, в том числе 325 по железной дороге и 304 на лошадях. Ситуация усугублялась суровыми природно-климатическими условиями: резко-континентальный климат, продолжительные зимы с морозами до -50С, наличие участков вечной мерзлоты, отсутствие лесных массивов, древесина которых используется в строительстве (сосна, пихта).

Многочисленные проверяющие, начиная с начальника Главного тюремного управления (ГТУ), шталмейстера А. П. Соломона (1898), инспектора ГТУ П. К. Грана (1906), иркутского генерал-губернатора Н. П. Селиванова (1907), начальника ГТУ С. С. Хрулева (1909), атамана 3-го отдела Забайкальского казачьего войска, генерал-майора П. Н. Путилова (1910) фиксировали, в том числе, «ветхое состояние тюрем». Ситуацию на каторге в 1892 г. видный публицист и лидер сибирских областников Н. М. Ядринцев характеризовал следующим образом: «Здания, в которых содержатся каторжные, ветхи и тесны; та же теснота в казармах конвоя, которая не дает возможности держать три смены. Больные преступники помещаются в здании, которое находится в разрушенном состоянии; вследствие такого положения тюрем приступлено было к выводу из карийских промыслов «богодельщиков» в числе 300 человек» [10, с. 215].

Примерно в таком же духе о состоянии тюрем Нерчинской каторги высказывались в своих мемуарах политические преступники, отбывавшие здесь наказание. Хотя до начала 1910-х гг. они находились в более благоприятных условиях по сравнению с уголовниками. Так, в 1878–1879 гг. на Каре политические размещались в здании бывшей офицерской гауптвахты. Заключенных помещали по двое или трое в отдельные комнаты, общее же помещение служило столовой и клубом [8, с. 24].

Процесс сооружения одной из тюрем комплекса, а именно Зерентуйской, подробно исследован М. Г. Бодяк. Она установила, что пенитенциарное учреждение было основано в 1825 г. Со временем деревянные бараки пришли в негодность. Строительство новой каменной трехэтажной тюрьмы началось хозяйственным способом с использованием труда заключенных в 1880 г. Процесс «был связан с трудностями, отсутствием местного строительного материала, нехваткой мастеров-строителей, не всегда своевременным финансированием». В 1889 г. объект принял первых сидельцев. «С 1891 г. Зерентуйская каторжная тюрьма

становится центром Нерчинской каторги. При тюрьме началось строительство зданий для управления каторги, приюта для детей ссыльнокаторжных. Вообще процесс строительства тюрьмы был бесконечным. С начала XX в. тюрьма пережила два капитальных ремонта и несколько «мелочных ремонтов большой поправкой». Некоторые здания сносились из-за ветхости, перестраивались и меняли своих обитателей» [1, с. 209].

О том, в каком состоянии находились помещения на территории тюрем, попытаемся оценить на основе информации «Ведомости тюремным зданиям, представленной в отчете начальника Нерчинской каторги полковника Н. Л. Забелло иркутскому генерал-губернатору А. Н. Селиванову за 1909 год» от 30 апреля 1910 г. [3, л. 14–22], а также цитированного выше «Краткого описания каторжных работ на Нерчинских рудниках и заводах в XIX в. – 1913 г.» не позднее 21 сентября 1913 г. и ряда других архивных документов, появившихся в промежутке между 1909 и 1913 гг.

В «Ведомости» содержится подробная информация о строениях, расположенных на территории каждой из тюрем, даже таких малозначимых как баня начальника, навес для хранения телег, подвал. Указываются размеры в саженях (2,1336 метра) и аршинах (71,12 сантиметра); материал из которого сооружено здание (каменное или деревянное), год постройки, на сколько «посадочных» мест рассчитано. Всего на 30 апреля 1910 г. на балансе управления Нерчинской каторги числилось в Акатуевской, Зерентуйской, Кутомарской, Кадаинской, Мальцевской, Александровской, Алгачинской и при Покровском руднике (в двух последних на момент составления ведомости заключенных не было) тюрьмах насчитывалось 192 помещения, из которых 23 предназначались собственно для размещения каторжан. Только 8 зданий были каменными (кирпичными), все остальные деревянные или мазанки (переплетенные хворостом на деревянных столбах и обмазанные глиной). Собственно тюремные помещения были обнесены каменными оградами.

По сути дела, каждое место заключения представляло автономный поселенческий комплекс (городок), осуществлявший его содержание, обеспечение и управление. Так, самым крупным объектом являлась Зерентуйская тюрьма в Горном Зерентуе, где находилось управление Нерчинской каторги. Общее количество

отдельных зданий составило 37, в том числе «каменная в два этажа, третий подвальный длиной 27 саж. и шириной 8 саж. [57,5 на 17 метров]» тюрьма на 300 заключенных; лазарет на 40 чел.; дом для помещения каторжан внетюремного разряда на 60 чел. и дом для семейств, отбывающих наказание на 50 чел. Бывший врио начальника тюрьмы Г. Н. Чемоданов так в 1910 г. описывал ее главный корпус: «Тюрьма представляла собой большое белое трехэтажное здание в форме буквы «Т». Внизу помещалась кухня, хлебопекарня, мастерские... Два верхних этажа были заняты камерами, имели один общий коридор с железным балконом вдоль линий камер 2-го этажа. Идущий перпендикулярно главному корпусу выступ был заполнен одиночками. На дворе находился большой деревянный корпус, и строилась новая баня. Все было обнесено высокой белой каменной оградой и деревянными вышками для часовых по углам и посередине длинных фасадов» [5, с. 53]. К числу служебных помещений относились две казармы для охраны на 200 чел., караульный дом, кухня при казармах, баня для нижних воинских чинов, кузница. Кроме того три амбара для имущества, пять караулок, еще девять амбаров, навес для хранения телег, подвал-ледник, подвал. Примерно такой же набор зданий имелся и в других тюрьмах.

Значительная часть зданий предназначалась для размещения управленческих структур тюрьмы и каторги, а также обеспечения служебным жильем чиновников: квартира начальника каторги и помещение для его канцелярии в каменном двухэтажном доме (30 на 13 метров), «при нем отдельный каменный ледник и деревянная конюшня»; баня при квартире начальника; квартира священника; квартира помощника начальника; почтово-телеграфная контора с конюшней и кладовой; квартира начальника тюрьмы с баней, каретником и амбаром; две квартиры бухгалтеров; квартира казначея; квартира начальника конвойной команды и субалтерн-офицера с баней, конюшней, каретником и ледником; квартира помощника бухгалтера и помощника делопроизводителя; квартира фельдшера и старшего надзирателя; канцелярия начальника тюрьмы. В Акатуевской и Кутомарской тюрьмах имелись деревянные церкви. В последней и Кадаинской тюрьме, очевидно для обеспечения нужд каторги, были устроены кирпичный сарай и обжигательные печи.

Применительно ко всем тюрьмам, за исключением Кутомарской, имеются сведения о времени постройки зданий. В той же Зерентуйской они колеблются в интервале от 1880 до 1908 года (4 в 1889 г., по 3 в 1882, 1890, 1891, по 2 в 1881, 1886, 1887, 1892, 1905, по одному в 1880, 1885, 1897, 1898, 1901, 1903, 1906, 1908 гг. (на 5 зданий сведений нет). Т. е. на момент составления «Ведомости» возраст строений находился в интервале от 29 до одного года. Казалось бы, при таких сроках эксплуатации они должны были сохраняться в работоспособном и исправном состоянии. Однако в 1908 г. здания всего каторжного комплекса «освидетельствованы были особою комиссией, назначенною иркутским генерал-губернатором по окончании ремонтных работ, произведенных на 131 826 руб., отпущенных в 1903 г. на строительные надобности Нерчинской каторги. Комиссия эта, в числе других неисправностей, установила, между прочим, что некоторые работы велись наспех и без достаточного технического надзора; что вследствие неприведения в соответствие глубины заложения фундаментов с местными условиями, во многих зданиях замечается расстройство стен; что здания строились преимущественно из свежесрубленного леса и не вполне достаточных размеров, причем работы производились в некоторых случаях трудом арестантов весьма неудовлетворительно» [6, л. 131].

Результаты подобного отношения к возведению зданий зафиксированы в «Ведомости» в отношении всех тюрем. Например, в той же Зерентуйской квартира фельдшера и старшего надзирателя «совершенно ветхая», караулка для привратника у лазаретных ворот «деревянная без крыши». Больше всего аварийных помещений имелось в Александровской тюрьме. Поэтому в 1913 г. она была закрыта «за непригодностью для содержания арестантов».

Следствием перенаселенности и отвратительных санитарных условий являлись эпидемические заболевания. 11 марта 1911 г. вице-губернатор Забайкальской области телеграфно сообщал иркутскому генерал-губернатору Л. М. Князеву: «Эпидемия тифа [в] Зерентуйской тюрьме установлена второго марта; откуда занесена не выяснено. [По] заключению врача и начальника каторги пособниками являются, кроме общих санитарных условий, образование под полами слоя грязи вследствие ежедневной мойки полов, лишение камер нар, убранных [по] распоряжению

начальника тюрьмы. Почему люди спят [на] сыром полу, хотя [и на] матрасах, вносимых [к] ночи; наконец довольствие не по раскладке; постные дни без рыбы» [2, л. 38].

Промежуточным замером ситуации стали «Описания современного состояния тюремных зданий», включенные в качестве преамбулы в смету Главного тюремного управления на ремонт и постройку новых зданий Нерчинской каторги в 1911 г., датируемые не позднее ноября 1910 г. Ее составители отмечали: «В настоящее время почти все тюремные здания на каторге пришли в крайне плохое состояние, причем сколько-нибудь крупные затраты на ремонт некоторых из них были бы явно непроизводительными. Почти на всех зданиях крыши покрыты листовым тесом и вследствие особой усушки такого леса и гниения его, они пришли в негодное состояние, протекают и сильно портят потолки. Конопатка в зданиях высохла и во многих местах выпала, вследствие чего жилые здания очень холодны, тем более, что штукатурки в них нет. Настоятельно необходимо вновь проконопатить стены и некоторые лучшие здания оштукатурить, с устройством вентиляции. В арестантских камерах почти всюду полы сгнили и печи, вследствие употребления на кладку их плохого кирпича, разваливаются; арестанты без особого затруднения, могут разбирать полы и печи, даже не пользуясь при этом каким либо инструментом, что, разумеется, весьма опасно с точки зрения побегов. Оконные переплеты сделаны из тонкого листового леса с очень крупными делениями для стекол (11x12 вер.), поэтому, при ветхости рам, дешевые тонкие стекла часто бьются. Многие переплеты нужно заменять новыми, а также желательно стекла вставлять лучшего качества» [7, л. 89].

Далее предлагалось, «помимо работ ремонтного характера при тюрьмах каторги необходимо построить следующие новые строения: 1) при Зерентуйской тюрьме – баню, прачечную, лазарет и квартиры для врача и архитектора, 2) при Кутомарской – церковь и мастерские, 3) при Алагачинской – баню, прачечную, кухню и хлебопекарню. «Независимо от этого в пределах каторги необходимо отремонтировать этапы, служащие для отдыха препровождаемых в тюрьмы арестантских партий, а также построить целый ряд новых этапов» [7, л. 89 об.].

Наконец, последнее по времени «Краткое описание каторжных работ на Нерчинских рудниках» опирается на результа-

ты инспекции начальника Главного тюремного управления П. К. Грана в 1913 г. [6, л. 131–135 об.]. В плане анализируемой проблемы по отдельным пенитенциарным учреждениям были сделаны следующие замечания. Алагачинская тюрьма: «Все главные здания (три корпуса) крайне ветхи и продержатся не более 3 лет. Хозяйственные службы только что отстроены, но благодаря сырому лесному материалу вряд ли выдержат более 8–10 лет». «Кутомарская тюрьма по кубическому содержанию воздуха рассчитана на 302 места. На строительные нужды этой тюрьмы отпущено в последние годы около 180000 рублей». Зерентуйская тюрьма имеет «большое каменное 3-х этажное здание капитальной постройки, только что отремонтировано. Всего на ремонт и новые постройки в Зерентуйской тюрьме за последнее время затрачено 190900 руб.». Мальцевская тюрьма расположена в шести верстах от Горного Зерентуя. Новый корпус на 30 чел. «вероятно, будет готов к наступающей зиме». «Работа на Казаковском и окрестных промыслах может производиться еще 8–10 лет. Но построенные на месте здания для содержания арестантов, для служащих и конвоя, а также для хозяйственных надобностей, как за счет тюремного ведомства, так и за счет управления промыслов, не вполне удовлетворительны и недостаточны по своим размерам. Тюремный кирпичный завод, устроенный на Казаковском промысле, выработал в 1912 г. 67 тысяч [штук] кирпича, а в мае и июне 1913 года – 36 тысяч. Кирпич этот будет употреблен частью на постройки тюремного ведомства, частью для надобностей управления промыслов».

По итогам инспекции формулируется главный вывод-предложение: «Что же касается дальнейшей судьбы Нерчинской каторги вообще, то неоднократные посещения ее должностными лицами центрального управления тюремного ведомства и ознакомление с существующими в тюрьмах означенной каторги порядками приводили к заключению, что затруднительность надзора, невозможность правильной организации работ, дороговизна строительных материалов и содержания арестантов – ставят неодолимые препятствия к тому, чтобы даже при совершенно исключительных затратах казенных средств можно было создать на Нерчинской каторге сколько-нибудь целесообразный порядок. Ввиду изложенного предложено воздержаться от дальнейших сооружений на Нерчинской каторге и ограничиться лишь поддер-

жанием наиболее прочных тюрем. Что же касается тюрем, приходящих в ветхость и расположенных к тому же вдали от промыслов Кабинета его величества, то казалось бы желательным своевременное их закрывать и этим избавить казну от крупных и явно непроизводительных расходов» [6, л. 135 об.].

Таким образом, осуществленный мной анализ состояния жилого фонда тюрем Нерчинского каторжного комплекса в конце XIX – начале XX в., позволяет сделать вывод о полной бесперспективности его развития, в том числе и с точки зрения строительства и содержания его зданий.

Литература и источники

1. Бодяк М. Г. История строительства Зерентуйской каторжной тюрьмы // Сибирская ссылка. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2003. Вып. 2 (14). С. 198–213.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 6. Д. 4214.
3. ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Д. 4173.
4. Дмитриев Д. И. Политика самодержавия в каторжных тюрьмах Сибири (конец XIX в.) // Сибирская ссылка. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2003. Вып. 2 (14). С. 224–243.
5. Нерчинская каторга. Изд. 2-е. М., 1930. С. 44–62.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 4. Д. 106.
7. РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3018.
8. Чарушин Н. А. О далеком прошлом на Каре. М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. 124 с.
9. Шиловский М. В. Революционеры на сибирской каторге (1906 – февраль 1917 г.): поведенческие стереотипы и специфика участия в протестных акциях // Сибирская ссылка. Иркутск: Оттиск, 2013. Вып. 7 (19). С. 407–434.
10. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении (1892). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 556 с.

Семейный архив

УДК 947.084.51

Зиновьев В. П., Томск

«10 гусенят» – спецпереселение глазами участников

Аннотация. В статье сообщается история одной крестьянской семьи на фоне грандиозного процесса перехода России из аграрного общества в индустриальное. Автор ставит под сомнение оптимальность решений, принятых государством по отношению к крестьянству в XX веке. Репрессии, по его мнению, только затормозили процесс модернизации сельского хозяйства страны, лишив его наиболее трудоспособных и инициативных кадров и, наоборот, усилив индустриальный прогресс.

Ключевые слова: спецпереселение, крестьяне, Алтай, Томская область.

Zinovyev V. P., Tomsk

«10 goslings» – special settlement through the eyes of the participants

Abstract. The article tells the story of a peasant family against the background of the Grand process of transition of Russia from an agrarian society to an industrial one. The author doubts the optimality of the decisions taken by the state in relation to the peasantry in the twentieth century. Repressions, in his opinion, only slowed down the process of modernization of agriculture of the country, depriving it of the strongest and initiative personnel and, on the contrary, strengthening industrial progress.

Key words: special settlement, peasants, Altai, Tomsk region.

Многие сейчас ищут дворянские или купеческие корни, а я горжусь тем, что происхожу из главного российского сословия – крестьянского. Тысячу лет крестьяне были главной опорой Русской державы – пахарями, мастерами, шлемоносцами, а надо – и академиками. Они «вынесли все, что господь не пошлет», пока в XX веке не легли в основу индустриальной России и не полегли, защищая страну в самой страшной мировой войне.

Я хочу показать это на примере одной своей семьи и доказать, что ссылка и репрессии были не самым лучшим способом распорядиться главным богатством страны – людьми.

По отцовской линии наша семья происходит из государственных крестьян Воронежской губернии Нижнедевицкого уезда Солдатовской волости, села Горшечного. Главной причиной переселения предков было малоземелье.

Мой отец – Павел Петрович проезжал в 1943 г. на единственный бой под Прохоровкой через свою родину – станцию Горшечную. Она горела после бомбежки.

Отец и дед Петр имели две «Родины». Они называли родиной и Воронежскую губернию и Алтай. У матери была только одна «Родина» – на Алтае.

В 1881 г. с большой партией воронежских крестьян мои предки двинулись в Сибирь, на поиск свободных земель. В Сибири крестьянам нарезали по 15 десятин наделной земли на мужскую податную душу, то есть в 10 раз больше, чем они имели на родине. Первоначально на разведку был послан ходок, только потом двинулась партия новоселов – 60 душ. Однако выбранное ими место оказалось уже занято другими переселенцами, и воронежцы осели на свободное место, указанное Главным управлением Алтайского горного округа – в Барнаульской волости Бийского округа. Хорошие места на реках были уже снова заняты. Заселок на пустоши в вершине реки Порозики назвали по имени основателей – Брусенцевых. Дед Петр утверждал, что в Сибирь шли сами – табором все лето 1881 г. Он также говорил, что его прадед Алексей Илларионович умер по дороге. Путь продолжили его брат Иван, вдова Акулина Сидоровна и пять детей – Николай, Илья, Дмитрий, Мавра, Ирина.

Земля новоселам досталась не самая лучшая, и не в том количестве, в каком хотели переселенцы. В 1881 – 1882 гг. переселились 194 семьи из Воронежской и Курской губерний. Им

были отведены 12699,3 десятины пустоши, оставшейся неразделенной между старожильческими деревнями Осколковой, Зиминой, селами Вяткиной и Усть-Чарышская пристань. Ранее здесь была заимка рудовоза Егора Федоровича Вяткина. Учитывая, что в число отведенных земель попали более 1000 десятин солончаков, уже в 1883 г. на мужскую душу приходилось не более 16 десятин удобной земли. В неурожайный 1891/2 г. приселились в Брусенцево еще 58 семей земляков-однодеревенцев и родственников первопоселенцев. Количество земли на податную душу снизилось до 11 десятин. Приселение продолжалось и позднее, но брусенцевские крестьяне приписывали к обществу немногих. В 1894 г. насчитывалось 87 не причисленных к обществу семей в 485 душ. «Запретить поселяться здесь нет способа: сегодня мой родственник придет, завтра его, все друг другу обязаны и молчим», – объясняли крестьяне исследователю земледелия на Алтае Сергею Порфирьевичу Швецову. В 1894 г. число причисленных к обществу хозяйств выросло до 263 в 1920 душ обоего пола¹. В 1926 г. в с. Брусенцево было уже 635 хозяйств и 4118 душ жителей². Здесь тоже стало тесно, не прошло и пятидесяти лет со дня водворения.

Сибирская земля встретила новоселов неприветливо. Первые три года переселенцы работали в хозяйствах соседей, ходили на заработки в Усть-Чарышскую пристань, обзаводились хозяйствами и обустроивали их. Первые зимы ютились в землянках. Наши родственники также ходили по деревням старожилов в поисках работы. Илья жил в работниках у крестьян Белоруковых в деревне Осколково. Николай с дядей Иваном ходили по деревням, катали пимы и шили шубы.

В 1884 г. на выселке Брусенцевском впервые стали сеять хлеб, однако первые три года был неурожай (посевы вымерзали), а в 1884 г. пал почти весь скот 873 головы (мор повторился в 1890 г.). Лишь в 1897 г. был получен первый посредственный урожай. Думаю, что дело тут не только в неблагоприятной погоде, но и в неумении новоселов быстро приспособиться к новым условиям.

¹ Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе. Результаты статистического исследования в 1894 году. Вып. II. Описание переселенческих поселков / сост. С.П. Швецов. Барнаул, 1899. С. 194 – 195.

² Список населенных мест Сибирского края. Том первый. Округа Юго-Западной Сибири. Новосибирск, 1928. С. 716 – 717.

Позднее тоже были плохие годы, но урожаи новоселы получать научились. Часть жителей Брусенцева отселились в старожильческое село Вяткино, в село Журавлиха, в деревню Озерную.

Получив известие о тяжелом положении крестьян выселка, губернатор А. П. Булюбаш просил в марте 1888 г. начальника Алтайского горного округа рассрочить выплату налогов с жителей Брусенцева¹, возможно, такая рассрочка была предоставлена.

Первоначально земли хватало на всех. Из 12,7 тыс. десятин к середине 1890-х годов запахивали только 3 тыс. десятин, т. е. по 9 десятин на хозяйство. Земля была сравнительно плодородной в первые два-три года, затем урожайность падала. Чернозем с супесью при первой пахоте давал до 100 пудов с десятины (около 16 центнеров с гектара). Выработанная земля давала уже 2–4 центнера с гектара. Пашню по этой причине забрасывали через 6–8 лет и пахали новину, чтобы вернуться к прежней земле (залогам) лет через 20. Таким образом, чтобы ежегодно пахать по 3 тысячи десятин земли, брусенцевским мужикам нужно было иметь вдвое больше земли. Крестьяне и стремились захватить в три-четыре больше земли, чем могли распахать.

Хуже, чем с пашнями, обстояли дела с покосами, еще хуже – с лесом. Валежник на дрова можно было собирать в неограниченном количестве. Остальное нужно было покупать или платить попенную (за строевой лес) и посаженную (за дрова) плату Кабинету. В целом условия для хозяйствования были лучше, чем на старой родине в Воронежской губернии. Земля была хуже, но ее было больше. Через 15 лет после заселения своего хлеба хватало до нового урожая почти всем.

Как обстояли дела у наших предков? У Николая Алексеевича Зиновьева в семье к 1901 г. уже было 17 человек, из них 8 работников. Поскольку других Зиновьевых в подворной переписи не зафиксировано, три брата жили одной семьей: Илья, Николай, Дмитрий, дядя Иван, мать Аксинья Сидоровна. В хозяйстве числилось 18 лошадей, 17 коров, 35 овец и коз. Засевали они 15 десятин пшеницы, 9 десятин овса. В запасе было 100 пудов пшеницы и 200 копен сена².

¹ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 3. Оп.1. Д. 660. Л. 85 – 86.

² Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 44. Д. 593. Л. 2 – 3.

К 1905 г. семья оставалась неразделенной. Главой назывался Николай Алексеевич. В семье было 19 человек, в т. ч. мужчин 9, один из которых был в солдатах (вероятно, Михаил Николаевич), четверо из мужчин считались грамотными и рабочего возраста.

Хозяйство Н. А. Зиновьева исследователи сибирского маслоделия отнесли к самым значительным на Алтае – «оригинальным»¹. В хозяйстве числилось 15 рабочих лошадей, 21 корова, 50 овец. Надел обрабатываемой земли составлял 36 десятин, в т. ч. 20 из них находилось под яровой пшеницей. Орудий труда было записано: плугов железных 3, косилка, жатка, ветряная мельница, конная молотилка (в компании с однодеревенцами). Он имел, также в компании, лавку, 2 маслобойни. С 1902 г. на артельных заводиках в 3 сепаратора с 3 рабочими и мастером вырабатывалось свыше 300 пудов масла ежегодно. Поставщиками молока были до 130 односельчан, которым компаньоны платили по 42–45 коп. за пуд. Масло сдавалось в Барнаул. Товарищами Николая Алексеевича по маслодельному промыслу были И. Скоков, В. Щетинин, А. Хорошилов, И. Ледовских.

Раздел хозяйства произошел, вероятно, между 1905 и 1917 гг., поскольку по сельскохозяйственной переписи 1917 г. в селе Брусенцево числились уже три хозяйства Зиновьевых: Николай, Ильи и Дмитрия Алексеевичей с общим числом в семьях 34 человека².

В переписной карточке Николая Алексеевича Зиновьева были записаны:

1. Николай Алексеевич – 55 лет, неграмотен, из крестьян Воронежской губернии, великоросс, переселенец 1880 г.;

2. сын Василий Николаевич (мой прадед) – 36 лет, грамотен, кузнец, умеет жать и пахать;

3. сын Михаил Николаевич – 33 года, грамотен, волостной писарь, в момент переписи отсутствовал;

4. сын Иван Николаевич – 25 лет, грамотен, служил в армии в момент переписи;

5. сын Федор Николаевич – 12 лет, учащийся;

¹ Трегубов Н. М. Экономическое исследование маслоделия в Сибири. Харьков, 1906. С. 136 – 143.

² ГААК. Ф. 233. Оп.1. Д. 263.

6. внук Петр Васильевич (мой дед) – 15 лет, грамотен, учащийся, умеет пахать, косить, убирать с поля;

7. внук Константин Васильевич – 9 лет;

8. внук Андрей Михайлович, 13 лет, грамотен, учащийся, умеет пахать, косить, убирать с поля;

9. внук Петр Михайлович;

10. внук Валентин Иванович;

11. внук Виталий Иванович;

12. жена Екатерина Степановна (в девичестве Пахомова), 50 лет, неграмотна. Е. С. Пахомова была второй женой Николая Алексеевича, матерью его детей, кроме первого сына – Василия. Первая жена Николая Алексеевича, моя прапрабабка и мать моего прадеда Василия была в девичестве Матусова, имя ее дед Петр запомнил;

13. невестка, жена Василия Николаевича Пелагея Тихоновна (в девичестве Глебова, – моя прабабка), неграмотна, умеет пахать, косить, убирать с поля;

14. невестка, жена Михаила Николаевича, Варвара Дмитриевна, 36 лет, грамотна, умеет пахать, косить, убирать с поля;

15. невестка, жена Ивана Николаевича, Агафья Фатеевна, 33 лет (в переписи возможна ошибка, на самом деле ей, возможно, было 26 лет, однако дед говорил, что жена Ивана была намного его старше), грамотна, умеет косить, убирать с поля;

16. внучка Августа Ивановна, 7 лет;

17. Елизавета Васильевна, 3 года;

18. Тамара Михайловна, 5 лет;

19. Анна (?) – чья дочь, не записано, позднее не упоминалась, вероятно, умерла.

20. Александр, родился 18 июня, умер 25 декабря 1917 г. от кори¹. Здесь же отметим, что упомянутая Елизавета умерла в возрасте 16 лет в Нарымской ссылке, похоронена на кладбище поселка Садовой. Смерть детей тогда была делом обыкновенным. Выживало не более половины, а то и четверть рожденных. Интересно также, что жены сыновей были их старше, значит, их выбирали, прежде всего, как работниц, а не по симпатии. Жили расчетливо и прижимисто. Недаром бабушка Поля говорила: «С Зиновьевыми жить – лучше сухую корку глотать».

¹ ЦХАФ АК. Ф. Р-144. Оп. 6. Д. 3206. Л. 15–16.

В переписной карточке Ильи Алексеевича Зиновьева значились:

1. Илья Алексеевич, 55 лет, грамотен, великоросс, в Сибири с 1881 г.;
2. жена Мария Анатольевна, 50 лет;
3. мать Аксинья Сидоровна, 85 лет (моя прапрапрабабка), неграмотна;
4. сын Василий, 12 лет, неграмотен;
5. сын Иона, 20 лет, грамотен;
6. сын Степан, 10 лет, грамотен;
7. сын Андрей, 7 лет;
8. сын Николай, 6 лет;
9. дочь Аксинья, 18 лет, неграмотна;
10. дочь Елена, 15 лет, неграмотна;
11. дочь Анна, 3 года.

В переписной карточке Дмитрия Алексеевича значились следующие лица:

1. Дмитрий Алексеевич, 50 лет, грамотен, великоросс, переселенец 1880 г.;
2. жена Елизавета Михайловна, 49 лет, неграмотна;
3. сын Василий, 4 года;
4. дочь Александра, 20 лет, грамотна;
5. дочь Мария, 10 лет, грамотна.

Хозяйства в 1917 г. были разделены. У Николая осталась большая часть имущества. Возможно, за ним числились машины, находящиеся в пользовании трех семей. На самом деле, список орудий и машин весьма внушителен: 3 плуга железных, 7 борон, косилка, конные грабли, сноповязалка, конная молотилка, веялка, 5 телег. Скота во дворе было 8 лошадей, 9 коров, 10 свиней, 4 поросенка, посев – 27 десятин, пшеницы в том числе – 17 десятин, овес – 7, гречиха – 1, просо – 0,5, горох – 0,3, залежь – 5 десятин, всего 32 десятины пашни и 5 десятин покосов.

Выпуск 9 (241)
Хозяйства братьев были скромнее: У Ильи плугов – 1, борон – 4, веялок – 1, телеги – 2; пашни имел 20 десятин, в том числе 10 десятин пшеницы, 4 – овса, 0,1 – проса, 0,1 – гороха, 0,1 – льна, 0,1 – конопли, 0,3 – подсолнечника, а всего 14,8 посева и 5,2 залежи; скота имел мало – 4 лошади, 2 коровы, 4 свиней. Дмитрий засеивал 3,4 десятины земли и имел 4,6 десятин зале-

жи. В хозяйстве было 4 лошади, 2 коровы, 1 плуг, 3 бороны, 2 телеги. Как объяснял дед Петр, Дмитрий Алексеевич хозяйствовал в деревне неохотно, а больше занимался плотницкими заказами, строительством домов в Барнауле.

О судьбе родственников рассказывали дед Петр и дядя Виталий Петрович. О детях Дмитрия и Ильи они ничего рассказать не смогли. С потомством Николая Алексеевича связи сохранились более прочные, остались кое-какие фото.

У Михаила Николаевича Зиновьева, который служил писарем в с. Вяткино было 3 класса образования. Он имел 4 детей: Андрея, Петра, Тамару, Клавдию. Сам он сгинул в Гражданскую войну. Андрей, родившийся в 1904 г., был активным общественником в советское время, работал в комсомоле, в УЧ-Пристанском райкоме РКСМ, затем – в Старой Барде в райкоме партии. В 1933 г. работал в Колпашево в партийных структурах. Умер в конце 30-х – начале 40-х гг.

Петр работал в Старой Барде, потом в Камне-на-Оби. Тамара (по мужу Голева), жила в Краснодаре. Клавдия работала военным врачом, жила в Кронштадте и Ленинграде, у нее осталась дочь. Дед Петр и дядя Виталий у них бывали в гостях.

Иван Николаевич в 1914 г. был призван в армию и прошел Первую мировую на Турецком фронте. В Эрзеруме стал большевиком. В 1918 г. после демобилизации работал помощником волостного писаря в Брусенцево. Активный участник Гражданской войны, партизанского движения. Был сначала секретарем, а затем – начальником штаба Степной Алейской дивизии. Его подписи стоят под многими документами партизанского движения на Алтае.

В 1920 г. Иван Николаевич состоял в коммуне «Красный повстанец», которую образовали в с. Брусенцево 16 бывших партизан. Коммуна имела 367 десятин земли, 44 лошади, 37 голов скота, сад, кузницу, мастерскую, общежитие, кухню, два амбара¹. Коммуна вскоре распалась, как и прочие, по причине экономической и организационной несостоятельности. Иван Николаевич учился на командирских курсах, был долгое время на советской и хозяйственной работе, на невысоких должностях. В 1931 г. безуспешно пытался оставить своих ссыльных родственников поближе к Колпашево – столице Нарымского края.

¹ ГААК. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 136. Л. 39–48.

В церковной книге села Брусенцева за 12 августа 1919 г. записано рождение сына Геннадия¹. Валентин и Геннадий погибли в Великую Отечественную войну. Виталий и Августа жили на Дальнем Востоке. Далее о них сведений нет.

Федор Николаевич, который родился в 1905 г., погиб в Великую Отечественную войну. Его два сына (Борис и Геннадий), дочь жили в Новокузнецке.

Мавра Николаевна вышла замуж за односельчанина, насколько запомнил дед Петр, – за Ледовских. Эти его сведения подтвердились записью в церковной книге села Брусенцева за 11 мая 1917 г. о рождении Петра Ледовских от крестьян Ледовских Георгия Ильича и Мавры Николаевны.

Прадед Василий был женат на Пелагее Тихоновне Глебовой. Тихон Афанасьевич Глебов (мой прапрадед) пришел в Сибирь также в 1881 г. выделился в отдельное хозяйство в 1909 г. Глебовы были большим кланом. По переписи 1917 г. в Брусенцево числились 6 хозяйств Глебовых: Павел и Тихон Афанасьевичи, Лукьян, Тимофей, Антон Андреевичи, Евдокия Степановна (видимо, вдова). У Афанасия Глебова (моего прапрапрадеда) в 1901 г. было весьма солидное хозяйство: на 16 человек семьи он имел 28 лошадей, 19 коров, 150 голов мелкого скота, 39 десятин посева и 350 копен сена².

Прапрадеду Тихону Афанасьевичу в 1917 г. было 60 лет, видимо, он родился в 1857 г. (в документах НКВД упоминается и 1852 г. и 1855 г.). После раздела с братом Павлом хозяйство стало меньше. В 1917 г. в его семье были переписаны сын Прокопий, 41 года, грамотный, был в армии, невестка Мария Дионисьевна, 40 лет, внуки Василий, 7 лет, Алексей, несколько месяцев (родился 6 июня 1917 г. Крестником был Василий Николаевич Зиновьев³), внучки Анна, 14 лет, Александра, 4 лет, Анастасия, 2 лет и работник Степан, 14 лет. В хозяйстве было 6 лошадей, 6 коров и быков, 2 свиньи. Было засеяно 14,5 десятин хлебов. Всей земли насчитывалось 38,5 десятин⁴. Ясно, что в семье не хватало работников, поэтому нанимали малолет-

¹ ГААК. Ф. Р-144. Оп. 6. Д. 3206. Л. 200–201.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 593. Л. 10.

³ ГААК. Ф. Р-144. Оп. 6. Д. 3206. Л. 21–22.

⁴ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 262. Л. 69.

него работника на все время, а в страду, видимо, требовались и взрослые мужчины.

Бабушка моя Пелагея Александровна (в девичестве Брусова) была родом из соседней деревни Романовой. Брусовский род был многочисленный и не бедный. Они жили в Брусенцево и Романово. Происходят они из крестьян Курской губернии.

Романово основано в 1858 г. выходцами из Чарышской волости Змеиногорского уезда, раскольниками поморского толка. В 1891–1893 гг. к ним приселились воронежцы. В конце XIX в. здесь было 96 хозяйств, в том числе 63 – старожилы, 33 – переселенцы. Деревня была многоземельной: на 626 душ приходилось 14815 десятин земли. На одну душу мужского пола имелось 47,8 десятин земли или в три раза больше, чем в Брусенцево¹.

Бабушкин дед, а мой прапрадед Нефед Иванович Брусов в 1901 г. имел большую семью. В 1901 г. она состояла из 12 человек. В хозяйстве числилось 19 лошадей, 8 коров, 25 голов мелкого скота. Сеял он около 10 десятин пшеницы, но зато 10 десятин овса. Подворная перепись в запасе учла у него 100 пудов пшеницы, 50 пудов овса, 150 копен сена. Судя по количеству лошадей и малой запашке, Нефед промышлял извозом².

О составе семьи сведений сохранилось мало, известно, что женат Нефед был на Пелагее Илларионовне, имел сыновей Александра (мой прадед), Моисея и Михаила. Прадед Саша – Александр Нефедович, был, похоже, личностью заметной. И дед, и отец о нем вспоминали часто. Был он мастер поработать и погулять. Женат он был на Аграфене Алексеевне (в девичестве Котеневой).

Котеневы также были большим кланом. В переписи 1917 г. учтено 7 семей Котеневых в селе Брусенцево: Петра Васильевича, Филиппа Васильевича, Филиппа Филипповича, Федора Гавриловича, Андреяна Алексеевича (сосед Зиновьевых в Брусенцево), Ивана Алексеевича, Семена Алексеевича³. Последние трое были братьями моей прабабки Аграфены (Груни).

Прадед Саша любил выпить и часто приезжал домой навеселе, бабушку Груню предупреждали соседи: «Грунька, открывай

¹ ГААК Ф. 4. Оп. 1. Д. 5975. Л. 1–3.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 58. Л. 4–5.

³ ГААК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 261. Л. 1–2.

ворота, Сашка едет!». Именно прадеду Саше пришлось взять на себя заботу о семье дочери в Нарымской ссылке после ареста ее мужа – моего деда Петра. Сын его Петр Александрович был арестован вместе с моим дедом и погиб в НКВД.

В Нарым были сосланы в 1931 году все братья Брусовы: Александр Нефедович с женой Аграфеной Алексеевной, сыном Петром и женой сына Анной Варламовной, Моисей Нефедович (42 года) с женой Анной Фатеевной и сыновьями Михаилом (18 лет) с его женой Ульяной (18 лет) и 3-хмесячной внучкой Анной, Василием (10 лет) и Иваном (7 лет), Михаил Нефедович (37 лет) с женой Агафьей Федоровной (37 лет) с сыновьями Николаем (15 лет), Александром (6 лет), дочерьми Пелагеей (Полиной), 7 лет, Анастасией (2 года) и Анной (1 год), отец Нефед Иванович (80 лет), мать Пелагея Илларионовна (80 лет)¹.

Брусовское племя в ссылке выжило и размножилось. Большая их часть живет в Томске, в городах Новосибирской, Кемеровской областей, Красноярском крае. Я знал Моисеевичей – Михаила, Василия и Ивана, они жили после каргасокской ссылки в пос. Ташара Мошковского района Новосибирской области, там умерли и похоронены. В Парабели до 2009 г. жил Николай Михайлович Брусов, проработавший свою трудовую жизнь учителем и инспектором районо. Его мать Агафья Федоровна прожила долгую, почти столетнюю жизнь в здравом уме и изумительной памяти, хотя рано ослепла.

Таким образом, можно сказать, что предки мои по отцовской линии – Зиновьевы, Матусовы, Глебовы, Брусовы, Котеневы были крестьянами-переселенцами Воронежской и Курской губерний, бежавшими в Сибирь от малоземелья, которые просили у бога одного – чтобы не мешали им работать по каторжному на алтайском приволье и не слишком много брали налогов за такое мужицкое счастье.

Как предки приняли революцию 1917 года, история умалчивает, потому что сама она для алтайских крестьян была громом далеким. Намного серьезнее сказалась на их судьбе Гражданская война 1918–1919 гг. Прадед Василий в событиях особо активного участия не принимал, в отличие от братьев Михаила и Ивана. Они прошли службу в армии, получили заряд полити-

¹ ГААК. Ф. 644. Оп. 3. Д. 1596. Л. 75, 77.

ческой информации, что затем и проявилось в их поведении на родине.

О Михаиле Николаевиче сведений мало. Дед Петр говорил однажды, что его дядья были по разные стороны баррикад. В другой раз он говорил, что Михаил Николаевич был волостным писарем по заданию подпольной организации. Иван Николаевич, как я уже заметил, был активным противником Колчака, красным партизаном, коммунарком. Прадед Василий ковал пики для партизан. Оружия у них было мало, поэтому нередко на вооружении были пики, таких партизан называли пикарями.

Однажды, как рассказывал дед Петр, они с отцом везли пики в партизанский отряд. На околице Брусенцева их остановил разъезд белых. От расстрела их спас односельчанин, которому дед, потом, будучи волостным писарем уже в советское время, справил документ на чужое имя.

Как жили Зиновьевы в 1920-е годы, сказать много не могу, потому что никто об этом не рассказывал, кроме деда Петра. В 1920 г. умер Николай Алексеевич в возрасте около 65 лет. Прадед Василий Николаевич занимался больше кузнечным ремеслом, чем сельским хозяйством, работал в речном затоне. К крестьянству прадед Василий вернулся после того, как братья отказались от хозяйства, занявшись классовой борьбой. Это роковым образом сказалось на судьбе прадеда. Кузница с большим хозяйством в придачу стала хорошим призом для сельских активистов-колхозников. Прадед Василий был намечен в жертвы коллективизации еще в 1929 г., когда попал под индивидуальное обложение, в 10 и более раз превышавшее обычное. Хозяйство Василия Николаевича в 1929 г. уже мало напоминало отцовское. Пашня сократилась до 10 десятин, из которых засеивалось пшеницей около 3 десятин, кроме того, посеяно было 0,2 десятины овса, 5 соток картофеля, 5 соток льна, 5 соток корнеплодов. Числились за В. Н. Зиновьевым также 2 лошади, 2 коровы, 2 овцы, свинья. Доход от кузни составил 120 рублей, от пашни – 139,7 рубля, от скота – 27,8 рубля. Весь доход хозяйства составил 287,3 руб. при налоге 23 рубля 3 коп.¹ На одного человека в год приходилось 20 руб. дохода. И это хозяйство считалось кулацким?! Притом, что доход на человека в год был меньше месячного заработка среднего рабочего России.

¹ ГААК Ф. 644. Оп. 3. Д. 1175. Л. 36.

Вероятнее всего, Василий Николаевич сам сократил размеры хозяйства, чтобы уйти от преследования властей.

«Опись имущества гражданина села Брусенцева Зиновьева Василия Николаевича»¹ 1931 г. поражает скрупулезностью оценки:

Наименование предмета:	Количество	Сумма
Дом	1	100 руб.
Двор	1	10
Сарай	1	5
Амбар	1	10
Баня	1	5
Кузница	1	15
Бревен	4	2
Коней: старая	1	25
молодая	1	20
Корова старая	2	40
Свинья	1	5
Овец: старые	2	6
молодые	2	4
Телка	2	4
Гусей	2	2
Курей	4	1
Ходков	1	50
Сани	2	2
Кошевка	1	1
Хомутов	5	3
Сенокосилка	1	5
Грабли конные	1	5
Пшеницы	40 пуд.	40 руб.
Муки: простой	10 пуд.	10 руб.
Сеянки	4	4
Картофеля	30	7,5
Самовар	1	2

Итого в описи перечислено 27 предметов стоимостью в 373,5 руб.

По мнению отца, которому я показал опись, в нее включено лишь то, что не унесли односельчане. Отец говорил, что в опись не

¹ ГААК Ф. 644. Оп. 3. Д. 1175. Л. 36.

вошли 10 гусенят, которых он пас, что когда их садили на телегу, он запер гусенят в кузне, чтобы их не растащили хищные ястребы и собаки. До самой своей смерти он вспоминал о брошенных гусенятах, о которых был обязан заботиться. Но самого его никто не смог защитить от злобной и безжалостной Советской власти.

Семью деда приписали к отцовской в момент высылки. Петр Васильевич, мой дед, родился в 1902 г., женился лет в 20. Отец же появился в 1923 г., затем еще трое детей. Прадед Александр Нефедович называл Петра зятем еще маленьким мальчиком, прочив его в мужья своей Пелагее. Так оно и вышло. Дед работал волостным писарем, имел свою семью, но жил при отце, как и брат его Константин, поэтому семья была большой. В 1931 г. в ней числились по поименному списку раскулаченных:

Василий Николаевич, 50 лет, Пелагея Тихоновна, 50 лет, Константин Васильевич, 20 лет, Александра Никитишна (жена Константина) – 18 лет, Елизавета Васильевна, 16 лет, Раиса Васильевна, 13 лет, Вениамин Васильевич, 8 лет, Софья Васильевна, 3 лет, Петр Васильевич, 28 лет, Пелагея Александровна, 25 лет (здесь ошибка, должно быть 28 лет), Павел Петрович (мой отец), 8 лет, Виталий Петрович, 4 года, Зоя Петровна, 3 года, Александра Петровна, 8 месяцев¹.

Изучение оставшихся в архивных делах документов подтверждает, что дело это обстряпывалось действительно наспех. Прадед и дед попали в список раскулаченных, составленный по дополнительной разверстке. Колхозу нужна была кузница. Это ясно из процедуры решения. Оно принималось на собраниях членов колхозов, проведенных в поле в один день – 13 мая 1931 г., а посадили раскулаченных в баржи уже 15 мая. Отец помнил одно из этих собраний на пашне. Потом он говорил, что не понимал суть происходящего, но чувствовал, что происходит что-то страшное и несправедливое. Он не мог понять, почему его дедушка Василий кулак? Он же кузнец, а не кулак!

Однотипные решения о включении в дополнительный список раскулаченных В. Н. Зиновьева и его родственников Глебовых приняла собрания сельхозартелей «За МТС», «Красный партизан», «Ленинский путь». Собрание артели «Красный партизан», в которую входил прадед, под председательством его бывшего работника Гранкина, по докладу его же бывшего ра-

¹ ГААК. Ф. 644. Оп. 3. Д. 1174. Л. 117 об.

ботника Шеменкова постановило: «Не имеющих характеристики тройки с/сов. о ликвидации кулачества как класса внов выявленных провести с помощью колхозов в самое короткое время добавить внов выявленных к данному списку (раскулаченных) представить с/сов в самое короткое время на основе ликвидации кулачества как класса развернуть массовую разъяснительную работу за вступление в колхоз»¹.

Характеристика прадеда, данная сельсоветом: «Зиновьев Василий Николаевич – типичный исторический кулак. Имел по несколько работников. Жили Гранкин Максим, Шеменков Макар, имеет кузнецу, в которой эксплуатировал Брусенцова Василия и Андрея. Эксплуатировал молотилку и др. машины. С 1921 г. занимался вместе с Котеневым Фил. скупкой и продажей скота». Характеристика прапрадеда Тихона Афанасьевича Глебова: «Хозяйство исторически кулацкое, эксплуатировали батраков и с/х машины. За последние 2 года резко сократили хозяйство, дабы избежать раскулачивания, живет вместе с семейством Прокопия, раскулаченного в 1929 г. Он же остался по фиктивному разделу».

Всего раскулачили в Брусенцево 28 хозяйств и конфисковали имущества на 9150 рублей. Имущество распределили в сельхозартели, сельсоветы и в потребительскую кооперацию для продажи². Кроме Тихона Глебова, раскулачили еще четырех его родственников: Ивана Павловича, Терентия Андреевича, Кузьму Андреевича, Григория Лукьяновича Глебовых³. Избирательных прав лишили, но не выслали Владимира Ивановича и Ивана Андреевича Глебовых⁴.

По матери мои предки – из беглых вятских крестьян и северных зырян, пришедших первыми на Алтай еще в начале XVIII века и основавших на Оби деревню Вяткино. Они не были крепостными или государственными крестьянами, а составляли особое сословие сельских обывателей, приписанных для работ к государевым заводам и рудникам. Они работали почти бесплатно на перевозке руды, на заготовке и возке угля, леса, дров, из них набирали рекрутов в мастеровые с 1720-х до 1860-х гг. В деревне сначала почти все были Вяткины и происходили от од-

¹ ГААК. Ф. 644. Оп. 3. Д. 1174. Л. 129–133.

² Там же. Л. 140, 155.

³ Там же. Д. 1598. Л. 1–6.

⁴ Там же. Д. 1584. Л. 6.

ной семьи Онисима Вяткина, но к концу XIX века Вяткиных в деревне осталось не более четверти из 3,5 тыс. жителей. К предкам моим принадлежат также старожилы Барсуковские и зыряне Лямкины из села Легостаево, Важенины из села Белово¹.

Мой дед Илларион Куприянович, родившийся то ли в 1889, то ли в 1891 г., побывал на фронтах Германской войны, пережил мобилизацию в Белую армию, пока не попал в красные партизаны. В нем не было ничего героического, но его Георгиевским крестом мы в детстве играли. Он пострадал, как говорила мама – Валентина Илларионовна, за длинный язык. В ноябре 1930 г. он сопровождал уполномоченного из города, который искал в Вяткино кулаков. За день похода никого не нашли и сели ужинать. Мама говорила, что уполномоченный по два пельменя на вилку надевал. Выпили, закусили, закурили. Уполномоченный достал портсигар и, щелкнув по нему, сказал: «золотой». Несдержанный на язык дед Илларион поперхнулся дымом и произнес: «Дак какого же мы х... по деревне шлялись, она вся твоего портсигара не стоит». На следующий день нашлись кулаки – дед Илларион Куприянович Вяткин с женой Марьей Петровной и пятью детьми: Федорой, 16 лет, Елизаветой, 13 лет, Валентиной (моей мамой) – 9 лет, Иваном – 7 лет, Петром – 1,5 года²; его брат Федот Куприянович с матерью Ариной, 80 лет, женой Анастасией, 32 лет, сыном Петром, 9 лет, дочерью Таисьей, 2 лет³; сестра Евдокия, 43 лет с мужем Иосифом Егоровичем Рогалевым, 43 лет, свекровью Елизаветой, 68 лет и шестью детьми: Дмитрий и Анастасия по 20 лет, Антон – 17 лет, Степан – 13 лет, Александр – 5 лет, Василий 3 года⁴.

У Иллариона и Федота была на паях паровая молотилка, конные сенокосилка и грабли. У Иосифа и Евдокии все богатство заключалось в сыновьях. Больше ничего в семейную кооперацию они дать не могли. Братья Вяткины сошли за эксплуататоров трудового народа, т. е. своих племянников и машиниста Кузьмы Коротких, а Рогалевы и Коротких были наказаны как подкулачники. Всех раскулачили в ноябре 1930 г. и отправили жить на зиму на хуторе Мостовушка. Их вина заключалась в том, что колхозу была нужна молотилка. Деда же Иллариона

¹ Зиновьев В. П. Не подводя итогов. Томск: Изд-во Томского университета, 2019 С. 36–46.

² ГААК. Ф. 644. Оп. 3. Д. 307. Л. 9.

³ Там же. Д. 1596. Л. 3.

⁴ Там же. Д. 1593. Л. 142.

арестовали и отправили как врага народа в Дмитровский лагерь строить Беломорско-Балтийский канал. Просьбы бабушки отпустить мужа оставили без ответа с издевательской резолюцией, что, мол, ей мужика захотелось¹.

Над дедом Илларионом довлела и его вела по жизни та власть земли, о которой писал Глеб Успенский, та власть земли, что преодолевает все, и делает мужика сильнее любого богатыря. Смысл своего существования дед видел в работе на земле. В работе он не имел равных, даже в колхозе предпочитал работать один, без помощников. В лагере он своей высшей мудростью от остальных зеков и отличался. Однажды зимой замерзли и заключенные каналаармейцы (з/к), и конвоиры, одни сели отдыхать, другие ушли в теплое место покурить, долбил мерзлую землю один Илларион Куприянович. На беду, по рассказам матери, ехал большой начальник с проверкой работ. Она называла Берию, но думаю, что это был начальник помельче, типа Бермана. Увидев одного работающего, начальник определил: деда освободить, конвойных наказать, оставшийся срок деда, распределить на остальных зэков. Так это или нет, но дед отработал из пяти лет срока 31 месяц и был освобожден за ударный труд с правом свободного проживания по СССР². Однако, когда он вернулся в место ссылки за семьей, в освобождении жены и детей ему было отказано. Он остался с ними и был поставлен на учет как спецпоселенец.

В ссылку всех моих родственников отправляли на баржах вниз по Оби, начиная с 15 мая 1931 г. Судя по рассказам матери, везли их в тесных трюмах. Они выжили только потому, что бабушка Мария Петровна запрещала пить сырую воду, так как главной бедой была антисанитария. По рассказам матери, лагерь, в котором их держали до сопровождения на место ссылки в пос. Садовой на реке Парабель, был на острове посреди Оби. Роль колючей проволоки играла холодная весенняя вода. Жили в палатках. До сих пор это место называют Сраный остров. Затем на баржах их увезли на Парабель.

Бабушке на спрятанные деньги удалось купить дом у стариков для себя и семьи Рогалевых, остальные семьи первую зиму жили в землянках (рис. 1). О голоде в первый год ссылки мама не говорила, хлеб был. Больница была рядом в селе Новиково,

¹ ГААК Ф Р-644. Оп. 4. Д. 6. Л. 36.

² Там же. Д. 307. Л. 11–13.

центре комендатуры. Начальная школа была в поселке, семилетка – в Новиково. Основная работа была в поле, на кирпичном заводе, на ловле рыбы, отправляли с Садового и на заготовки леса. Мать рассказывала, что один раз ее спасла от голодной смерти в Колпашево, где она училась на счетовода, когда у нее украли продовольственные карточки, сестра Елизавета, которая привезла с лесоповала несколько сэкономленных булок хлеба.

Ссылных в поселке организовали в неуставную кулпромартель «Объединение». Чтобы получить паек для взрослых, бабушка добавила моей матери три года, и она в документах числилась двенадцатилетней. Так делали многие, но потом малолетние пацаны попали под мобилизацию, пришлось признаваться в обмане или идти воевать.

Рис. 1. План поселка Садовой, составленный по памяти Виталием Петровичем Зиновьевым

Голодным был год после наводнения 1941 г., когда смыло дома, а картофель посадили в июле. Вяткиных спасло умение ловить рыбу. Федоре было 16 лет, и она неводила рыбу по Парабели в артели. Федот и вернувшийся из лагеря Илларион, завели невод сами и постоянно ловили рыбу. Дед Илларион один корчевал пни для смолокурного завода.

Зиновьевых спасли ремесло и грамотность. Василий Николаевич вместе с сыном Константином кузнечил, сначала в Парабелы в артели «Металлист», затем в поселке Лапин Бор на Кети. Дед Петр Васильевич с 1931 г. работал учителем, затем ликвидатором неграмотности, в 1933 г. арестовывался по обвинению в антисоветской деятельности, был освобожден и выдвинут в 1934 г. на работу заведующим ларьком в поселках Усть-Чузык и Тарск. В январе 1936 г. его восстановили в избирательных правах, 16 августа 1937 г. арестовали и осудили по сфабрикованному делу об эсеров-монархической повстанческой армии на 10 лет ИТЛ. Из 12 человек придуманного следователями взвода повстанческой армии были расстреляны 8 уже в октябре того же года, в том числе брат моей бабушки Петр Александрович Брусов. Дед признался в том, чего не было, тем и спас свою жизнь. Отработав 10 лет на золотых приисках Колымы и 7 лет на рыбзаводе в Магадане, он дождался снятия судимости.

После ареста деда бабушка с детьми вернулась в Садовую к отцу – Александру Нефедовичу, жили голодно, и в 1941 г. дядя Виталий и тетя Рая бежали через кордоны НКВД в Лапин Бор к деду Василию.

В армию призвали отца Павла Петровича, дядю Виталия Петровича, маминых братьев Ивана Илларионовича, Петра Федотовича Вяткиных, Степана, Антона Иосифовичей Рогалевых, брата бабушки Александра Михайловича Брусова, братьев деда Петра, Константина и Вениамина Васильевичей. Вернулся с войны инвалидом отец, раненый дядя Иван Илларионович. Виталий Петрович до войны доехал, но был возвращен с действующего фронта приказом Верховного Главнокомандующего, как и весь его призыв. Людей уже берегли.

Из Садового наша семья выехала в 1952 г. в поселок Талиновка на обской протоке близ Нарыма. Отец закончил заочный Новосибирский филиал Ленинградского финансово-экономического института и работал бухгалтером лесопункта, мать вырастила 6 детей. Все получили образование, я историк, Владимир и Виталий – конструкторы и ковали ракетный щит Родины, Георгий – механизатор, Петр был директором школы, сестра Галина – бухгалтером. Мои двоюродные братья и сестры живут по Оби от Колпашево до Бийска, их жизнь сложилась в основном благополучно. На земле мы работаем, приезжая на садовые участки.

28–30 июля 2019 г. мы с братом Виталием и сыном Павлом предприняли маленькую экспедицию в Парабельский район. Цель была простой – посмотреть на место, где мы с Виталием родились и попытаться найти Садовой. Доехали хорошей дорогой до с. Новиково. Паром через реку Парабель, в котором вода цвета крепкого чая, работал исправно. В Новиково сейчас 22 двора, около 80 жителей. Спецпереселенцев среди них нет. Местный старожил Николай Жижин приехал сюда добровольно в 1957 г. От центра комендатуры почти ничего не осталось, снесены школа, где учились наши родители, и больница, где родились мы с Виталием и братом Георгием, остались по периметру больницы высокие березы. Памятник погибших на войне ссыльнопоселенцев вызвал чувство обиды, на нем имена 69 погибших и 11 вернувшихся с войны. Такого я нигде не видел, чтобы вернулся с войны один из восьми.

Проехав километра четыре вниз по левому берегу Парабели, мы остановились на высоком яру в сосняке. Еще видно, что сравнительно недавно здесь были поля. Местность называется до сих пор Три дворика. Мать говорила, что на этом месте стояла усадьба Федота Куприяновича Вяткина, брата моего деда Иллариона.

Н. Жижин подъехал на лодке и проводил нас с Павлом в озеро Садовое, соединенное с Парабелью узким истоком, мать называла озеро Амбар. Теперь от поселка ссыльнопоселенцев Садовой осталось только название озера. Последний раз он был учтен статистикой в 1959 г., значит, исчез до 1969 года. Там, где стояли дома, растут довольно большие редкие сосны. На месте дома, который в 1930 году купила бабушка Марья, растут тальники. По густой траве добрались до кладбища, где похоронены вместе с десятками других «врагов и врагинь народа» и мой прапрадед Тихон Афанасьевич Глебов (дед Тиша) и сестра деда Елизавета Васильевна Зиновьева. Местность ничем не напоминает кладбище. Стоит памятник из железных прутьев, на котором написаны имена двух женщин, похороненных здесь в 1944 и 1945 гг., их фамилии есть в списке жителей поселка. Видимо, памятник поставлен на месте кладбища приблизительно. Переночевав в палатках, мы рано утром уехали, чтобы не попасть под дождь и не застрять на глинистой дороге Родины.

В итоге можно сказать, что пролетарское государство с корнем вырвало из алтайской земли и сослало в Нарым четыре мощных крестьянских куста моих предков по отцовской линии: Зиновьевых, Глебовых, Брусовых, Котеневых и по материнской линии Вяткиных, всего 103 человека, чем нанесло непоправимый ущерб и им, и народному хозяйству. Ведь эти крепкие, смекалистые, инициативные мужики, из тех, кто с одним топором мог выжить где угодно, освоили территорию Нарымского края, малопригодную для жизни, приобрели новые профессии, дающие возможность прокормить семьи. Они, пройдя ссылку, не вернулись в деревни, занялись индустриальным трудом, завоевали себе место в новом для себя мире. Результаты их подневольного труда вновь поглотила тайга. Если бы они остались на Алтае, пользы было бы больше.

А много ли счастья приобрели те, кто их высылал по наущению городских комиссаров? Думаю, что они ничего не получили, кроме колхозного ярма и труда из-под палки. Государство их наказало еще раз тогда, когда заставило местные Советы платить за дома раскулаченным и их детям, которые дожили до реабилитации спецпереселенцев в 1990-е годы. Государство Российское привычно переложило ответственность за свои ошибки и преступления на самих крестьян, не понимая того, что ранее бездонный колодезь крестьянского труда и терпения уже давно высох, власть земли движет теперь немногих.

УДК 947.084.6

Пономарева Н. С., Иркутск

**Политические репрессии 1930-х годов в СССР
как предмет современных генеалогических исследований**

Аннотация. Автор рассказывает о поиске биографических сведений членов семьи, пострадавших от политических репрессий. Путем обращения в органы ФСБ, государственные архивы, службы ЗАГС разных районов России, архив Министерства эко-

номического развития были получены копии документальных источников. Наряду с устными, они способствовали выявлению новых фактов истории семьи Михаила Федоровича и Екатерины Павловны Федоровых, подвергшихся репрессиям в 1930-х гг. Особо ценные сведения для составления родословной были получены из личного дела М. Ф. Федорова во время его службы дипломатическим агентом в Наркомвнешторге в 1931–1932 гг.

Ключевые слова: политические репрессии, реабилитация, дипломатическая работа, таможня, НКВД, ФСБ, Министерство экономического развития, генеалогия.

Ponomareva N. S., Irkutsk

Political repression of the 1930s in the USSR as a subject of modern genealogical research

Summary. The author describes the search for biographical information of family members affected by political repression. Copies of documentary sources were obtained through an appeal to FSB bodies, state archives, civil registry services of different regions of Russia, and the archive of the Ministry of Economic Development. Along with the oral ones, they contributed to the discovery of new facts of the history of the family of Mikhail Fedorovich and Catherine Pavlova Fedorov, who were subjected to repression in the 1930s. Especially valuable information for the compilation of the pedigree was obtained from the personal case of M. F. Fedorov during his service as a diplomatic agent in Narodvneshtorg in 1931–1932.

Key words: political repression, rehabilitation, diplomatic work, customs, NKVD, FSB, Ministry of Economic Development, genealogy.

Одним из направлений исследования родословной нашей семьи стали поиски сведений о репрессированных деде моего мужа Михаиле Федоровиче Федорове и его бабушке Екатерине Павловне. Они сулили большие затруднения в связи с тем, что брак родителей Виктора и его брата-близнеца Николая не был зарегистрирован, и детям при рождении дали фамилию и отчество по деду Петру Егоровичу (это было в мае 1950 г. в Якутске, где семья Пономаревых жила с 1941 г.). Их отец Владимир Ми-

хайлович Федоров, аэрофотосъемщик ЯАГП¹, уехал из города за несколько месяцев до этого события. Мама Ангелина Петровна рассказывала, что 23-летний Владимир «почему-то» отказывался регистрировать брак. Соответствующие органы внезапно обнаружили, что его отец расстрелян в 1938 г. по 58-й статье УК РСФСР, а мать, отбыв наказание по той же статье в Мордовлаге, находилась «на поселении». Легенда об умершем отце и бросившей его матери рассыпалась, как карточный домик. Федоров, будучи лучшим специалистом аэросъемки предприятия, срочно уволился с секретной работы, связанной с полетами и составлением географических карт.

Декретный отпуск Ангелины продолжался всего два месяца и, оставив младенцев на попечение родителей, она вышла на работу. Учитывая рождение детей, руководство ЯАГП перевело младшего техника топографической службы А. П. Пономареву фотограмметристом на камеральные работы. Мать-одиночку с двумя новорожденными детьми «пощадили» и рабочего места, тоже секретного, не лишили. Никакого официального отношения к сыну «врагов народа» они не имели, в графе отец стоял прочерк. Оставляя более крепкого Колю с родителями, слабенького Витю мать брала с собой в дальние командировки, где работал аэрофотосъемочный отряд. В 1954 г. Ангелина Петровна перевелась в Восточно-Сибирское АГП № 1, в Иркутск, куда переехали всей семьей.

В 1957 г., получив реабилитацию на себя и мужа, Екатерина Павловна разыскала мать своих внуков. К этому времени от дифтерии умер пятилетний Коля, а Витя остался жив. Мать и сын получили приглашение в Москву познакомиться с бабушкой. У Владимира Михайловича была другая жизнь, другая семья с двумя сыновьями, он жил в Томске, работал инженером, потом главным конструктором крупного предприятия. Виктор в свое время окончил Иркутский политехнический институт, работал в Иркутском филиале института авиационной технологии, часто гостил у бабушек.

Пономаревы и Федоровы бывали в подмосковной деревне и в столице, но Виктору пришлось свидеться с отцом лишь дважды

¹ ЯАГП – Якутское аэрогеодезическое предприятие ГУГК (Главное управление геодезии и картографии) при Совете Министров СССР, в 1954 г. – ЯАГП ГУГК МВД СССР.

– в 14 лет и позднее, будучи в очередной из командировок. Никакого разговора не получилось. В один из приездов Екатерина Павловна познакомила внука с важным семейным документом – именно с нее, спустя много лет, в 2005 г., я начала долгий и сложный поиск.

Это была справка от 26 марта 1957 г. из архива Амурского обкома КПСС, согласно которой М. Ф. Федоров, член КПСС¹ с 1918 г., работал в следующих учреждениях и организациях: с 1918 по 1921 г. – Красная Армия, политрук, Южный и Западный фронт; с 1921 по 1922 г. – Москва, комиссар МЧК²; с 1922 по 1930 г. – Москва, Московская таможня, эксперт-товаровед; с 1930 по ноябрь 1931 г. – Москва, разные организации, ответственный исполнитель по кадрам и помощник начальника кадров; с ноября 1931 по 1932 г. – Латвия, г. Рига, торгпредство, дипломатический агент; с 1932 по октябрь 1934 г. – Москва, разные организации, начальник кадров; с октября 1934 по август 1937 г. – село Ромны Куйбышевского района Амурской области, директор Ромненской МТС³. Справка составлена неполно, не указан даже год рождения – это затруднило поиск данных на репрессированных, которые размещены в Интернете Всероссийским обществом «Мемориал». Более полутора десятка человек являются полными тезками Михаилу Федоровичу Федорову в возрасте от 60 до 40 лет. Правда, среди них не оказалось ни одного, арестованного в Амурской области.

Как запомнились слова Екатерины Павловны, Михаил Федорович будто бы был отозван в Москву, но сотрудники НКВД сняли его с поезда на границе Амурского края и Читинской области, когда они ехали втроем с сыном Владимиром. По приезду в столицу⁴ она была вызвана в паспортный стол – и пропала на 18 лет. Была осуждена как жена «врага народа», отбывала пятилетний срок в лагере на станции Потьма Мордовской АССР, затем до 1956 г. на поселении без права проживания в Москве и в радиусе ста километров от нее. Сын Володя, 12 лет, остался в Москве у Полины, сестры Екатерины Павловны, и рос с двоюродным братом Женей. Ему говорили, что его отец умер,

¹ Так в документе.

² МЧК – Московская Чрезвычайная комиссия.

³ МТС – Машинно-тракторная станция.

⁴ Как выяснилось позднее, Екатерина Павловна была арестована в августе 1938 г.

а мать куда-то уехала. Жили в центре, на улице Горького в доме № 9, Полина Павловна работала старшей горничной в номерах люкс гостиницы «Москва» – здесь останавливались знаменитые люди и члены правительств иностранных государств.

Нам хотелось узнать подробности дипломатической работы Михаила Федоровича в Латвии и о том, почему впоследствии он оказался в забытой Богом дальневосточной деревне, за что был осужден и расстрелян?

Внимательно прочитав справку Амурского партархива, выданную Е. П. Федоровой для ходатайства о назначении персональной пенсии за мужа, я обратила внимание на строчку о том, что справка составлена на основании личного листка по учету кадров и его учетной карточки члена ВКП(б). В Госархив Амурской области в г. Благовещенске, куда были переданы документы партархива, я направила письмо с просьбой составить более полную справку или прислать ксерокопии документов, касающихся М. Ф. Федорова.

Через месяц, 19 декабря 2005 г. пришел конверт с заверенными ксерокопиями персонального дела, содержащего документы начавшейся репрессии и посмертной партийной реабилитации¹. Итак, М. Ф. Федоров, 1897 года рождения, работавший директором Ромненской МТС, в 1936 г. имел выговор, вынесенный Куйбышевским РК ВКП(б), за очковительство в даче сведений о работе МТС. 3 августа 1937 г. он за притупление политической бдительности, защиту и покровительство врагов народа, длительное время орудовавших в МТС, и др., и др. снят с работы директора. 6 августа 1937 г. по предложению бюро райкома первичной парторганизацией МТС Федоров исключен из членов ВКП(б). Уже 13 августа 1937 г. бюро Куйбышевского РК утвердило это решение, и в отпечатанной выписке «некто» каллиграфическим почерком приписал «Передать материал судебно-следственным органам»².

23 сентября 1937 г. в присутствии М. Ф. Федорова состоялось заседание бюро Амурского обкома ВКП(б), оно рассмотрело решение райкома об исключении его из партии и его апелляцию. Кроме покровительства вредительской группы, в течение трех лет разрушавшей машинно-тракторный парк, Федорову вмени-

¹ ГААО, ф. П-1, оп. 19, д. 570а, лл. 1, 1 об., 22, 45, 46, 48.

² Там же, л. 22.

ли разрешенный им разбросный сев пшеницы и овса, который был запрещен директивами партии и правительства. Механики МТС в конце концов совершили диверсионный акт, поломав токарный станок, а директор ограничился только объявлением им выговора и проведением ремонта за их счет. Постановили: Федорова из ВКП(б) исключить¹. Документов об аресте, допросах, обвинении и расстреле нет – этим занималось другое ведомство, другая карательная машина.

Но отголоски этих деяний нашлись в документах по последующей партийной реабилитации. Получив свою реабилитацию 22 марта 1956 г., Екатерина Павловна стала хлопотать о пенсии за сгинувшего мужа. Подробностей она не знала. Зимой она получила справку Военной Коллегии Верховного суда СССР от 15 декабря 1956 г., в которой было сказано, что М. Ф. Федоров реабилитирован посмертно. Спустя три дня она отправила заявление в Амурский ОК КПСС о реабилитации мужа в рядах КПСС в связи с его полной судебной реабилитацией посмертно по вновь открывшимся обстоятельствам и прекращением дела за отсутствием состава преступления. Ссылаясь на справку, она сообщала, что он был арестован 10–11 октября 1937 г. и осужден Военной Коллегией 11 мая 1938 г.² В ответ на ее обращение Бюро Амурского ОК КПСС 12 февраля 1957 г. постановило отменить свое же решение от 23 сентября 1937 г. об исключении Федорова из партии.

Следующим моим шагом было обращение в органы ФСБ. В Иркутском управлении (ул. Литвинова, 13) мне сказали, что надо писать в областной центр, где человек был арестован, и продиктовали текст стандартного запроса (адрес управления ФСБ можно не писать, достаточно указать только город).

«Заявление. Прошу выслать мне справку о реабилитации в отношении деда моего мужа Пономарева В. П.³ и сообщить о дальнейшей судьбе Федорова Михаила Федоровича, год рождения 1897, родился в г. Москве (?). Арестован в октябре (?) 1937 г. в поезде, следовавшем в Москву, на границе Амурской и Читинской областей. В случае если дело находится на хранении у

¹ ГААО, ф. П-1, оп. 19, д. 570а, лл. 1, 1 об.

² Там же, лл. 45, 46.

³ На запрос, полученный даже не от кровного родственника, в течение одного месяца Управлением ФСБ был направлен исчерпывающий ответ.

вас, прошу сообщить. Приложение: имеющиеся данные о семье Федорова М. Ф.» (Важно сообщить все, что известно, это поможет архивистам правильно организовать поиск документов. Если в областном Управлении «дело» не обнаружится, то запрос будет перенаправлен в Москву, в Центральный архив реабилитации).

Я направила запросы в г. Благовещенск и г. Читу о Михаиле Федоровиче и в Москву, где была арестована Екатерина Павловна Федорова (урожденная Черняева).

4 апреля 2006 г. из Управления ФСБ по Москве и Московской области пришел такой ответ: «Ваше заявление о выдаче справки о реабилитации бабушки Вашего мужа внимательно рассмотрено и направлено по принадлежности в прокуратуру г. Москвы (113184, Москва, ул. Новокузнецкая, 27). Архивное уголовное дело № П-22612 в отношении Федоровой Е. П. хранится в Госархиве Российской Федерации (119992, Москва, ул. Б. Пироговская, 17)». Так были получены важные сведения для продолжения поиска о судьбе бабы Кати.

23 марта 2006 г. региональное управление ФСБ по Читинской области ответило, что сведений по репрессии М. Ф. Федорова в их архиве нет, но сообщило, что разыскиваемое архивное уголовное дело № П-71642 находится в УФСБ по Амурской области.

Неделей раньше я получила письмо из Амурского УФСБ с выписками из этого дела с очень важными данными. Сообщалось, что М. Ф. Федоров, «образование низшее, окончил шестимесячные курсы директоров МТС», до 20 сентября 1937 г. работал директором Ромненской МТС, а после 20 сентября – «без определенных занятий», 23 сентября исключен из ВКП(б). 11 октября 1937 г. арестован по подозрению в совершении преступления, предусмотренного статьями 58-7 и 58-11 УК РСФСР. Содержался в тюрьме Амурского областного УНКВД. Состав семьи на момент ареста: жена Екатерина Павловна – 34 года, дети: Гений Михайлович, 1924 года рождения и Владимир Михайлович, 1926 года рождения. Владимир проживает вместе с матерью в г. Москва по ул. Волочаевской д. 36 кв. 2, а Гений – с бывшей тещей Вороновой Евдокией Трофимовной в том же доме в квартире 53.

То, что Михаил Федорович имел сына от первого брака и незначительная разница в возрасте детей, было для нас большой новостью. Почему-то бывшая теща со старшим сыном жили в одном доме с Федоровыми, неизвестна судьба первой жены Михаила Федоровича – об этом мы теперь никогда не узнаем. Еще можно предположить, что Екатерина Павловна с Володей выехали в Москву до 11 октября 1937 г., а может, и раньше, когда Михаил Федорович уже предугадывал свою участь и постарался обезопасить семью.

Больше полугода длилось следствие о вредительстве в Ромненской МТС. 3 мая 1938 г. М. Ф. Федорову предъявлено дополнительное обвинение по статьям 58-1а и 58-2 УК РСФСР, и 11 мая приговором выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР он осужден по букету статей 58-1а, 58-2, 58-7, 58-8 и 58-11¹. Приговор приведен в исполнение в г. Благовещенске в тот же день 11 мая, как выяснилось позднее – через 25 минут после его вынесения...

Далее в справке Амурского УФСБ приведены сведения об отмене 15 декабря 1956 г. этого приговора и реабилитации

¹ Ст. 58-1а. Измена родине, т. е. действия, совершенные гражданами направленные против представителей Советской власти или деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций, а равно участие в выполнении таких актов, хотя бы отдельный участник такого акта и не принадлежал к контр-революционной организации, меры социальной защиты, предусмотренные 1 частью статьи 58.2 /расстрел и конфискация всего имущества/.

Ст. 58-2. Организация в контр-революционных целях вооруженных восстаний или вторжения на советскую территорию вооруженных отрядов и банд, а равно участие во всякой попытке в тех же целях захватить власть в центре и на местах или насильственно отторгнуть от РСФСР какую-либо часть территории или расторгнуть заключенные ею договоры /расстрел и конфискация всего имущества/.

Ст. 58-7. Противодействие нормальной деятельности государственных учреждений и предприятий или соответствующее использование их для разрушения и подрыва государственной промышленности, торговли и транспорта, в целях совершения действий, предусмотренных статьей 58.1 (экономическая контрреволюция). Меры социальной защиты, предусмотренные статьей 58.2 /расстрел и конфискация всего имущества/.

Ст. 58-11. Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных или особо секретных должностях при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны. Меры социальной защиты, предусмотренные 1 частью статьи 58.2 /расстрел и конфискация всего имущества/.

М. Ф. Федорова, также о том, что 26 декабря Екатерине Павловне была выдана справка о его реабилитации и что почтовым переводом от 13 мая 1958 г. ей возвращена стоимость конфискованного имущества. 25 августа 1955 г. было издано «совершенно секретное» указание № 108сс, подписанное Председателем КГБ при Совете Министров СССР генералом армии И. Серовым. Оно определяло порядок ответа гражданам, интересовавшимся судьбой родственников, приговоренных в высшей мере наказания. Членам семей следовало сообщать устно, что осужденные были приговорены к 10 годам лишения свободы без права переписки, а затем умерли в исправительно-трудовом лагере (ИТЛ) от «пневмонии», «сердечной недостаточности», «пеллагры» и т. д., но никогда – о том, что человек был расстрелян чаще всего в день приговора. Видимо, такое объяснение было дано и Екатерине Павловне. Этот порядок существовал 8 лет и лишь частично был изменен в 1963 г.

По вопросу получения повторной справки мне рекомендовали обратиться в Военную Коллегию Верховного Суда (121260, Москва, ул. Поварская, 15). Эта обновленная справка на официальном бланке Военной Коллегии пришла в конверте, заштемпелеванном печатями этой серьезной организации, 16 июня 2006 г. Новостью в ней являлось только то, что спустя 50 лет после реабилитации М. Ф. Федорова было открыто признано: «...необоснованно осужден к расстрелу с конфискацией имущества... по данному делу как жертва политических репрессий реабилитирован посмертно».

Я решила не останавливаться на достигнутом, мучил вопрос – сыграла ли свою фатальную роль служба комиссаром МЧК и работа дипломатическим агентом, есть ли сведения об этом в материалах следствия? Для этого, как мне сказали на Литвинова, 13, надо обратиться в Амурское ФСБ с просьбой выслать дело Федорова на ознакомление в Иркутск – это заявление написал муж как внук репрессированного. Дело можно будет прочитать и сделать выписки в помещении Иркутского УФСБ в присутствии сотрудника, но необходимо предоставить подтверждение родства или доверенность родственника, поручившего нам эту миссию. Ни того, ни другого у нас не было.

Как разыскать Владимира Михайловича, жив ли он? Зная, что службы ЗАГС¹ присылают справки о смерти граждан, я направила стандартное заявление по форме № 23 в Управление ЗАГС г. Томска. Мне ответили, что при проверке архива с 1990 по 2006 г. запись акта о смерти В. М. Федорова отсутствует. Это означало, что Владимир Михайлович жив или последнее время в Томске уже не проживал. Следующее обращение было в Томское областное адресное бюро с просьбой сообщить адрес, причину и время выбытия В. М. Федорова. Здесь ждала настоящая удача – мне сообщили адрес Владимира Михайловича!

Я написала письмо Владимиру Михайловичу, просила рассказать о том, что ему известно о жизни Михаила Федоровича и Екатерины Павловны, а также о своей жизни и работе, просила разрешения на ознакомление с делом М. Ф. Федорова, присланным из Амурского УФСБ. Ответ Владимира Михайловича разбил все наши надежды: он отказался от дальнейшей переписки, отказал и в доверенности, написав: «Что касается архива моего отца, святого для меня человека, я считаю, что этого делать нельзя». Что и говорить, своим письмом мы всколыхнули в памяти старика немало горьких воспоминаний.

Однако дело № П-22612 уже находилось в Иркутском УФСБ, и мы получили приглашение на ознакомление с ним. Что делать? Я написала объяснительную, почему у нас нет подтверждения родства. И вот в фойе на Литвинова, 13 выходит сотрудник архива, у нее в руках увесистый зеленый том расстрельного дела и она спрашивает, какие у меня есть документы. Я даю ей свой паспорт, объясняю, что являюсь женой его внука. «А, ну вы – вроде внучка?» В этот, день в приемной комнате я переписывала документы почти три часа подряд.

Тем, кто читал дела репрессированных по статье 58, особенно родным, знакомы чувства, охватившие меня тогда, 7 августа 2006 г. Наиболее сильной казалась иллюзия присутствия во время обыска, допросов, судебного заседания, вынесения приговора. Ощутимой – потребность восстановить ход этих событий, видеть участников процесса – обвинителей, свидетелей и незаслуженно обвиняемого, его состояние. Мало расскажут об этом документы. Я обратила внимание на подпись Михаила Федоро-

¹ Данный генеалогический поиск проведен в 2005 г. Возможно, порядок выдачи подобных справок изменился.

вича внизу каждого листа анкеты арестованного, целиком заполненной сотрудником НКВД: аккуратная, разборчивая, с выдержанным наклоном и каллиграфическим нажимом, подпись весьма грамотного человека, не изменившего свои привычки, сохранившего самообладание в смертельно опасной ситуации.

Обыск и арест М. Ф. Федорова был произведен 11 октября 1937 г. в гостинице райкома РОКа¹ в г. Куйбышево (а до этого он проживал в селе Ромны). При обыске изъяты паспорт, временный учетно-военный документ, удостоверение личности, разная переписка и багажная квитанция. По всему видно, что Михаил Федорович хорошо знал, что его ждет в ближайшее время, и приготовился, избавился от вещей, отправил кое-что видимо в Москву. В анкете арестованного от 16 октября указана профессия и специальность: коробочник и работник земельного, социальное происхождение: из рабочих, социальное положение: до и после революции – рабочий, в настоящее время – служащий. И нигде по всему делу не указано, что он служил в РККА, в МЧК, работал за границей и на руководящих постах в московских организациях. Часть листов не разрешена к просмотру – в них содержится информация о тех, кто доносил и лжесвидетельствовал, их права защищены законодательством Российской Федерации.

Я спросила у архивиста ФСБ, какова была бы судьба арестованного, если бы следствию стало известно о его прежней работе в Риге и Москве? Мне ответили, что тогда бы я сейчас не читала этого дела – вместе с арестованным его бы отправили в столицу, на Лубянку, и потянулся бы кровавый след, захвативший не один десяток человек. Михаил Федорович не указал прежние места службы. Таким образом, он остался в благовещенской тюрьме, где до мая месяца 1938 г. местные следователи в чине сержантов Госбезопасности «раскручивали» дело об «активной и широко разветвленной контр-революционной право-троцкистской организации, действовавшей по прямым указаниям японских разведывательных органов».

Обвинительное заключение было составлено 10 мая, в примечании отмечено, что вещественных доказательств и ценностей по делу нет. 11 мая в 19.00 состоялось закрытое судебное заседание выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда Союза

¹ Так в документе, аббревиатура непонятна.

СССР. В 19.20 оглашен приговор М. Ф. Федорову, который «проводил вредительскую работу, направленную на развал Ромненской МТС; кроме того, создал ряд антисоветских повстанческих групп для вооруженной борьбы с Советской властью». В суде Федоров виновным себя признал. Выездная сессия признала М. Ф. Федорова виновным по статьям 58-1а, 58-7, 58-8, 58-11 и приговорила «к высшей мере уголовного наказания – расстрелу с конфискацией всего личного ему принадлежащего имущества. Приговор окончательный и на основании постановления УПК СССР от 1934 г. подлежит немедленному исполнению». На листе 110 дела № П-22612 – справка об исполнении приговора, в 19 часов 45 минут...

С листа № 187 идут документы реабилитации Михаила Федоровича с 23 июня 1956 г. – дело находится на особом контроле, им занимаются полковники и подполковники юстиции Военной Коллегии Верховного Суда СССР. Проведенным дополнительным расследованием установлено, что Федоров осужден необоснованно. Свидетели, допрошенные в 1956 г., показали, что случаи недоброкачественного и несвоевременного ремонта тракторов происходили из-за отсутствия квалифицированных рабочих и нехватки запчастей, а разбросный сев, произвести который с якобы вредительской целью приказал Федоров, практикуется в хозяйствах Приморья и в настоящее время. Не подтвердилось и его участие в антисоветской организации. Определение Военной Коллегии № 4н-015459/56 гласило об отмене приговора от 11 мая 1938 г. и прекращении дела.

Однако в него были подшиты новые документы 1992–1993 годов. 20 октября 1992 г. Екатерина Павловна в возрасте 89 лет обратилась в Московское управление КГБ СССР с таким заявлением: «В 1937 году мой муж М. Ф. Федоров был арестован органами НКВД и осужден. По каким причинам его осудили и что с ним было, я не знаю. После его осуждения меня, как члена семьи, тоже осудили. Прошу сообщить мне, за что мой муж был арестован и что с ним произошло потом, если умер, то выдайте необходимые документы и укажите его место захоронения». Заявление написано не рукой Екатерины Павловны.

На это обращение, пересланное из Москвы, ответил начальник Управления Министерства безопасности по Амурской области. Повторив данные обвинения и реабилитации, он прямо

сообщил, что приговор приведен в исполнение 11 мая 1938 г. и о месте захоронения сведений нет. В конце приведены стандартные слова «искреннего соболезнования в связи с трагической судьбой Вашего мужа». По указанию Управления МБ отдел ЗАГС села Ромны *впервые* зарегистрировал смерть М. Ф. Федорова 11 мая 1938 г., причина смерти – расстрел. Уведомлением ЗАГСА от 17 апреля 1993 г. о выдаче свидетельства о смерти на листе № 224 закончено дело № 14557 по обвинению М. Ф. Федорова, начатое 11 октября 1937 г. Позднее по моей просьбе Амурское УФСБ прислало нам заверенные ксерокопии анкеты арестованного и приговора. Сюда же подошьют наши заявления и расписки об ознакомлении с ним.

Итак, мы узнали, за что и когда был осужден Михаил Федорович, когда оборвалась его жизнь, конец которой был так схож с судьбами тысяч и тысяч людей, сгинувших в черное лихолетье 1930-х. Однако остались невыясненными факты его биографии до злополучного назначения в Амурскую область.

Но вернемся в жаркий августовский день 1938 г., когда Екатерина Павловна отправилась по повестке в паспортный стол. Она еще не знала, что мужа нет в живых уже три месяца, наверное, надеялась услышать какие-то новости о нем. Ее дальнейшая судьба скупо отражена в справках прокуратуры г. Москвы и Московского окружного военного суда, полученных нами в апреле 2006 г. Постановлением особого совещания при НКВД СССР от 19 сентября 1938 г. Е. П. Федорова осуждена на основании статьи 58-12¹ УК РСФСР и лишена свободы сроком на пять лет. Дело пересмотрено военным трибуналом Московского военного округа 22 марта 1956 г., по данному делу реабилитирована.

В мае 2006 г. мы запросили архивную справку в Государственном архиве Российской Федерации, где находится архивное уголовное дело № П-22612 в отношении Е. П. Федоровой. В августе был получен ответ, в котором сообщалось, что она родилась в 1903 г. в деревне Сидорово Серпуховского уезда Московской области². Арестована органами УНКВД СССР по Москов-

¹ Ст. 58-12. Укрывательство и пособничество всякого рода преступлениям, предусмотренным в статьях 58.2 – 58.11, не связанные с непосредственным совершением означенных преступлений или при неосведомленности об их конечных целях – лишение свободы на срок не ниже одного года.

² Так в документе.

ской области 3 августа 1938 г. Согласно обвинительному заключению, Федорова Е. П. обвинялась в том, что «...будучи женой осужденного врага народа Федорова М. Ф., знала о его контр-революционной деятельности, но не сообщила соответствующим органам советской власти, чем способствовала совершению преступления, являясь его соучастницей... Решением Особого совещания при НКВД СССР от 19 сентября 1938 г. Федорова Е. П., как член семьи изменника родины, была приговорена к заключению в ИТЛ сроком на 5 лет, считая срок с 3 августа 1938 г. На момент ареста проживала по адресу ул. Волочаевская, дом 36, кв. 2. Состав семьи: муж Федоров Михаил Федорович, сын Владимир, 12 лет»¹.

Судя по справке, следствие длилось полтора месяца, полтора месяца до вынесения приговора Екатерина Павловна находилась в Бутырской тюрьме. Мне она лишь однажды сказала, что позднее была в заключении с обеими женами Тухачевского и женами других военачальников, они занимались тонким шитьем и рукоделием, и условия были «довольно сносными».

Желая узнать хоть какие-то подробности, я послала заявление начальнику УФСБ по Республике Мордовия с просьбой сообщить данные о пребывании в 1938–1956 гг. в ИТЛ и на административном выселении (по устным источникам, на станции Потьма) Е. П. Федоровой, архивное уголовное дело которой хранится в ГАРФ. Через месяц пришел исчерпывающий ответ: «Проведенной проверкой установлено, что по учетным данным (картотеке) в Дубравном УИН Ваша бабушка отбывала срок наказания в ИТЛ Дубравлага с 3 августа 1938 года² по 3 августа 1943 года, как член семьи изменника Родины, выбыла в г. Михайлов Рязанской области».

Интернет дал сведения о том, что Дубравный ИТЛ организован в помещениях Темниковского ИТЛ и Темниковской детской колонии 28 февраля 1948 г.³ – видимо, тогда же передана картотека эков. О Темлаге говорится, что он организован 6 июня 1931 г., дислоцировался в Мордовской АССР, Zubovo-Polyanskiy район, пос. Явас (в 15 километрах от Потьмы. – *Примеч. Н. П.*),

¹ ГАРФ, ф. 10035, оп. 1, д. П-22612, лл. 4, 6, 6 об., 12, 14, 18, 18 об.

² Так в документе, хотя Е. П. в это время была еще в Москве и предстоял долгий путь до лагеря.

³ File://D:/html/histori/nkvd/gulag/r3/r3-417.html (23.10.2006).

производство: производство товаров ширпотреба, в том числе швейное (в 1942–1943 гг. также пошив обмундирования для Красной Армии), трикотажное, деревообрабатывающее (шахматы, пашки, мебель, футляры к радиоприемникам), обувное, пеньково-джутовое, с/х и т. д. Численность: ... на 1 октября 1938 г. – 20 774 человек, из них 6 996 осужденных за контр-революционные преступления (*остальные 2/3, надо полагать – уголовники.* – Н. П.), ... на 1 апреля 1942 г. – 14 896 человек, из них 4867 женщин, а политических – 6879. Среди них и Екатерина Павловна. Начальники с 1938 по 1943 г. – Долин М. Л., капитаны ГБ Каневский Е. Э, Большеменников Б. П., Житомирский И. С., Карпов И. Я. Кое-кто из них арестован (Каневский и Большеменников), а Карпов назначен в 1943 г. зам. наркома внутренних дел Белорусской ССР, видимо, очень отличился на своей должности.

В августе 1943 г. Екатерина Павловна, 40 лет от роду, выехала на поселение в г. Михайлов Рязанской области. В Михайлов так в Михайлов. Когда я взглянула на карту, оказалось что этот город стоит на прямой железнодорожной ветке – 120 км от Москвы и меньше 50 км от родной деревни Сидорово, где жила ее мать Аграфена Акимовна Черняева. И если Екатерине Павловне нельзя было выезжать, то вполне вероятно, что сестра Полина могла ее посещать тайком или даже открыто. Написала я и в Рязанское УФСБ в надежде получить сведения о ее работе в Михайлове, но на этот раз ответ пришел отрицательный – таких данных не имеется.

В 1957 г. Екатерина Павловна получила персональную пенсию за мужа. За изъятую при аресте квартиру на Волочаевской улице ей была выделена комната в большой двухкомнатной квартире в многоэтажном доме на Ленинском проспекте. В этой комнате Екатерина Павловна не жила, лишь останавливалась, когда приезжала из Сидорово получать пенсию.

И все-таки хотелось что-то узнать о Владимире Михайловиче, несмотря на его отказ от общения, ведь это кровный дед моих сыновей! Как он оказался в Якутске из Москвы со специальностью аэрофотосъемщик? Где же готовили таких редких специалистов? Я выяснила, что в Москве был один из двух в СССР топографических техникумов, сейчас это Московский колледж геодезии и картографии. Найдя его адрес в Интернете,

я написала директору письмо с просьбой прислать ксерокопии автобиографии В. М. Федорова из личного дела, если таковое имеется. Через две недели пришел полный ответ и несколько заверенных ксерокопий с очень важными сведениями.

Федоров В. М. 15 июня 1945 г. поступил на аэрофотосъемочное отделение в Московскую аэрофотосъемочную школу ГУГК при СНК СССР, которая с 9 сентября 1947 г. была переименована в Московское аэрофотосъемочное училище ГУГК при Совете министров СССР. Прилагалось его заявление о зачислении от 24 ноября 1944 г., справка от Горьковского домоуправления Советского района г. Москвы о том, что в ноябре 1944 г. он проживает по ул. Горького, дом 9 кв. 3, справка врачебно-лётной экспертной комиссии ГВФ от 26 мая 1945 г. о том, что он годен для поступления в аэрофотосъемочную школу.

Большой интерес представляет автобиография Владимира Михайловича – в ней есть неточности и умолчания. Возможно, защищая его от клейма «сына врагов народа», тетка и бабушка сообщали ему о его родителях именно такие сведения (далее курсивом выделены эти неточности).

Итак, в автобиографии 11 декабря 1944 г. Владимир писал: «Родился в 1926 году в Москве, где *безвыездно живу* по настоящее время. В 1941 году окончил 9-й класс 255 средней школы, поступил на военный завод и работаю сейчас фрезеровщиком. Национальность русский. Беспартийный. Считаюсь допризывником.

Мать из крестьянской семьи, до Октябрьской революции жила в деревне и занималась сельским хозяйством. После революции работала в Москве в библиотеке им. Радищева. В настоящее время живет в *г. Александрове*, работает в артели «Швея». Отец также из крестьян. До революции занимался крестьянством. С 1917 года жил и работал на предприятиях Москвы. С 1918 по 1921 год служил в Красной Армии. После также *работал в Москве. Умер в 1936 году*. Живу с теткой по ул. Горького, дом 9, кв. 3».

Далее в справке колледжа сообщалось о том, что В. М. Федоров окончил училище в 1948 г. и был направлен на лётно-съемочную практику с 10 апреля по 10 мая в Средне-Азиатское АГП ГУГК в г. Ташкент. После окончания практики получил

назначение в одно из АГП. В какое именно – не конкретизировано, возможно, это был Якутск.

Позволю себе возвратиться в ноябрь 2005 г., в начало поиска сведений о семье Федоровых. Тогда я обратилась в отдел ЗАГС Ступинского района Московской области, к которому относится село Сидорово. В заявлении я просила выдать справки о смерти Екатерины Павловны Федоровой, Полины Павловны Ефимовой и их матери Аграфены (отчество неизвестно) Черняевой. По семейным рассказам она была из дворовых людей князей Лопухиных. В январе 2006 г. мне прислали справку о смерти Аграфены Акимовны Черняевой, наступившей 18 июня 1972 г., и справку о смерти Екатерины Павловны Федоровой, наступившей 28 февраля 1994 г. Смерть П. П. Ефимовой в с. Сидорово не зарегистрирована.

В записи о смерти А. А. Черняевой зафиксировано: национальность русская, время и место рождения: 1878 г., село Вельяминово Домодедовского района Московской области¹, исполнилось 94 года, постоянно проживала в с. Сидорово, пенсионерка колхоза им. Кирова. Заявитель смерти – Федорова Екатерина Павловна, ее место жительства Москва, ул. Ленинский проспект, дом 71, кв. 46.

В записи акта смерти Екатерины Павловны тоже было много интересного. Время и место рождения: 1903 г., село Сидорово, исполнилось 90 лет, семейное положение – вдова, пенсионерка пос. Михнево (это рядом с Сидорово) – ППО² «Орел», швея; постоянно проживала в с. Сидорово с 1993 г. (видимо, в этом году окончательно выехала из квартиры на Ленинском проспекте; причина неизвестна), заявитель Ефимова Пелагея Павловна, проживает в с. Сидорово. Пелагея – настоящее имя бабы Полины.

Теперь я понимаю, что об истории семьи Федоровых смог бы рассказать сын бабы Полины – Евгений Васильевич Бусанкин. Он был моложе Владимира Михайловича года на три, всю свою жизнь посвятил заботе о престарелых матери и тетке, живших в деревне, приезжал на выходные, проводил в Сидорово все отпуска, делал в доме и по хозяйству всю мужскую работу. Женат не был. В Москве жил в одинокой холостяцкой квартире на последнем этаже девятиэтажки – там останавливались, приезжая

¹ По современному административному делению.

² ППО – Производственное швейное объединение.

в командировки, Владимир Михайлович и Виктор, да и я бывала раза два. Я первоначально предполагала, что после смерти бабы Кати в 1994 г. в ее комнате на Ленинском проспекте могли быть прописаны сын или кто-то из внуков.

На запрос о сыне Пелагеи Павловны Ефимовой – Евгении Васильевиче Бусанкине в Московское областное адресное бюро пришло извещение о выбытии Е. В. Бусанкина по причине смерти 11 ноября 2002 г. Позднее отдел ЗАГС г. Москвы сообщил о смерти Ефимовой П. П. 10 февраля 2003 г., дата рождения 8 октября 1908 г.

На этом, пожалуй, можно ставить точку в генеалогическом исследовании. Но все же привлекал поиск сведений о Михаиле Федоровиче Федорове. Бабушки рассказывали, что он был подкидыш, воспитывался у какого-то купца, фамилия и отчество, скорее всего, вымышленные. Я все чаще и чаще перечитывала справку из Амурского партархива, выискивая, за что можно было бы зацепиться, чтобы продолжить поиск.

Время Гражданской войны, служба в МЧК, работа в разных организациях Москвы – все это очень неопределенно. Вполне реальной была работа с 1922 г. в Московской таможне и с 1931 по 1932 г. в советском торгпредстве в Риге. Вышестоящая организация – Наркомвнешторг. В 2006 г. вопросами внешней торговли ведало Министерство экономического развития и торговли Российской Федерации, руководитель Герман Греф. В «перестроечное» и «пост-перестроечное» время министерства «сливались» и «разливались», следуя логике высшего руководства. Но какова же судьба архивов, они-то куда передавались, кем принимались?

Найдя в Интернете структуру Минэкономразвития, я выяснила, что внешнеторговой деятельностью ведает департамент внешнеэкономических отношений, там же нашла и почтовый адрес. От имени мужа я написала просьбу руководителю департамента прислать копии анкет М. Ф. Федорова и фотографии из личного дела, если таковое имеется. Кратко сообщила о том, что после загранкомандировки он работал в московских организациях внешней торговли, а затем направлен в сельское хозяйство Приморья, был арестован в 1937 г., но на допросах не сообщал о своей работе в Наркомвнешторге и таким образом не стал пре-

дателем своих коллег. Был приговорен к расстрелу, посмертно реабилитирован в 1956 г.

Через месяц пришло письмо, в котором заместитель начальника отдела архивов Департамента управления делами Минэкономразвития извещал о том, что личное дело М. Ф. Федорова за 1931–1933 годы хранится в отделе, для получения копий материалов и фотографий необходимо выслать заверенные копии документов, подтверждающих родство. Таких документов у нас, конечно, не было. Поэтому наудачу я кратко изложила историю семьи, расколотой политрепрессиями, перечислила даты, фонды, дела, приложила ксерокопии справок из ФСБ и госархивов.

Наконец, 6 января 2007 г. был получен ответ. В большом конверте ксерокопии – автобиография, два личных листка по

учету кадров Наркомвнешторга и две маленьких фотографии. Их мы рассмотрели в первую очередь. Можно предположить, что одна фотография запечатлела Михаила Федоровича до 1931 г., до начала работы в Наркомвнешторге. На этом снимке он в пальто или шинели, шея заматана светлым шарфом.

М. Ф. Федоров, 1920 г.

Мы видим человека с крупными правильными чертами лица, с выразительными глазами. Невольно задумаешься, кто были его родители, кто была его мать, какова ее безысходная судьба, принудившая оставить дитя на пороге чужого дома?

Неизвестно. Вторая фотография фиксирует несколько изменившийся облик – лицо значительно по-

худевшее, между бровями залегли сосредоточенные складки, аккуратная стрижка, прекрасный английский костюм, белая сорочка и строгий галстук. Внизу фотокарточки – собственноручная роспись на немецком языке «*Fedoroff*» и по-русски «*Федоров*». Это фотография сотрудника, работающего за границей. Вспоминаются рижские снимки Екатерины Павловны и Володи, и представляется Михаил Федорович, находящийся где-то рядом. Все его фотографии, скорее всего, в 1937 г., были унич-

тожены руками бабы Кати или бабы Полины, а единственное фото деда (резко постаревшего, всего 40-летнего человека) наверняка было прислано Екатерине Федоровне Амурским УКГБ из расстрельного дела в 1956 г. во время реабилитации.

А теперь – личные листки М. Ф. Федорова по учету кадров. Первый – заполнен 16 июня 1931 г., к нему есть специальный вкладыш – «Дополнение к личному листку для командированных за границу». Второй – от 5 мая 1933 г., а также автобиография от 12 марта 1933 г. по возвращении из заграникомандировки. На полях типографских бланков отпечатаны «напоминания о бдительности»: Заполнение всех граф обязательно; Заполняйте листок разборчиво; Неполные, неточные ответы задержат командировку; Не понятен вопрос – спроси у оформляющего; Ответы должны быть исчерпывающими; Без подписи и дат заполнения листок недействителен.

По этим трем документам можно наиболее полным образом восстановить биографию Михаила Федоровича до середины 1933 г. Сводные сведения я представляю ниже.

Родился в 1897 г. в ноябре месяце в г. Москве. Основное занятие родителей: не знаю (питомец воспитательного дома). Ребенком из Московского воспитательного дома был отдан на воспитание в деревню к бобылке (дер. Лобково Калужского района¹). У нее воспитывался до 13 лет. Там же и учился с 1906 по 1910 г. Окончил Сергеевскую казенную общеобразовательную 4-классную школу, образование низшее, приравненное к городскому. Во время учебы пас два лета скотину, будучи подпаском.

13-ти лет выехал в Москву и поступил в ученье коробочному делу к мелкому хозяйчику в мастерскую Абрамова в с. Черкизово². Затем работал мастером в коробочных мастерских кустарей – Рыбаковой в с. Стромынка³, у Абрамова и Жарова в с. Черкизово. Основная профессия – рабочий картонажник. Проработал до 1916 г., т. е. до призыва на империалистическую войну.

¹ Деревня Лобково Малоярославецкого района Калужской области – по современному административному делению, 180 км от Москвы.

² с. Черкизово Коломенского района Московской области – по современному административному делению.

³ с. Стромынка Ногинского района Московской области – по современному административному делению.

Служил 1 год и 5 месяцев в старой армии рядовым-пехотинцем на фронте, Воронеж, 51-й полк 25 Смоленск¹. На войне пробыл до марта-апреля 1917 г. и вернулся в Москву. В революционном движении до 1917 г. не участвовал.

«В марте 1918 г. вступил добровольцем в Красную Армию. Вскоре был брошен на подавление Ярославского мятежа. После подавления мятежа был послан на Южный фронт. В июле 1918 г. вступил в партию. Работал секретарем коллектива дивизиона, председателем. Затем был политруком, помощником военкома, опять политруком отдельной учебной команды специалистов артиллерии. Участвовал в боях политруком на Дону, на юге под Новохоперском, станции Медведицкой и др., около Борисова. В мае 1920 г. был переброшен на Западный фронт против белополяков под Бобруйском. По окончании войны наша часть принимала участие в ликвидации разных банд. В Красной гвардии и РККА служил по июнь 1921 г., всего 3 года 3 месяца, последняя высшая должность политрук. Во время гражданской войны на территории белых не был.

По переброске части уже в г. Рязань я получил отпуск, приехал в Москву и с согласия своей части поступил в МЧК, где проработал оперативным комиссаром с мая 1921 года по октябрь 1922 года.

Из МЧК по просьбе Московской таможни через МК я перешел на службу в Московскую таможню. Получил образование на таможенных курсах по специальности «Досмотр». В таможне работал: комендантом складов на бойне, комендантом бухаринских складов², экспертом-товароведом, заведующим таможенными пунктами и так до 1930 года». С 1922 года – член профсоюза работников госторговли и кооперации. В 1925 г. за невыдержанность, религиозный проступок МКК³ наложено партвызыскание – строгий выговор.

В 1930 г. перешел в Металлоимпорт, работал тарификатором в финчасти, затем ответственным исполнителем и временно начальником кадров. Проходил чистку⁴ в Металлоимпорте, замечаний нет.

¹ Так в документе.

² Так в документе.

³ Так в документе

⁴ Так называемая чистка партии осуществлялась по постановлению ЦК и ЦКК ВКП(б) «О чистке партии» от 28 апреля 1933 г.; перед партией была

Во время работы в Металлоимпорте был мобилизован ЦК ВКП(б) на заграничную работу в 1931 г. Находясь в резерве Внешторгтранса 6–7 месяцев, работал также по кадрам и в течение двух месяцев заменял начальника сектора кадров. Партвзыскание строгий выговор снят МКК в 1931 году (видимо, в преддверии заграничной командировки. – *Прим. Н. П.*).

С ноября 1931 г. командирован Внешторгтрансом на постоянную работу в Латвию. Работал инспектором-декларантом и доверенным от торгпредства и других советских организаций в Рижской таможне до сентября 1932 г.

Пристальное внимание я уделяю «Дополнению к личному листку для командируемых за границу». Ответы в графах такие: М. Ф. Федоров при Советской власти выезжает первый раз по рекомендации партийного бюро. Посылается в Латвию по линии экспортно-импортного объединения Совфрахтинтранспорт.

Особые приметы: рост 1 м 72 см, цвет волос – темно-русый, цвет глаз – серые, форма носа – прямой, другие приметы – на носу маленький шрам.

Родственники за границей ранее не проживали и сейчас не проживают. Семейное положение – женат, иждивенцев трое (!? – *Прим. Н. П.*), с командируемым едут за границу жена и ребенок (Екатерина Павловна и сын Володя. – *Прим. Н. П.*).

Далее перечислены близкие родственники, проживающие в СССР: жена Федорова Е. П., девичья фамилия Черняева, 27 лет, беспартийная, социальное положение – дочь рабочего, сейчас домохозяйка, до 1917 г. училась, проживает в Москве, Бухаринская ул., дом 36, кв. 2; сын Владимир, 5 лет, проживает с матерью; сын Гений, 8 лет, проживает в Москве, Бухаринская ул., дом 36 /далее неразборчиво/; тесть Черняев П. В., 50 лет, беспартийный, социальное положение – рабочий, сейчас рабочий в Мосхимкоммуне (?), до 1917 года – рабочий по котлу, проживает в с. Черкизово, Зельев пер., дом 7, кв. 4; теща Черняева А. А., 50 лет, беспартийная, социальное положение – крестьянка, сейчас рабочая, до 1917 года – работница, проживает на станции Михнево, дер. Сидорово.

поставлена задача «организовать дело чистки партии таким образом, чтобы обеспечить в партии железную пролетарскую дисциплину и очищение от всех ненадежных, неустойчивых и примазавшихся элементов» (Правда. 1933. 20 апр.).

В этом документе приведены новые для нас данные об отце Екатерины Павловны, но, к сожалению, нет его отчества. То, что П. В. Черняев жил в селе Черкизово и где работал картонажником М. Ф. Федоров, дает возможность предположить, что именно там он познакомился со своей будущей (второй) женой. Позднее баба Груша рассказывала своему правнуку Виктору о том, как от безземелья в деревне уходили на заработки, как работали на хозяев в коробочной мастерской, какой сытный стол накрывали для рабочих по воскресеньям.

Здесь же упоминается старший сын Гений, он жил в одном доме с Федоровыми, однако в другой квартире, являлся иждивенцем Михаила Федоровича, но в Ригу с ними не поехал, а остался в СССР, как видно со своими родными со стороны матери. Домашний адрес в 1931 и 1933 годах – ул. Бухаринская, дом 36, кв. 2. В анкете арестованного М. Ф. Федорова эта улица названа уже Волочаевской, она переименована в 1937 г. после репрессии Николая Бухарина, главного редактора газеты «Известия». Историческое название улицы до 1919 г. – Золоторожская по имени ручья Золотой Рожок в районе Лефортово. Здесь с 1890 г. был построен металлургический завод француза Юлия Гужона, в 1922 г. по просьбе трудящихся переименованный в завод «Серп и молот».

От Волочаевской улицы отходит Таможенный проезд, существующий с XIX в., он ведет до бывшей Складочной таможни. Возможно, в 1920-х годах эти склады назывались Бухаринскими. Видимо, поступив на службу в Московскую таможню, Михаил Федорович получил квартиру поблизости – именно на Бухаринской улице. Можно предположить, что семья первой жены тоже имела отношение к таможенной службе. Но это только гипотеза.

Таможня в Лефортово вошла в новую таможенную систему Советской России. В марте 1922 г. было сформировано восемь таможенных округов и два таможенных участка, в состав которых вошли 134 таможни и 149 таможенных постов. Возрождение таможенных учреждений было связано с новой экономической политикой и оживлением торговли¹. Таким образом можно сказать, что Михаил Федорович одним из первых участвовал в становлении таможенной системы. Поэтому была вполне закономерна и его заграникомандировка в Ригу.

¹ http://museum.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=14&Itemid=21.

Далее Михаил Федорович в автобиографии от 12 марта 1933 г. писал: «Ввиду передачи транспортной работы инэкспедиторам и сокращением всей работы меня откомандировали в СССР. По приезде в Союз я был назначен начальником сектора кадров Станкоимпорта. Три месяца работаю по мобилизации МГК ВКП(б) и РК ВКП(б) по заборным книжкам»¹. 5 мая 1933 г. он заполнил личный листок по учету кадров Наркомвнешторга, это означало перспективу продолжения карьеры.

В нем снова указано участие в партийных, советских и профсоюзных выборных органах, это говорило об авторитете М. Ф. Федорова: Красная Армия – председатель бюро коллектива (1919), МЧК – уполномоченный отдела в месткоме (1921), Московская таможня – член бюро и секретарь партийной ячейки (1924–1926), Бухаринские склады – секретарь ячейки, Металлоимпорт – председатель месткома (1931), Латвия – председатель и член бюро месткома, касса взаимопомощи (1932), Станкоимпорт – парторг ячейки (1932–1933).

В последнем личном листке также есть свидетельства его служебного роста, в частности, в отношении к службе. В 1931 г., до командировки: военнообязанный среднего начсостава;

М. Ф. Федоров, г. Рига, 1931–1933 гг.

Е. П. Федорова с сыном Володей,
г. Рига, 1931–1932 гг.

¹ Термин не понятен, возможно, работа связана со специальным снабжением.

учет – долгосрочно-отпускной второй очереди; род войск – пехота; должность, по которой состоит на учете – политрук; категория должности – 5. В 1933 году: военнообязанный старшего начсостава; учет – долгосрочно-отпускной второй очереди; род войск – хозяйственные; должность, по которой состоит на учете – военком продовольственных складов II разряда; категория должности – 8.

И еще один факт обнаружился при сравнении сведений за 1931 и 1933 год. В пункте «Знание иностранных языков» Михаил Федорович сначала отметил, что

М. Ф. Федоров, 1937 г.

читает и переводит со словарем на немецком языке слабо, объясняться не может. После командировки в Ригу, длившуюся всего около года, – на латышском языке может читать, переводить со словарем и объясняться! Удивительные лингвистические способности или...? Или – легенда о «питомце воспитательного дома»?

До рокового направления в Амурскую область в октябре 1934-го осталось чуть больше года. Что же произошло в эти несколько месяцев? Екатерина Павловна в начале 1970-х годов показывала внуку Виктору небольшую вырезку из какой-то старой

газеты, и он хорошо запомнил этот текст о назначении М. Ф. Федорова заместителем наркома внешней торговли СССР¹. Бабушка рассказала, что Михаил Федорович был вызван в Кремль, и после этого произошла катастрофа в карьере и всей жизни. Она была вполне уверена, что муж был наказан и сослан в глушь...

В исследовании истории семьи сначала мы прошли путь от «чистилища» до «ада» политических репрессий. Но судьбой было предначертано узнать о жизни Михаила Федоровича и Екатерины Павловны на высшей точке карьеры во время его службы в Наркомвнешторге. А благодаря присланным фотографиям в памяти сохраняются образы счастливой и благополучной семьи, еще не ведающей о своей участи.

¹ Я тщательно просмотрела в библиотеках газеты «Правда» и «Известия за 1933 и 1934 годы, но такой публикации не обнаружила.

Мемуары, дневники

УДК 947.084(571.53)(09)

Калихман А. Д., Иркутск

Дневник Бенедикта Дыбовского: политическая ссылка, иркутские страницы

Аннотация. Впервые в русскоязычной историографической литературе приводится фрагмент из книги Бенедикта Дыбовского «Дневник доктора Бенедикта Дыбовского, начиная с 1862 года до 1878 года»¹, посвященный его пребыванию в Иркутске в период сибирской ссылки на пути к месту заключения и принудительных работ на Нерчинской каторге. Взгляд Дыбовского на окружающую обстановку и события на пути из Варшавы в Сибирь по этапам ссылки позволяет не только познакомиться с его оценкой политических последствий второго 1863–1864 годов или Январского восстания, но получить достаточно полную и многообразную картину существовавшей в то время системы этапирования ссыльных поляков по Сибири, организации и обеспечения тюремными властями их быта в нескольких сибирских городах, включая Иркутск.

Перевод приводимого фрагмента дневника и цитат во введении выполнен автором статьи.

Ключевые слова: дневник Дыбовского, польские повстанцы, сибирская ссылка, ссыльные, сибирские тюрьмы.

Kalikhman A. D., Irkutsk

Diary of the Benedict Dybowski: political exile, Irkutsk page

Abstract. In the Russian historiographical literature for the First time is a fragment from the book of the Benedict Dybowski

¹ Dybowski, B. Pamiętnik d-ra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 poczynszy do roku 1878. Lwow, 1830. 630 s.

«The Diary of Dr. Benedict Dybowski, beginning in 1862 to 1878». The diary is devoted to his stay in Irkutsk during the Siberian exile on the way to the place of imprisonment and forced labor in the Nerchinsk penal servitude. The look of Dybowski on the surroundings and events on the way from Warsaw to Siberia at stages link allows you not only to get acquainted with his assessment of the political implications of the second or the 1863–1864 January uprising, but to rather complete and diverse picture of the then existing system of convoy of exiles in Siberia, organize and prison authorities their life in several Siberian cities, including Irkutsk.

The translation of the fragment is made by the author of the article, as well as the quotes in the introduction.

Keywords: Dybowski diary, Polish rebels, Siberian exile, exiles, Siberian prison.

Введение. Прошло почти два десятилетия со времени появления на русском языке избранных разделов последней книги Бенедикта Дыбовского. В статье Б. С. Шостаковича, помещенной в составленный им в 2000 г. сборник «Бенедикт Дыбовский» по этому поводу отмечается: «Речь идет о так называемом «Дневнике» доктора Б. Дыбовского – последнем крупном труде ученого, вышедшем в свет в 1930 г., почти одновременно с его кончиной в 97-летнем возрасте. По своему характеру это произведение сочетает сразу несколько жанров: как минимум, мемуарный, эпистолярный, а отчасти также и собственно дневниковый. ... Отечественному читателю указанный мемуарный труд ученого практически неизвестен. Введение его в практический научный и культурный обиход в полном объеме (а это свыше 600 печатных страниц!) все еще остается задачей будущего. Однако в настоящем сборнике сделан, наконец, первый шаг в этом начинании: впервые публикуются в русском переводе два содержательных раздела «Дневника», непосредственно относящихся к тематике пребывания и деятельности их автора в Прибайкальском регионе. ... Перевод польского текста осуществила ныне покойная М. Я. Бушман (замечательная энтузиастка-общественница, одна из создательниц Клуба друзей Польши в Иркутске «Висла»» [1, с. 204].

Отсутствие до настоящего времени перевода на русский язык двух сотен начальных страниц дневника Дыбовского с

детальным описанием тюремных порядков в сибирских городах и быта ссыльных в пути следования кажется странным, учитывая строгость и фактологическую точность изложения. Понятно, что известность Бенедикта Дыбовского, как основоположника изучения фауны озера Байкал, отодвигала на второй план его статус ссыльного каторжанина и интерес к этой стороне сибирской жизни, что видно даже из его слов об этом времени в автобиографии: «... пока, волею судеб, не был заброшен в девственные, еще тогда места Восточной Сибири, где и прибывал, начиная с весны 1865 года» [2, с. 1]. Но знание этой части текста хотя бы на польском языке не приводило бы к досадным неточностям типа «В партии ссыльных польских повстанцев он совершил пешее путешествие в Забайкалье», как в статье из упомянутого выше сборника [3, с. 10], поскольку в дневнике довольно много места уделено выбору и закупке за собственные деньги повозок, саней и лошадей для передвижения по Сибири. В оправдание авторов статьи, необходимо привести еще одну цитату из их текста: «Особо следует сказать о Б. Дыбовском как о мемуаристе, публикаторе источников и авторе тематико-биографических очерков по истории польской политической ссылки в Сибири. Сложилось так, что весь цикл его работ в данной области, непосредственно затрагивающих Восточно-Сибирский регион (и г. Иркутск в том числе), за малым исключением, остается не переведенным на русский язык и абсолютно неизвестным отечественному, в том числе и сибирскому читателю. Специалистам-историкам и их коллегам еще предстоит потрудиться, чтобы восполнить эту значительную лакуну» [3, с. 13].

Ко времени появления в Иркутске, как видно из дневника, Дыбовский успевает приобрести серьезный опыт общения с чиновниками, тюремными властями и конвойным сопровождением. Особенно большое впечатление оставляют описания деятельности по транспортному обеспечению движения по Сибири. Следует напомнить, что из Варшавы до Нижнего Новгорода ссыльные ехали в тюремных вагонах по участкам четвертой (Варшава – Петербург), третьей (Петербург – Москва) и пятой (Москва – Нижний Новгород) по периоду постройки железным дорогам России. Не менее важным является первое упоминание в дневнике состава окружавших Дыбовского ссыльных на пути их Петербурга в Москву: «В тюремном вагоне нас было 50 человек, сосланных в

Сибирь 10/8 1864 г. Все заключенные делились для меня на две группы, к первой относились близкие и хорошо знакомые, а ко второй – остальные. Ниже они перечислены в алфавитном порядке: 1) Богуславский Владислав, литератор; 2) Буржинский Томаш, юрист из Киевского университета; 3) Дубецкий Марьян, профессор литературы из Киевского университета; 4) Дыбовский Бенедикт, д-р медицины и хирург Дерптского университета и профессор зоологии Главной Школы; 5) Франковский Роман, студент Главной Школы; 6) Гнездовский Стефан, ученик академии в Пулавах; 7) Гузовская Эмилия, госпожа из Варшавы; 8) Гузовская Барбара, младшая сестра госпожи Эмилии; 9) Януш Казмиерж, офисный клерк; 10) Ильницкий Томаш, банковский клерк и муж Марджии Ильницкой, широко известного литератора; 11) Кетлинский Станислав, юрист Харьковского университета; 12) Киркорова Елена, из дома Маевского; 13) Крецкий Август, вольный слушатель медицины в Главной Школе; 14) Лисикиевич Эдуард, земский обыватель, брат красного террориста Лисикиевича¹; 15) Мукланович Ян, аптекарь, родственник Романа Зулинского; 16) Папроцкий Густав, слушатель Главной Школы, израэлит; 17) Суминский Зигмунт, слушатель Главной Школы; 18) Тршебицкий Эдуард, офисный клерк; 19) Барановский Теодор, 14-летний ученик гимназии; 20) Барановский Владислав, юрист; 21) Киливицкий Станислав из Люблина, почтовый клерк; 22) Его жена, молодая; 23) Его ребенок, младенец; 24) Цыганский Станислав, слушатель Петербургского университета; 25) Чижевский Антон, слушатель академии в Пулавах; 26) Гусиоровский Стефан, слушатель академии в Пулавах; 27) Ковалевская Юлия, земский обыватель, участница конгресса²; 28) Ковалевская Сабина, дочь Юлии; в будущем Маевская; 29) Курковский Людвик, юрист; 30) Маевский Феликс, бывший клирик, затем женился на Ковалевской Сабине; 31) Милковский Петр, слушатель Киевского университета; 32) Можжинский Владислав, затем женился на госпоже Александре Вроблевскоай; 33)

¹ «Радикально настроенных участников национально-освободительных организаций стали называть «красными», умеренных – «белыми». Это разделение совпадало с различиями в социальных интересах, ибо одни были сторонниками освобождения крестьян без каких-либо условий, а другие стояли на более консервативной точке зрения, принимая во внимание интересы помещиков, хотя и не отождествляя себя с ними». [4, С. 339]

² Так именуются участники Центрального национального комитета, созданного в 1862 году, а в начале 1863 года провозглашенного Временным национальным правительством, объявившим войну России.

Ланге Зигмунд, ученик гимназии в Калише; 34) Липка Карл, с Подлаза; 35) Лукашевич Антон?, слушатель академии в Пулавах; 36) Лычивек Ян?, офицер из Познани; 37) Рачинский Владислав, из Познани?; 38) Зилов Иван, русский; 39) Слупский Иохим, земский обыватель, участник конгресса; 40) Соханек Евгениуш, слушатель Киевского университета; 41) Статлер Сильвиан, изготовитель повозок из Варшавы; 42) Тарговский Владислав; 43) Тарковский, столярный подмастерье из Варшавы; 44) Валигора Теофил, земский обыватель из Олкуского; 45) Владыкин, русский офицер; 46) Вилиан, офицер из Познани; 47) Зданцевич; 48) Жимнох, офицер, прибывший из Франции эмигрант; 49) Крестьянин, участник конгресса (имя забыл); 50) Ксендз, настоятель, участник конгресса (имя забыл)» [5, с. 13].

В Москве пребывание в так называемом «Каламажном дворе» или императорских конюшнях, переделанных под тюремные камеры, оказалось свободным по тюремным меркам и без ожидаемого обыска вещей, включая распространяемые слухи о возможности за деньги подкупить стражу и чиновников, найти место в больнице с возможностью побега оттуда, задержать отъезд в Сибирь на месяцы. От Нижнего Новгорода, после прибытия из Москвы, сразу пошли этапы по пути почтовых станций, где поначалу ссыльных ожидали небольшие кибитки с экипажем из трех лошадей с размещением двух заключенных и двух жандармов. На станциях действовал появившийся к тому времени телеграф, позволявший комендантам каждой из партий ссыльных координировать передвижение между станциями, организовывать их питание и ночлег.

Следующее тюремное пребывание пришлось на Тобольск, ставший в те годы прибежищем больших групп поляков под опекой губернатора Деспота Зеновича, покровительствовавшего также и ссыльным. Дыбовский делает интересное заключение после тобольской тюрьмы: «Я подробно расспрашивал у всех своих знакомых о судьбе ссыльных в партиях из Вильнюса, Минска, Могилева, а именно, заставляли ли их носить одежду каторжан, брили ли им головы, проводились ли у них личные обыски и просматривались ли их вещи; однако все отвечали, что ничего подобного с ними не происходило. Сегодня я могу с уверенностью сказать о недостоверности мемуарных сведений, приводимых теми, кто пишет о таких репрессиях со стороны тюремных властей.

Гораздо позже я узнал, что тем, кого считали призванными на солдатскую службу в сибирских батальонах, давали рекрутские шинели, причем только в Тобольске, не принуждая, однако, их немедленно одевать. Мы тоже получили в Тобольске одежду каторжан с красочным тузом на спине. Приводили нас к так называемому «приказу» и обеспечивали «зипуном» белым с желтым тузом, рубашкой с короткими рукавами, короткими кальсонами, обувью на подобие лодок, как и онучами вместо чулок: «зипуны» были изготовлены из дешевого тканого материала, и мы старались избавиться от этого никчемного подарка, продавая его сразу же в приказе местным чиновникам за пару рублей, и у них был очень приличный заработок, при записях стоимости этой одежды по цене в пятнадцать рублей. Чиновники в «приказе» имели вполне заслуженную ими репутацию жуликов и негодяев, хотя не лучшими были чиновники, заведовавшие тюрьмой. Начальник сам был вором первой руки, поступая с нами по-жульнически, а именно присваивая деньги многих из нас, которые мы оставляли на хранение у коменданта партии» [5, с. 35].

С Томском оказались связаны определенные политические события. Все началось с того, что начальнику конвоя ссыльных отказали в размещении из-за переполненности тюрьмы города Томска. С учетом эпидемии тифа начальник тюрьмы рекомендовал искать приют в домах горожан. В результате долгих переговоров, близкой к Дыбовскому группе ссыльных удалось арендовать две комнаты в доме начальника тюрьмы при сохранении права свободного выхода в город. Однако высокие расходы за жилье, опасность эпидемии, слухи о загадочном сепаратистском сообществе и их интересе к польским ссыльным заставили группу думать о скорейшем отъезде из Томска. Дыбовский об этом пишет: «Об обществе сепаратистов тогда были очень неопределенные слухи, и только после того, как я встретился в Сибири с участниками этого общества то узнал, что они хотели использовать большое число ссыльных поляков для организации своего рода восстания: один из таких сибиряков донес властям о существовании общества, но тогда вся вина была свалена на поляков, этих вечных революционеров, а сами сибиряки представляли себя невиновными людьми, верными подданным «Его Императорского Величества». Единственное исключение составил

Щукин¹, который открыто признался в содеянном и был за это отправлен в Архангельск. Он даже имел возможность выступить публично, завершив речь призывом «Да здравствуют Сибирские Соединенные Штаты» [5, с. 45].

Особо выделяет Дыбовский пребывание в городе Канске, куда ссыльные желали скорее попасть после грязи и тесноты красноярской тюрьмы, очень похожей на томскую. В Канске находилось много ссыльных поляков, которым разрешено было остаться в городе, поэтому к прибытию группы с ведома начальника уезда предусмотрели для размещения несколько больших частных домов и комнат в домах у горожан, организовали прачечную и мастерскую по ремонту обуви. Для пропитания поставлялось замороженное мясо по 80 коп. за пуд, мука пшеничная 30 коп. за пуд, а ржаная мука по 20 коп. за пуд шла на кухни и пекарни для приготвления общих продуктов, выпечки хлеба, а также булочек. Об ответной реакции ссыльных поляков Дыбовский пишет: «Мой друг из Вильнюса Ян Клечковский оказался в Канске раньше нас и успел договориться о помещении для нашего размещения, которое располагалось в пустом без всякой мебели, просторном доме, где мы заняли небольшую комнату, и, постелив себе на полу, проводили дни в чтении. В этом же доме мы планировали проведение концерта. Одну большую комнату украсили по типу концертного зала, а другую оборудовали под буфет. Первым залом занимался мой друг из Вильнюса, а вторым залом – Степковский (ресторатор из Варшавы). Вечером в день проведения концерта, одетые во фраки молодые люди следили за порядком в залах. Хозяева также были озабочены приемом гостей, которых собралось немало, при этом нарядных женщин рассаживали в креслах, а мужчин на стульях. На сцене выступали друг за другом артисты, музыканты, певцы, и после первой половины объявили перерыв. Хозяева пригласили всех гостей в буфетный зал для угощения» [5, с. 53].

Создание дневника и связанные с Иркутском страницы.
Перед тем, как перейти непосредственно к фрагменту текста

¹ Щукин Николай Семенович, сын директора иркутской гимназии, учился в Петербургском университете, основоположник сибирского областничества, как общественно-политического движения, наряду с Г. Н. Потаниным и Н. М. Ядринцевым, один из основных фигурантов дела «сибирских сепаратистов» в 1865 г., закончившегося бессрочной ссылкой в Архангельскую губернию, где он вскоре умер.

дневника, следует сказать об истории его создания. Появление дневника связано с реализацией давних замыслов Дыбовского, а начало процессу положил уход из жизни Августа Крецкого, с

Фото Бенедикта Дыбовского // Дыбовский Б. Автобиография // Пятидесятилетие ВСОРГО. Юбилейный сб. под ред. А. Коротнева. Фауна Байкала. Киев, 1901. Вып. 1. С. 1–12.

которым до этого они три десятилетия обменивались письмами с воспоминаниями, обсуждали сохранившиеся коллекции фотографий. Списки людей на различных этапах ссылки и пребывания в Сибири были собраны или составлены Августом Крецким, включая списки людей в партии ссыльных на пути из Москвы в Тобольск, из Тобольска в Томск, из Томска в Красноярск. Были списки заключенных в Усолье, в Петровском исправительном учреждении, в Сивакове, в Домне и во всех тюрьмах Нерчинского края [5, с. 13]. Многие детали пребывания ссыльных поляков в Иркутской губернии содержатся в работе [6].

Ниже приводится перевод разделов дневника с главой «VI. От Канска до Иркутска» с параграфами «В Иркутске», «Пребывание в городской тюрьме под названием Казенная палата» и началом главы «VII. Выезд за Байкал. Иркутск – Сиваково». В

статье приводятся фотографии из первого издания дневника на польском языке, часть которых выполнены самим Бенедиктом Дыбовским. Приводимый русский текст соответствует страницам оригинала дневников с 53 по 81.

VI. ОТ КАНСКА ДО ИРКУТСКА

Дальнейшее наше пребывание в Канске в ожидании заморзания рек было грустным. Покидали мы Канск с чувством стыда, поскольку до этого считали, что поляки со своей культурой смогут поразить сибиряков. Но на пути стал алкоголь. Сколько раз в более поздние времена нам приходилось сталкиваться

с алкогольной зависимостью и карточной игрой как с самыми большими препятствиями на пути развития и перехода к идеалам трезвости, справедливости, любви к ближнему. Алкоголь уничтожил людей.

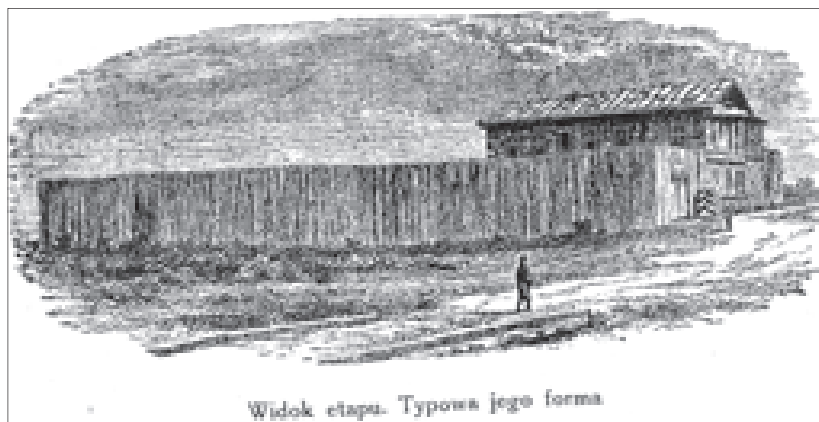
Наш тарантас не был приспособлен для зимней дороги, в пути возникало много проблем и пришлось в конце концов продать его за ту же цену, а дальше пересесть на санные телеги. Обременительными для нас стали переносы багажа при пересадке из одних саней в другие, появились сложности в управлении санями, но что делать, мы обязаны были преодолеть все это. С неописуемым восхищением смотрел я в то время на упорство нашего сотоварища, ехавшего из Варшавы, а именно на Штатлера Сильвиана, который вез с собой огромный сундук такого объема, что он смог бы сам в нем удобно поселиться. Сундук был образцово изготовлен, окрашен, окован латунными обручами и с откидными латунными ручками, в верхней части он был не плоским, а сводчатым. Мы уже привыкли видеть старика «отца Сильвиана», сидящего у своего сундука и от него неотделимого. «Отец Сильвиан» не мог быть задуман без сундука. Но скольких трудов и средств стоило переносить и перевозить этот сундук, сколько он сам страдал от неудобств на своем пути, всегда отдавая первое место сундуку и размещая его наиболее удобно в коляске и на санях. Содержимое сундука поражало разнообразием, сравнимым, например, с нюрнбергским магазином, где каждая вещь имела определенное место, были даже тайники в дне этого оригинального сундука. Ходили шутки, что этот сундук по возвращении в страну должен был быть отдан в коллекцию оригинальных сувениров. Однако самые большие чемоданы сопровождали Зигмунта Суминского, содержавшие постельное белье, исподнее, ковры, одежду, отдельно упакованную библиотеку. Кто бы мог подумать, что подобные сундуки и чемоданы власти позволят нам брать с собой. Хотя у меня также были подобные чемоданы, поскольку каждый мог взять самые нужные исключительно для него вещи. У меня был микроскоп, лупы, лекарственные инструменты и несколько научных книг, находившиеся рядом с бельем и одеждой. При этом многие и даже очень многие не имели с собой ничего, потому что они оказались после ареста в заключении и в партии ссыльных находясь далеко от места своего постоянного проживания.

Из нашего переезда из Канска в Иркутск упомяну здесь только несколько интересных встреч и событий:

1. Проезжая через одну из деревень, лежащих на тракте, называемом тогда Московским, я шел пешком рядом с нашим тарантасом, ползущим по заснеженной дороге с черепашной скоростью. Вдруг из ворот дома меня кто-то окликнул произнесенной по-польски фразой: «У меня есть на продажу шуба». А поскольку у Марьяна не было шубы, а морозы все еще только усиливались, я зашел в ворота. Поздоровался со звавшим меня, узнал в нем еврея и он отвел меня в избу, в которой жил вместе с семьей, затем в отдельную комнату, где показал мне шубу из волчьих шкур без накидки, почти новую, с подогнанным мехом, широким красивым воротником, с хорошей тканью темного цвета, после внимательного осмотра я подумал о высокой цене за шубу, между тем, на вопрос о ней, – ответил, – я вам продам недорого, за 10 рублей. – Эта неожиданная дешевизна меня поразила, но одновременно обрадовала, я поблагодарил за цену шубы в 10 р., надел ее на себя и отправился догонять наш тарантас. В результате Марьян получил теплую шубу, и по общему признанию выглядел в ней как сибирский поп, потому что в этих краях волчьи шкуры как будто специально предназначены для меховых изделий, используемых попами.

2. Насколько любезно нас встретили в Канске, настолько не приветливым оказался Нижнеудинск, где нас ждал весьма холодный прием. Всех нас разместили в тюремных помещениях, а жителям города запретили принимать у себя в домах ссыльных, и скоро обнаружилась нехватка продуктов для приготовления пищи. Наш староста вынужден был обеспечить скорейший выезд партии в дальнейший путь, но не мог этого сделать из-за отсутствия нужного количества телег, а появлявшиеся по одной телеги тут же захватывались и быстро уезжали из города. Мы оставались последними. Помню вечер отъезда, темный, морозный и ветреный. Когда мы отправились в путь, то обнаружили, что наш извозчик был не совсем трезвым, дорога шла по холмистой местности за городской околицей и начинался крутой спуск на участке с глубокими рытвинами из замерзшей грязи, образовавшей сильную гололедицу. Мы сидели довольно неудобно и тесно, а я находился посередине. На самом спуске с горы извозчик пытался своими командами притормозить лоша-

дей, и мне после его команд тоже захотелось немедленно придержать колеса телеги, но было уже поздно, лошади бросились резко вперед и на полном скаку понесли нас вниз. Мы все были удивлены тем, что остались живыми, и что телега не развалилась, когда наконец лошади остановились на уже пологом участке дороги. Это необычное происшествие глубоко отложилось в моей памяти.

Вид этапа. Типичная форма этапа

Окрестности Нижнеудинска следовало отнести к природно-романтическим: горы, леса, реки и ручьи формировали чудесные пейзажи, потрясающие своей необычайной первозданностью. Много позже известный исследователь Ян Черский обнаружил здесь в одной из горных пещер чрезвычайно интересную палеонтологическую фауну, сохранившуюся в состоянии мумификации при участии самой природы, содействии сухого воздуха и холода; большую часть этой фауны я сфотографировал в Иркутске и коллекцию фотографий передал в музей этого города. Сама коллекция этой фауны, к сожалению, сгорела во время пожара в 1879 г. До тех пор, пока второй подобный Черскому исследователь не появится на сибирском горизонте, не будет продолжено дальнейшее изучение этой оригинальной пещеры, а также не появится возможность хоть частично возместить уничтоженную коллекцию во время пожара в Иркутске.

3. На одной из станций к востоку от Нижнеудинска, как мне кажется, на Кимильтейской станции, то есть на третьей по счету (сначала Худоелов-

ская, затем Тулуновской) у нас была возможность увидеть местных жителей, называемых сойотами. Они были с оленями во время нашей встречи. Впервые в жизни мы видели кочевников в их традиционной одежде. Сойоты могли относиться к тунгусским племенам, обреченным на вымирание¹. Их убивает алкоголь. Черский занимался антропологическим описанием особенностей этого ответвления тунгусских племен, хотя все данные его исследований среди этих людей сгорели в музее географического общества.

4. На станции Зиминской этап вынужден был размещаться в огромной тесноте, о чем я упоминал выше.

5. На станции Тельминской узнали, что находимся недалеко от тюремного учреждения под названием Усолье (Варница соли), где предполагали размещать тех из ссыльных, кто осужден на тяжелые работы и прибывали с семьями. В самом же селе Тельминском уже стали жителями некоторые из ранее сосланных на поселение в Восточную Сибирь. Их рассказы о пребывании в тюрьме в Иркутске нас сильно огорчали. По прибытии в эту тюрьму проводится тщательный обыск, забирают книги, бумагу, ручки и карандаши. При таком обыске русин, Сучка Низадовский, оказался бы полным злодеем первой руки. Странный поворот судьбы, когда каждый русин, которого мы встречали типа Тухолки и Здановича, был одним из самых наиподлейших людей. И мы должны были встретиться сейчас, судя по рассказу, с самым совершенным типом «истинного русина».

Сегодня последняя станция перед Иркутском, а завтра мы прибудем в столицу Восточной Сибири. Тревожное ожидание этого момента сохранилось в моей памяти. Неужели смогут отобрать бумагу, книги, деньги? Эти мысли не давали мне спать.

Ангара одна из самых красивых рек Восточной Сибири, протекающая мимо станции Тельминской, до сих пор не замерзла, в то время как к концу ноября другие реки уже покрылись толстым льдом. Здесь нам приходилось выслушивать рассказы об ужасных опустошениях, которые ежегодно повторялись в период замерзания Ангара; движение по реке последовательно прекращалось в направлении с северо-запада на юго-восток. В Иркутске Ангара замерзала только в конце декабря по старому

¹ Сойоты относятся к тюркским народам, сохранившимся с периода тюркских каганатов (прим. автора статьи).

стилю, а в месте своего истока из озера Байкала река не замерзала никогда. Байкал в устах рассказчиков обычно представлялся не озером, а морем, святым и грозным морем. Заинтересовавшись рассказом, я вышел на берег Ангары, которая предстала таинственной рекой, окутанной в тихий и морозный вечер облаком тумана, нависающего над ее поверхностью. Возникло какое-то невыразимое чувство глубокого интереса к этой реке, особенно к озеру, его морской святости, дополненной моим воображением, стимулирующим мечты об изучении таинственной реки и озера.

6. На подъезде к Иркутску, наша дорога проходила мимо монастыря святого Иннокентия Кульчицкого, бывшего иркутского архиерея. Монастырь носил название «Монастырская или Иннокентьевская Лавра» и славился чудесами, такими же как «Киевская Печерская Лавра», а у нас Ченстохова, или Острые Ворота. Толпы благочестивых прибывали сюда ежедневно из дальних мест за индульгенциями, но и без того существовал постоянный поток нуждающихся в духовной поддержке. Якобы за допуск к припаданию (поцелую) к руке плата составляла 15 р., столько же стоили свечи, так что всего за 30 р. могло быть отправлено ходатайство Иннокентия на Верховный престол. Во время нашего проезда до нас доходили разговоры с нелестными отзывами в адрес монахов этой святой Лавры, а уже в последующие годы обнаружилось, что в этом святилище существовала целая фабрика по «en gros» (оптовому) выпуску царских «кирпичей» (именных кирпичей). При посредничестве евреев поставлялись из-за границы все необходимые материалы, а также производственное оборудование, поэтому подобная скрытная работа продолжалась многие годы под священным прикрытием монастыря. Правда, однажды какой-то любопытный печник, приглашенный для перекаладывания одной из печей, обнаружил в другой печи спрятанное оборудование, чему дал ненужную для монастыря огласку. Монахи убили печника или гончара и сбросили тело в Ангару, надеясь, что река с большой скоростью унесет его как можно дальше. Но случилось иначе, и священная Ангара выбросила мертвое тело печника на берег недалеко от монастыря. Монахи разбежались по сибирской тайге, забрав с собой оборудование и материалы с целью организовать новое

производство в любом из других монастырей Восточной Сибири. В том, что это им удалось, думаю, можно не сомневаться.

Переправа через Ангару нашей большой партии проходила медленно на пароме-самосплаве. В неспешном ожидании своей очереди и пребывая в последнем ряду, я занимался осмотром полосы вдоль берега реки и нашел несколько образцов мелких ракушек, которые позже определил как *Hydrobia angarensis* Gerstfeldt, описанных в 1859 году. При переправе через реку вся партия собиралась на ордынке, пока последние телеги не собрались на правом берегу реки, чтобы вместе совершить торжественное прохождение по городу. Движение началось только к вечеру, и когда добрались до середины города, а это был воскресный день, мы встретили много пьяных, «приказчиков», которые начали нам кричать: «Поляк дурак, Аршаву проспал, Аршаву просрал», завершая каждый из выкриков взрывом сердечного хохота. Дубовик, ехавший на одной из передних телег, спрыгнул с нее и громким голосом произнес: «Молчать! сволочи! приказческие щенята! не вам, скоты, оценивать нашу деятельность, молчать».

Высказанные от всего сердца и могучим голосом произнесенные «*verba veritatis*» (слова истины) подействовали эффективно. Доехав до «тюремного замка», мы занесли свой багаж вовнутрь, на большой тюремный двор, где нас выстроили в шеренги, провели «переключку», а затем обыск людей и их вещей. Нигде на всем пути от Варшавы до Иркутска обыски не проводились, и только Сучек Низадовский решил здесь такие обыски организовать. Это был тип истинного русина, кому доставляло какое-то удовольствие мучить и оскорблять всех, над которыми было дано право властвовать. Человек этот сгинул в Николаевске на Амуре, он был там начальником тюрьмы. И вот, когда он пришел в помещение тюрьмы в пасхальный день с поздравлениями, один из заключенных ударил его ножом в сердце, он умер. В том же 1869 году я вместе с комиссией генерал-адъютанта майора Сколково был в Николаевске. Во время доклада о происшествиях, случившихся в городе Николаеве, о которых рассказывал адмирал Фарухельм, в тот период губернатор Амурской области, было упомянуто убийство начальника тюрьмы Сучки Низадовского. Убил его тихий, молчаливый, замкнутый в себе человек, он признался в убийстве, но на вопрос, что побудило

его к совершению этого поступка, не дал никакого ответа, и пока дело не закончено, было решено отправить убийцу в Иркутск. Я слушал с вниманием эту историю, а когда разговор закончился, я сказал, что я знал убитого человека, поэтому просил позволения представить некоторые детали, касающиеся его личности. Его ненавидели заключенные, ему платили ненавистью за ненависть, его прозвали «сукой». Он мстил заключенным ужасно, конфисковывал при обысках все, что только мог, по своей прихоти отдавал приказание заковывать в кандалы, один раз, например, когда высылали нашу партию из Иркутска за Байкал, велел заковать в кандалы старика, земляка Васневского из Подола только за употребление им поговорки «ясен гром». Он посчитал эту пословицу «ругательством». Не смогло помочь ни заступничеству старосты партии и просьбы многих из его товарищей, а также высказанные за Васневского оправдания офицером конвоя. Необходимо достаточно знать заключенных для понимания того, что этот молчаливый человек, убивший его, пожертвовал собой и тем самым спас тюрьму от начальника, такого как С. Н. Хотя смерть его от рук заключенных ожидалась очень давно, но нужен был человек, готовый пожертвовать собой ради общего блага. Такой человек наконец нашелся. После небольшого отступления я возвращаюсь к продолжению повествования.

Обыск проходил при слабом освещении с участием С. Н. и начальника иркутской тюрьмы, хотя имени я его не помню, но это был вороватый человек, нечестный, любитель взяток и пьяница. Проверяющие окружили толпу из нашей партии, а также определенное количество подошедших из главного здания заключенных. Несмотря на то, что происходило на моих глазах, наблюдая за конфискацией книг, бумаги, ножниц, сломанных перочинных ножей и тому подобному, я уже был готов к большим потерям. Когда я беспомощно стоял со своими вещами, то неожиданно столкнулся со своим знакомым еще с 1859 года по пребыванию в Берлине. Это был Вышинский, брат д-ра Владислава Вышинского, с которым встречался в Тобольске. После приветствия он спросил про мои вещи, я указал на них, и, ничего не сказав, он схватил часть багажа в могучие руки, потому что это был большой и высокий молодой человек, указал на вторую часть багажа пришедшему с ним из тюрьмы напарнику

и вдвоем подняли их наверх в тюремное здание, после чего ко мне вернулся обратно. В. сказал, что так мы поступаем со всеми прибывающими партиями. У меня оставалась только аптека, которую я оставил для проверки хоть каких-то своих вещей. Затем я спросил, проводится ли обыск при людях, и получил ответ, что не всегда, а при себе лучше ничего не иметь, тогда я положил часы, цепочку, пулары, кошелек в сумочку, закрыл ее на ключ и отдал для переноса в тюрьму. Другие наши заключенные, спустившиеся сверху вместе с постоянно перемещавшимся В., начали переносить непроверенный багаж в здание тюрьмы, и таким образом миновал обыск сундук Статлера, чемодан и библиотека Суминского и много другое, а там, на дворе под фонарями, проходил строгий обыск с конфискациями. Когда подошла моя очередь и меня позвали, я подал для обыска довольно большую плетеную корзину с лекарствами, помещенными во флаконах, баночках, жестяных коробках, рядом с ними хирургические инструменты, смотровые стекла и другое. Представился я врачом партии, сказал, что лечу больных, а в нашей партии много людей, нуждающихся в лечении, поэтому с собой мне нужна аптека. На это С. Н. ответил, что аптеку отдадут в тюремную канцелярию, там осмотрят ее содержимое и отдадут только то, что юридически разрешено, затем меня лично обыскивать не стали. Придуманый способ спасти все, что возможно от конфискации был поистине великолепен. Основным действующим лицом в этом деле был Вышинский. Его памяти я посвятил следующее воспоминание:

Вышинские происходили из подолян, старший брат Владислав закончил медицинский факультет в Киеве, в статусе хирурга участвовал в восстании, младший брат не закончил университетское обучение на медицинском факультете. В 1859 году он уехал за границу, через Берлин в Париж с намерением пройти обучение на командующего отделением в восстании, которое уже тогда предполагалось, но этому намерению Вышинского не суждено было сбыться. Его отправили из Парижа обратно на родину в качестве уполномоченного по сбору средств на нужды повстанческого общества. Он имел визитные карточки, на которых указывалась организация и потом лозунг: «*Ferrum et sanguis libertatem via*» (Железом и кровью на пути к свободе). С надеждой на выполнение своей миссии он прибыл в Подолье и стал

требовать от граждан внесения существенных взносов. Многим это не нравилось и часто вызывало неприятие до тех пор, пока не дошло до ареста и заключения в тюрьму в Латычове, где в католической церкви он обращался к образу Пресвятой Богородицы от имени тюремного заключенного с горячими молитвами о своем чудесном освобождении силами Божьей Матери. В один из дней мимо проходила похоронная процессия какого-то знатного сановника с огромной толпой провожавших. Когда вся свита достигла тюрьмы, военная стража приготовилась салютовать и выступила за ворота, и тогда Вышинский незаметно шаг за шагом, медленно отошел от ворот, переместился к углу передней стены и стал углубляться в поля, говоря потом о появлении чувства неведомой таинственной силы, поднимающей его в воздух во время гигантских прыжков без ясного понимания направления бега, пока он не оказался наконец далеко от тюрьмы. Сохраняя в последствии благодарность чудесному образу он пришел к решению ежедневно молиться в твердой убежденности, что находится под постоянной опекой Божьей Матери Латычевской, спасшей его во время восстания от смерти, а сегодня, если его действия в Иркутской тюрьме и приносили пользу заключенным, то это только под расположением и милостью Пресвятой Богородицы.

Великая вера Вышинского придавала его действиям оригинальный характер. Он подробно рассказывал мне обо всех особенностях своей деятельности в Подолье, затем излагал события восстания и свое путешествие из Киева в Иркутск. Я говорил ему о необходимости сбора и сохранения важных для истории сведений и передачи их кому-либо из наших, ведущих повстанческие и тюремные дневники. В первом ряду здесь стоял, как мне казалось, Феликс Зенкович, способный, по моему мнению, написать такие дневники. Вышинский сопровождал меня к месту в камере, где он нашел подходящее место на нарах. Мы шли по темным лестницам, засыпанным повсюду обломками вдоль тускло освещенного дымящимися светильниками коридора, где валялись груды кирпича и глины по причине ремонта печей, и все ходили по этому пути в грязной обуви до основного помещения с нашим местом размещения, но таким грязным, что это превосходило все мною увиденное до сих пор в сибирских тюрьмах. По стенам конденсировалась и стекала влага, с обеденных столов падали грязные капли прямо на нары: на полу среди грязи образовыва-

лись мелкие лужи. Трудно было себе представить худшее место для пребывания, казавшееся смертельно опасным для нас. Рядом со мной на нарах поместился Густав Папроцкий. Другим соседом был Дубовик. Наши места на нарах находились прямо перед входными дверями, а непосредственно перед нами специальное место, отведенное для параша. В помещении было темно, несмотря на несколько сальных свечей, прикрепленных к каким-то импровизированным подставкам. Я принес несколько обломков кирпичей из коридора, чтобы положить на них свои вещи под нарами, на влажные нары я бросил дорожную войлочную подстилку, под голову свернул шубу и устроился спать, утомленный дневным переходом, голову и себя накрыл ковриком, купленным в Тюмени, пытаюсь таким образом защитить себя от капель с потолка и прикрытую ковриком голову от мыслей про отвратительное настоящее, но заснуть не давал шум в переполненном помещении и бурный спор моих ближайших соседей. Дубовик и Папроцкий спорили о том, может ли благородный и честный человек иметь две национальности. Дубовик утверждал, что человек с так называемыми двумя национальностями сам себя обманывает, и легче понять космополита, чем относящего себя к двум нациям, а также доказывал их принадлежность к замаскированным космополитам. Папроцкий напротив отстаивал тезис о естественности отнесения человеком себя к двум национальностям как следствию истории развития общества, когда люди ассоциируют себя с двумя народами, и в качестве доказательства приводил пример Владимира Спасовича, а затем себя. На это Дубовик относительно Спасовича говорил, что он на 2/3 поляк и на 1/3 русский, а что касается спорящего, то он говорит и думает на польском языке, а действует по-еврейски. Вы придерживаетесь еврейской этики, представляете свой народ и себя как особо избранных Богом, он дал вам все эти соображения, и вы требуете, чтобы вас любили за то, что вы всех ненавидите и презираете. На этом мы сегодня закончим спор – предложил Дубовик, откладывая подтверждение того, о чем сказал с помощью фактов. Спор, который здесь в кратком изложении, повторялся уже неоднократно, хотя я в нем не принимал раньше участия. Мне хотелось, главным образом, преследовать цель достижения согласия и братства среди изгнанников. Хотя должен признаться, что в приверженность двум национальностям не верил.

В ИРКУТСКЕ

На следующий день после приезда в Иркутск я проснулся с сильной головной болью, но, к сожалению, мои медикаменты были изъяты при обыске. Вся наша партия была разбросана по разным помещениям. Женщин определили в комнату с гражданскими преступниками, и велели им мыть полы в тюрьме. Наш староста начал протестовать против такого обращения с женщинами нашей партии. В дополнение к протесту староста ставил перед тюремными властями вопрос о возможности подачи ходатайства на полковника жандармов и выхода на полицмейстера Иркутска по поводу проблем с обеспечением продуктами, поскольку их доставляют плохого качества и по высокой цене. Относительно помещений для размещения заключенных также сообщили, что они не гигиеничны, поэтому желательно увидеть обоих упомянутых начальников, как это уже было после обращений в Томске и Красноярске. Нам удалось узнать, что госпожа Бнинская, имеющая как сопровождающая право на проживание в гостинице, уже сделала соответствующие шаги для облегчения нашей печальной доли. Староста получил разрешение на выход в город для покупки различных вещей, хотя и в сопровождении конвоирующего солдата. В городах Томске, Красноярске и Тобольске староста мог ходить без конвоя. В этот же день нам пришлось обедать в тюрьме тем, что готовили в тюремной кухне повара из гражданских преступников. Преступники, или так называемые кандалные (то есть с закованными в кандалы ногами), имели здесь в Иркутской тюрьме собственное хозяйство, готовили еду, для всех была так называемая «баланда» или суп «*sui genesis*» (единственный в своем роде) с добавлением куска мяса при его наличии. В хозяйстве был буфет или магазинчик, устроенный в тюремном коридоре и управляемый выбранным из заключенных «буфетчиком». Находившийся долгое время в тюрьме Вышинский сумел узнать все секреты буфета и буфетчика. Кроме того, через этого тюремного деятеля можно иметь контакты с городом. Установившиеся здесь тюремные порядки были даже хуже, чем в Томской тюрьме. Поэтому нам хотелось как можно скорее выбраться из этого ужасного окружения. Вернувшись из города, староста сообщил, что сегодня нас обещали посетить полковник жандармерии и полицмейстер города Иркутска. Первый из них имел репутацию порядочного человека, а вот о втором у заклю-

ченных не было хорошего мнения. Говорили, что это обрусевший поляк, с достаточно жестким поведением и недоброжелательным отношением к ссыльным полякам. Мы ожидали наших визитеров, уже имея о них какие-то сведения. В третий раз подготовил запрос о возврате денег, отобранных начальником тобольской тюрьмы, и отдал его старосте, который должен был изложить все просьбы заключенных нашей партии полковнику жандармов. К полицмейстеру у меня личного интереса не было.

Иркутск перед пожаром 1879 г.

Наступил вечер, зажгли свечи и уже не ожидали приезда полицмейстера. Однако он внезапно ворвался в наше помещение в самый неожиданный момент и с дьявольским юмором, поскольку поскользнулся в темном коридоре и испачкал свою шинель. Заключенные выстроились в ряд, а господин полицмейстер с выраженной страстностью начал свою речь по-русски: «Вы требуете дворцов (хоромов), так не забывайте, кто вы есть. Вы должны благодарить Бога за то, что вы получаете благодати начальства и не «беспокоить их». Я вас «приучу». Таким было содержание выступления господина полицмейстера. Когда он закончил свою речь разными угрозами, будто вылез как «Filip z konopi» (Филипп из конопли), Дубовик задал ему вопрос словами «Смею спросить Ваше Высокое Благородие, какие гарантии дает правительство поселенцам, к которым я принадлежу». Вопрос оказался настоящим маслом, вылитым на огонь. На это полицмейстер

в ярости воскликнул: «Гарантии! Гарантии! Свиньям в рай – вот вам гарантии». Закончив со своим ответом Дубовику, он набросился на меня с криком: «Как ты смеешь курить трубку, ты не знаешь, что запрещено, я потребую заковать тебя в кандалы! Я тебя в темную посажу! Горазды на выдумки и уловки».

Пока пытался понять, что происходит, взглянул на нары и увидел на своей постели длинный турецкий чубук для набивки табаком и курения, которым пользовался Густав Папроцкий и который, как запрещенный в тюрьме предмет, забыл в спешке прикрыть. Когда все разошлись и удалился полицмейстер, я заметил Папроцкому, что много раз предупреждал его о необходимости прятать свою огромную курительную трубку, но вместо следования моему наставлению, он поставил меня под угрозу. На вашем месте я бы не отмалчивался и не представлялся невинным, а ответил бы. Мог и я сказать полицмейстеру, что хотя трубка лежала на моей постели, она мне не принадлежит – но я не сделал этого из-за различий в принципах нашей и вашей этики. Вы же не признались бы добровольно и безусловно, потому что ваша этика отличается от нашей. Дубовик, раздраженный своеобразием выданных полицмейстером гарантией, касающихся обеспечения существования «поселенцев», наступал на Папроцкого с большим ожесточением, не жалея доказательств того, что он не поляк.

Постепенно стали приносить результаты предпринятые старостой усилия по нашему переводу из острога, а вскоре появилось решение об устройстве тюрьмы для политических ссыльных с перемещением их из «тюремного замка» в так называемую «казенную палату», то есть в здание, где ранее располагалась Казенная палата. Тем временем наших женщин переселили в помещение рядом с квартирой начальника тюрьмы, их больше не заставляли заниматься мытьем полов, а затем устроили кухню для политзаключенных, где они готовили пищу, и наконец, общими усилиями удалось очистить коридоры и полы в тюремных помещениях, что заняло достаточный период нашего пребывания в одной из наихудших тюрем Восточной Сибири.

Вышинский мне сообщил, что внизу здания, в так называемых «сепаратках», находятся в изолированном содержании тайные преступники, среди которых есть поляки, а один из них был арестован во время демонстрации в Варшаве городской милицией и передан тогда же российской полиции, потому что он

наклеивал на стены призывы к вооруженному восстанию. Его имя неизвестно, а написанный им стих распространяется среди заключенных.

*Сказка епископа очень поучительна
Говорит самым преданным друзьям, что собаки съели зайца
Сегодня наша политика сделала многое,
Потому съели зайца сами друзья!*

ПРЕБЫВАНИЕ В ГОРОДСКОЙ ТЮРЬМЕ ПОД НАЗВАНИЕМ КАЗЕННАЯ ПАЛАТА

Примерно в середине декабря по новому стилю нас перевели в новую тюрьму, где разместили исключительно политических заключенных, осужденных в основном на тяжелые работы и на пребывание в крепости. Осужденных на поселение спешно отправляли по ближним окраинам, а часть прибывших с семьями отправили в Усолье.

Начался период долгого ожидания и бездействия, который многих деморализовал. Уже во время нашего пребывания в остроге я узнал, что нечестные люди распространяли среди лидеров ссыльных идеи организации вооруженного восстания. Планировалось якобы объединение гражданских узников для уничтожения военного батальона и поджога города. В качестве главного деятеля по этим событиям в целом упоминали жулика Зыхлинского, который, с одной стороны, говорил всем о необходимости бунта, а с другой стороны, обращался к тюремным властям с предложениями доносить о предполагаемой подпольной деятельности тюремной интеллигенции. Один из старост партии польских ссыльных, прибывших раньше нас, узнав о деятельности Зыхлинского, добился у тюремных властей пересылки его за Байкал, где тот, притворившись больным, укрылся в больнице в Верхнеудинске. Считалось, однако, что не сам Зыхлинский определял вопросы обсуждения бунтов, а все безумные идеи рождались в головах, не имеющих никакого понятия ни о географии Сибири, ни о людях и народах, на участие которых все это рассчитывалось. Проявлялось бурление каких-то тайных течений среди Мазуров и Жмудинов, а также нежелание их обращения к интеллигентам; во всяком случае, было убеждение, что они успокоят умы при собственной эффективной интеллектуальной работе. Была организована начальная школа для не-

грамотных, читальный зал для умеющих читать, священники могли вести проповеди, вечерние богослужения и песнопения для раненых. Из городской библиотеки разрешили брать книги за плату и под залог. Словом, делалось все, что можно было сделать для умственных занятий и отвлечения от бездействия.

Годлевский Виктор, Дыбовский, Экерт Павел, Гартунг Николай (в Иркутске)

В нашей более сплоченной партии стали формироваться группы, намеревающиеся совместно отправиться к приемлемому для них месту. Большинство останавливалось на Усолье, где находилось пенитенциарное учреждение, наиболее близко расположенное к родной стране. Несколько человек задумывались о возможности добраться до Петровска в места, где отбывали заключение российские декабристы, а что касается меня, то сначала не мог определиться с выбором. Определенные события привели к тому, что я выбрал пребывание за Байкалом. Еще во время работы в Дерпте в 1853 году я встретился с натуралистом, кандидатом зоологии Герстфельдом Грегори, который сдавал тогда экзамены на магистра зоологии, а его работа по гомологии внутренних органов у насекомых после его выступления на собрании кружка естествоиспытателей в Дерпте считалась очень интересной, планировалась его поездка в Сибирь

совместно с приятелем Ричардом Мааком. Вернувшись из Сибири, он сообщил о результатах работ, касающихся новых видов байкальских ракообразных, а также байкальских и амурских моллюсков. Говорил он и о своем друге и соратнике по путешествиям Р. Мааке, который занимал в Сибири в Иркутске весьма сильную и влиятельную должность. Вспоминая все эти детали, я решил попытаться войти в контакт с постоянно проживавшим в Иркутске Р. Мааком, написал ему письмо с просьбой о личной встрече. Письмо принесло желаемый результат, я побывал у него, мы разговаривал с ним по-немецки, он показал мне свою работу о поездке на Амур, а также работы д-ра Герстфельдта и Густава Радде, заявил, что последний из упомянутых естествоиспытатель, направленный сюда от Русского географического общества и Петербургской Академии наук, что почти целый год он провел на Байкале, нашел фауну этого озера крайне бедной, поэтому он также советует мне в будущем заняться изучением Забайкальской фауны.

Он также пообещал мне позже достать научный отчет Густава Радде из библиотеки географического общества в Иркутске с данными об изучении Радде в 1859 году фауны Амура. Кроме того, я узнал, что Альфонс Парвекс и Виктор Годлевский, мои давние приятели, были отправлены за Байкал на «рудники» в Петровске, но попасть туда очень трудно, поскольку управляющий этого исправительном учреждении полковник Разгильдиев доносил властям о невозможности приема новых заключенных и рекомендовал всех переводить в исправительные учреждения Нерчинска. Тем не менее я надеялся встретиться с ними за Байкалом. Оба эти обстоятельства повлияли на мое окончательное решение.

Получив научные работы, можно было заняться их изучением с коллегами, уединившись от остальных, хотя чтению мешали движение и шум в читальном зале, заполненном почти сотней человек, и надо было привыкать к этому. Непрерывно прибывали новые партии ссыльных. Приехал д-р Лаговский с семьей, господин Крыницкий и другие, отставшие из-за болезни в пути Иосиф Рыбицкий, Томаш Ильницкий, догнали нас в Иркутске. С семьей доктора Лаговского прибыл Феликс Зенкович, затем прибыл д-р Яворовский Казмерж. От прибывших я узнал, что Чекановский Александр тяжело заболел тифом и остался в

больнице в Томске, что Август Крецкий еще болеет, но надеется весной покинуть больницу. Лаговский доставил от Чекановского из Томска довольно большую коробку с коллекцией насекомых, с рекомендацией отдать ее мне для последующей передачи в Академию наук в Петербурге в случае, если он сам умрет. Чекановский во время пешего передвижения из Киева в Тобольск тщательно собирал насекомых, в основном жесткокрылых, клел коробки и закреплял их на вате¹.

Коллекция была интересной с детально записанными датами и местами поимки насекомых, а также особенностями местности их обитания. Мне не удалось убедить Муклановича отправиться с нами за Байкал, поскольку он решил дожидаться амнистии в Усолье. После многочисленных запросов, нам наконец отдали аптеку, но лекарств в ней сохранилось не так много, и полученные лекарства я оставил при себе, учитывая, что в Усолье было достаточное число врачей и аптекарей, и каждый из них имел с собой некоторое количество лекарственных средств.

Когда приехало много людей с семьями, стали устраивать литературные вечера, внизу был зал для дам с возможностью проведения бесед, чтения, игр в шахматы и шашки, но карты попали в запрещенный список, наравне с алкогольными напитками. Я в таких собраниях участия не принимал, целые вечера проводил за выписками из полученных научных трудов, приходя в процессе работы к убеждению, что петербургские натуралисты ошибаются, признавая: 1) авифауну Восточной Сибири почти идентичной с западносибирской и европейской, 2) что Байкал очень беден в отношении фауны низших животных. Поэтому я решил доказать ошибочность обоих этих утверждений. Когда появилось разрешение написать письмо Тачановскому, то сообщил ему о поставленных мною больших задачах, в решении которых он мог быть полезен, и я даже пообещал ему прислать некоторые доказательства, подтверждающие правильность моего мнения по первому вопросу. Доказательства, о которых идет речь, были получены оригинальным способом, поэтому приведу здесь некоторые детали. Я уже упоминал ранее об огромных чемоданах Зигмунта Суминского, а теперь я должен сказать о нем

¹ Коллекция эта поступила в Академию наук вместе с коллекциями, собранными А. Л. Чекановским во время ссылки на Ангарту в 1866–1868 гг. [7, с. 316].

самом и о его посредничестве в получении этих доказательств. З. С. был единственным любимым ребенком матери, иными словами, сформированный женским воспитанием. Это был способный мальчик, но наивен и по-детски самоуверен; после окончания гимназии в Варшаве он поступил в Главную Школу на юридический факультет, в первый год своего обучения был арестован, судим и приговорен к повешению, но по поручению наместника Берга помилован и отправлен отбывать десятилетнюю каторгу в Восточной Сибири, ехал с нами и входил в нашу тесную компанию. Томаш Буржинский, юрист из Киевского университета, по просьбе матери Суминского обязался присматривать за ним. Несмотря на пристальную опеку питомца, она не сильно влияла на его недостатки, и все наше товарищество пыталось поддержать воспитательные усилия Буржинского, используя для этого различные средства, к сожалению, очень редко успешные. Буржинский решил иллюстрировать пороки Суминского на абажуре к лампе в дамском зале в виде наглядно выполненных остроумных карикатур. Почти каждый день Б. добавлял новую карикатуру на новые пороки С., но тот не обращал на них внимания и постоянно выступал перед дамами с хвастовскими заявлениями. Другие старались действовать на него убеждениями, однако в ответ выслушивали бранные обзывания их «дурнями», а некоторым шли угрозы надавать по морде. Нашел себе парня из мазуров в качестве камердинера, поручая ему стелить себе постельное белье, снимать сапоги, подавать халат и одежду, прислуживать за едой, словом, играл роль «просветленного господина». Хитроумный парень стал передразнивать своего хозяина, наняв себе также парнишку и с ним повторял ровно все то же, чему научился у С. и оба при этом смеялись от души. Такое положение сохранялось долго, пока наконец не появился укротитель, прекративший дикие выходки С. Им был Вышинский; он смотрел какое-то время на все молча, но однажды после очередного жестокого инцидента со стороны Суминского, подскочил к нему, схватил двумя пальцами, указательным и средним правой руки, согнутыми крюком вниз, за большой нос С. прокричав «Мандрилка, марш на променад». Крепкое удержание пальцами носа вызвало неожиданное ошеломление подобной прогулкой по залу. Столкнувшись с физическим преимуществом Вышинского, С. не защищался, а смиренно

следовал за своим укротителем, который с этого момента деспотически доминировал над ним. Такое насильственное обучение стало востребованной наукой для С., а усвоив ее, он стал гораздо сдержаннее. Вышинский заявил ему, что до тех пор, пока он не прекратит свои выходки и не перестанет играть роль великого господина, он будет водить его за нос на променады и титуловать Мандрилкой, поэтому прогулки проходили почти каждый день, пока С. не избавился от слуги и не прекратил грубых споров, но от других пороков избавиться, однако, он не смог, потому что они стали его второй природой. Однажды Суминского вызвали к гражданскому губернатору Иркутска. Он облачился во фрак и элегантные аксессуары к нему, туфли, шляпу, белые перчатки, золотую цепочку от часов и другие, надел красивую городскую шубу, и в сопровождении конвоя отправился к губернатору. Перед выходом он хвастливо рассказывал о какой-то княжне Лодойской, своей защитнице в столице, предположив даже, что, возможно, она сама приехала в Иркутск. Эту историю все слушали молча. После нескольких часов пребывания С. в городе он вернулся сияющим и заявил, что ему разрешили выбрать место для проживания, а также разрешили выходить в город с конвоем и даже ездить за город в карете. – «Мандрилка! Ты нас умиляешь!» – воскликнул Вышинский. На что С. в качестве доказательства правдивости своих слов ответил, что я отвезу и вас в Петровск к месту своего пребывания на каторге. Все расходы по проезду вместе с жандармами по почтовому тракту я беру на себя при условии, что вы сдержите обещание и прекратите преследовать меня. Хорошо, – сказал Вышинский, – сдержу данное мною слово, прекращай свои хвастливые заявления, и больше не буду тебя третировать. После этого возникло соглашение между Вышинским и С., по которому они вместе должны были следовать до Петровска. Такая странная история произошла, похожая на сказку. Вышинский утверждал также, что святейшая Латычевская выбрала его в качестве наставника для направления С. по пути человеческого существования. Особенное положение Суминского позволяло ему каждый день выходить в город. Вернувшись после одной из таких прогулок, конвоиры принесли за ним птицу, которую С. купил на рынке, заплатив половину рубля; он хотел, чтобы повар приготовил ее в жареном виде. Имя его я забыл, но он был шеф-поваром

у отцов бернардинцев на Волыни, и как профессионал, сделал видную карьеру в Сибири. Ему разрешили остаться в Иркутске и уже в первый год ему платили 600 рублей при условии нахождения на полном иждивении, а за обучение двух поваров он получал от каждого по 100 р. в год. Перед тем, как отдать птицу на кухню, он принес ее ко мне с целью определения ее вида из-за шуток разных его коллег по поводу того, что он купил хищную птицу с действительно крючковатым клювом, сильными когтями костлявыми ногами. Это был прекрасный экземпляр самца глухаря. Я попросил его разрешения снять кожу для обработки ее Тачановским в лаборатории в Варшаве, а мясо затем передать на кухню. Он согласился с моим предложением, и это был первый экземпляр, добытый в череде других подобных, которые я отпрепарировал в Сибири. Воспользовавшись прогулками Суминского, я получил через него еще один экземпляр самца тетерева, затем сороки, грача и галки. Полученные пять видов авифауны Восточной Сибири я посчитал отличающимися от европейских видов.

Перед отъездом за Байкал все подготовленные и высушенные чучела, смазанные изнутри квасцовым мылом, уложил в коробку и вместе с заимствованными книгами отнес Мааку с просьбой переслать эту коробку через иркутское отделение географического общества в Варшаву на имя куратора зоологического кабинета Тачановского. Маак был излишне добр ко мне и подарил не только свою работу, но и некоторые из работ Радде; если бы я заранее знал о таком подарке, то не делал бы столько выписок, затрачивая на них значительные усилия. Ничего не сказал ему о своих взглядах относительно видов, переданных для отправки Тачановскому, а спросил его только о том, рассматривал ли он эти виды до петербургских академиков? На это он ответил, что рассматривал и никаких отличий от европейских видов не нашел. Второй мой вопрос был о взглядах Академии наук на теорию Дарвина, на который последовал короткий ответ, что никто из натуралистов принять теорию Дарвина не может. Из последовавших ответов Маака стало очевидным мое полное расхождение со взглядами петербургских академиков, исключаящее какую-либо их поддержку, но проще было дело с Тачановским, поскольку я знал, что он слепо верит в догму Линнея «tot numeramus species, quod ad initio creavit infinitum

ens» (видов существует столько, сколько их создало изначально бесконечное существо), и я полагал, что очевидные факты убедят его наконец-то в необоснованности догмы. Я попрощался с Мааком, поблагодарив его за книги и за посредничество в отправке первой моей коллекции птиц из Сибири. Д-р Лаговский с семьей и Феликсом Зенковичем, который занялся обучением его детей, уехали в Усолье, Зигмунт Суминский с Вышинским отправились в Петровск, и через последнего из них я отправил письмо Виктору Годлевскому и Альфонсу Парвексу, сообщая, что я уезжаю за Байкал, в Сиваково над Ингодой, село рядом с городом и было бы очень хорошо, если бы они, прочитав написанное мной, добились перевода из Петровска в Домну рядом с Сиваково, где мы могли бы встретиться. Чекановский также собрался отправиться в Сиваково, поэтому мы могли бы создать там круг натуралистов для всестороннего изучения фауны Даурии. С Годлевским я познакомился во время своего возвращения из Киева в Варшаву, куда ездил уже в период восстания. Парвекса я знал гораздо раньше, он был чиновником на фабрике банковских бумаг в Джезиорной, где директором тогда оставался Сегно. С Тачановским мы посещали Сегно, располагавшего хорошей коллекцией местных птиц, а набивал их в основном Парвекс, ученик немца Кенне и Тачановского, под руководством последнего он знакомился с отечественной авифауной. К сожалению, он, как француз и швейцарский гражданин, мог рассчитывать на скорейшее освобождение из Сибири, о чем уже тогда говорили в Иркутске, поэтому его пребывание с нами могло быть только временным.

Перед отъездом из Иркутска за Байкал я старался урегулировать все свои интересы, направленные на достижение одной цели, связанной с исследованиями природы. Воспользовавшись появившейся оказией, отправил с выезжающим через Тобольск в Европу французом письма: 1) Тобольскому губернатору, Деспоту Зеновичу по вопросу захвата моего капитала, составляющему 400 р. с. начальником тюрьмы Тобольска; 2) второе письмо с обзором проблем я отправил Тачановскому в Варшаву с просьбой тщательного исследования признаков различия между посланными мною видами и подобными европейскими видами. У меня была странная уверенность в правоте своих взглядов, а что я был прав, показали следующие исследования, например:

глухарь иркутский (*Gluszc Irkucki*), которого я тогда называл глухарь Тизенхаузией (*Tetrao Tyzenhausii*), был впоследствии назван Штейнгером через 18 лет глухарем Тачановского (*T. Taczanowski*); и тетерев иркутский считался другим, но не получил названия, я тогда его переводил в *T. Vagii*. Уже имели свои названия сорока, галка темная на шее, отличающаяся от даурской Палласа и Гаурона, о которых, впрочем, я тогда еще не знал, хотя мое мнение, что они отличаются от европейских, победило предложение петербургских академиков и Тачановского.

Я находил основанные на теории Дарвина положения такими же определенными, как и соответствующие базовые принципы самой теории. От своих заключений, изложенных в письме к Тачановскому, я не отказывался и в более поздние времена, а сегодня они стали общепринятыми. Таким образом, сколько может дать нового для исследователя работа с образцами, представленными в Сибирской коллекции, собранной в Варшавском музее. Второй вопрос, связанный с тем, что Байкал должен иметь огромный запас питательных веществ для миллионов рыб, которых здесь ловят, был для меня предельно очевидным и я просто не понимал, как тут можно еще сомневаться; является ли этот запас многовидовым или не многовидовым, или большим или небольшим по числу видов, это были второстепенные вопросы. Четыре вида, описанные Палласом в прошлом веке, три Герстфельдом в 50-х годах нынешнего века, свидетельствовали о том, что форм моллюсков больше. Что касается моллюсков, то раньше было описано только несколько мелких видов. Я поставил перед собой задачу продемонстрировать наличие гигантского пищевого запаса в виде материала для миллионных стай обитающих рыб во время их хода на нерест, а также свидетельств наличия многомиллионного числа мальков, обитающих в озере. Кроме того, в Байкале обитали стада морских собак (нерп), что вместе взятое позволяло сделать вывод о возможности заселения этого пресноводного моря таким же большим числом видов, как и во многих морях с соленой водой.

В то время ученые продолжали считать Байкал бывшим фьордом Ледовитого океана, а именно Пешель, Гумбольдт, Миддендорф так полагали и даже считали, что фауна озера является морским последствием тех далеких времен, когда Ледовитый

океан простирался вглубь азиатского континента. Черский и Чекановский доказали, что Байкал не соединялся с Ледовитый океаном. Для меня в то время не являлось проблемой принадлежность озера, называемого «священным морем», к какому-то морю с нынешними его глубинами, но достаточно было знать, что много веков назад здесь был океан. Так что долгие столетия продолжающегося отхода Байкала от периода прежнего океана приводили к огромным изменениям в его фауне и современным отличиям от морской и, следовательно, новой для исследователей, как об этом свидетельствовали тогда уже описанные виды, например: *Gammarus cancellus*, Pall.; *G. cancelloides* Gerstf. *G. Maackii* Gerstf. *G. verrucosus* Gerstf. *Hydrobia angarensis* Gerstf. *Choanomphalus Maacki* Gerstt.

Вот кратко изложенные общие выводы, к которым я пришел в то время, ставшие обоснованием моей фактической программы исследований.

Прощаясь с Муклановичем, уехавшим в Усолье, я заявил, что если сейчас была бы объявлена амнистия, то я вернулся бы в родную страну не раньше, чем завершив выполнение поставленной перед собой задачи.

С этими мыслями я выезжал за Байкал.

VII. ВЫЕЗД ЗА БАЙКАЛ. ИРКУТСК – СИВАКОВО

В начале весны 1865 г. нам было приказано собираться для отправки за Байкал. Из всей нашей варшавской партии, отправленной 10/VIII 1864 г. в Сибирь, остались только трое, а именно, я, Марьян Дубецкий и Станислав Китлинский, и только мы решили ехать на восток. Нас высылали на реку Ингоду в село Сиваково, недалеко от города Чита, расположенного за Яблоневым хребтом. Ингода вместе с Ононом образуют реку Шилку, а уже Шилка с рекой Аргунь образуют Амур. Все пространство от Байкала до Амра относится к так называемой «Забайкальской области». Собираясь в дорогу, мы опасались конфискации вещей при обыске, осуществляемой Сучкой Н. При таком обыске я мог бы лишиться книг, бумаг, карандашей и записок, сделанных во время пребывания в Иркутске. Случилось так, что в результате инцидента инспектор опоздал с прибытием, а конвойный офицер при заключенных экстренно выехал с тем, чтобы еще днем проехать из Иркутска до Байкала, то есть две станции, всего около 60 верст. В день отъезда до полудня собра-

лись одноконные санные повозки, на каждой из санных повозок располагалось по два пассажира. Повозки были арендованы у их владельцев из-за Байкала, перевозчиков чая, который продавался из Кяхты в Россию; в таких повозках один возчик приходится на три упряжки, в каждой по одному коню, то есть возница только на первой упряжке, а две других связаны с первой и идут друг за другом. У возниц мы узнали, что кони с санями доставлены из Посольска за Байкалом, куда мы направлялись, и они в день преодолевали от 40 до 60 верст, причем первый день до Лиственничного, второй день до Голоустной, а от нее через озеро до Посольска на третий день. Договорились с нашим возницей, что он позволит нам самим управлять упряжкой, но поскольку у него не было дополнительных поводьев, то я дал ему рубль для их покупки, получив, таким образом свободу передвижения. Себе в компанию я выбрал Юзефа Рыбицкого; должен сказать о нем несколько слов. Юзеф Рыбицкий, несовершеннолетний, принадлежал к варшавской организации, был осужден на каторгу, следовал из Тобольска до Томска с Валигором, но по пути заболел тифом, из-за чего его везли в болезненном состоянии, а при появлении острых приступов с бредом, решили оставить его в больнице в Канске, где главным врачом был студент медицины Мигурский. Поначалу для успокоения пришлось связывать Рыбицкого, затем он впал в заторможенное и безвольное состояние. Главный врач прописывал больным тифом «aqua chlorata» и ежедневно приносил бутылку с лекарством, которую ставил в ряд на столе у постели больного.

Сколько дней длилось такое состояние Рыбицкого он не знал, помнил только внезапный приход в сознание, появившееся чувство ужасной жажды, после чего потянулся к бутылке, выпил ее содержимое и заснул, а когда проснулся, то опять опустошил уже вторую бутылку и так до тех пор, пока они не закончились. В комнате, где он находился, других больных не было, и никто к нему не заглядывал. Желая подать о себе известие, он пытался напрасно кричать, и тогда догадался бросить на пол бутылку, на стук появился санитар, увидев больного с признаками жизни, вызвал главного врача и с того времени началось выздоровление, проходившее достаточно быстро, вернулась утраченная было память, однако волосы не росли, и он остался полностью лысым без единого волоса на голове. В результате облысения в

шапке он походил на молодого человека, а без шапки его принимали за сибиряка «старичка»; даже на лице в последующие годы щетина не появлялась.

Озеро Байкал, Култукский залив

С собой у Рыбицкого было мало вещей, так как во время пребывания в больнице, когда считался умирающим, его изрядно ограбили; в Иркутск он прибыл со старостой партии, который захватывал всех отставших по дороге от других партий, что отражало трудности нормального существования в условиях злоупотребления алкоголем, он справлялся со всеми и ни разу не использовал предписанное ему тюремными властями наказание в виде заключения нарушителей в кандалы, а последние выдали ему немалую сумму в компенсацию своей безнаказанности за выходы, связанные в основном с водкой.

Уложив свои вещи на повозки, мы долго ожидали прибытия инспектора; он опаздывал, как я говорил выше. По приезду он приказал нам встать в ряд для так называемой «переключки», а затем начал проверку вещей у тех из нас, кто не успел вынести вещи на повозки, среди которых был пожилой человек Васневский, житель Волыни; имевший на свое несчастье странную поговорку «ясен гром», он постоянно вплетал ее в разговор, и теперь, отвечая на различные вопросы, повторил несколько раз эту свою поговорку. Сучка признал ее за «ругательство» и приказал заключить Васневского в кандалы; не помогло за-

ступничество со стороны старосты и коллег заключенных, и даже конвойного офицера; несчастного наказали. Под грустным впечатлением случившегося мы покидали Иркутск. Сразу за Иркутском был освобожден от кандалов Васневский; ехали мы по покрытой льдом Ангаре, частично по замерзшим еще осенью после паводков участкам, и поздно вечером остановились в Лиственничной, расположенной на берегу Байкала у места истока Ангары из озера. Некоторых из нас разместили по домам местных жителей. В основном в нашей партии теперь были новые, ранее нам неизвестные личности, поэтому я упоминаю о нескольких крупных кругах, сформировавшихся в нашей достаточно большой партии.

а) Круг могилевцев, к которому относились Миткевич Здислав и двое Карницких.

Миткевич Здислав был университетским коллегой Китлинского Станислава и Дубецкого Марьяна, обучавшихся вместе в Харьковском университете. Во время восстания Миткевич, бывший царским камер-юнкером и одновременно могилевским воеводой в составе Национального правительства, был осужден на повешение, но благодаря сильному покровительству со стороны родственников супруги по линии княгини Кучубей, получил помилование. Биографию его я изложил ранее при описании моей поездки из Варшавы на Камчатку, поэтому здесь только упоминаю, что эта княгиня была ревностной католичкой, к тому же польской патриоткой и требовала от своего супруга дать ей слово поститься по пятницам и отвечать обращением к Пресвятой Богородице в день, объявленный ею торжественным с благодарностью за чудесное заступничество Пресвятой Богородицы, милостью которой, по ее мнению, Здислав был спасен от виселицы. В результате З. Миткевич, вольтерьянец и циник, должен был раз в неделю поститься и вынужден был исполнять данные им обещания. Шутник и рассказчик различных историй, он оставался всегда любезным, дружелюбным и веселым, всеми любимым. Братья Карницкие представляли типичных могилевских обывателей, причем старший Константин не мог смириться с условиями нового для него тюремного окружения, брат же его Николай, намного младше его, занялся изготовлением обуви и довел свое мастерство до высокой степени совер-

шенства, с удовольствием учил других и стал образцовым учителем, я перенимал у него понемногу навыки ремесла.

б) Круг «псевдо-Килинского». Главной личностью в этом кругу был сапожник Бржезинский из Варшавы, сторонник взглядов Зыхлинского, он претендовал на особую роль на арене изгнания. Чем он более всего отличался, так это ненавистью по отношению к интеллигенции. В его общество входили ювелир варшавянин Либенау, ставший позже в Иркутске известным первоклассным специалистом в деле золотодобычи, затем какой-то Пихачек или иначе Пиячек. Остальную часть круга составляла безголовая чернь, управляемая через Бржезинского, «атамана кинжала», как его впоследствии называли.

в) Круг художника Козака, к которому принадлежали Танаевский Станислав, бывший офицер драгунов российской армии и несколько галицийцев. Так, например, Брат, урожденный Гроттером.

г) Круг Мазуров, выходцев в основном из Конгресса.

д) Круг Жмудинов, выходцев из ремесленников.

е) Круг Волянян, выходцев из интеллигенции.

К нашему кругу относились только четыре человека: Дубецкий Мариан, Кетлинский Станислав, Рыбицкий Юзеф и я. В первый день мы проехали 60 верст от Иркутска до Лиственничной и поздно остановились на ночлег, поэтому я, не имея возможности осмотреть окружающую нас интересную местность, решил перенести это на следующее утро с учетом полной свободы передвижения и выходов за пределы этапа.

Как я уже отмечал, нас разместили частично на этапе, а частично в доступных домах. Наш круг выбрал стоянку на этапе. Рыбицкий позаботился о чае, для приготовления которого у нас был маленький самовар и медный чайник: после еды, взяв с собой Кетлинского, отправился в дом местного жителя, купца Шишилова, в доме у которого расположились Миткевич и его товарищи братья Карницкие.

Всю компанию мы застали за чаепитием. Хозяин дома – богатый человек, владелец нескольких барж и судостроительных мастерских, арендовал рыбные промыслы на восточном побережье озера и хорошо знал байкальское рыболовство, а также вылавливаемые в озере виды рыб; он оказался разумным, гостеприимным собеседником, ответившим, в компании с нахо-

дившимся здесь Миткевичем, на наши вопросы, а его ответы с некоторыми цифрами привел ниже.

Площадь водной поверхности Байкала составляет более тридцати тысяч квадратных верст (округленно 35 000 кв. км), что в два раза больше поверхности Ладожского озера (18 000 кв. км и почти равна поверхности озера Танганьика в Африке 35 150 кв. км). Протяженность озера до 600 верст (562,620 км). Периметр составляет более 1000 верст. Форму имеет полумесяца, похожего на рогалик, с обращенной на восток выпуклой, а на запад вогнутой сторонами.

В самом широком месте Байкал достигает 60 верст, в самом узком до 24 верст. Глубина оценивается в более чем 800 морских саженей (т. е. 1 772 м). Географическая широта озера у северной оконечности 55°46' и 51°43' у южной (это положение отмечает озеро Байкал между Шауляем на севере и Калишем на юге).

Озеро окружено высокими горами, средняя высота которых достигает 5 000 футов. Красота берегов должна была быть впечатляющей. Высота поверхности озера над уровнем моря определена в одной системе в 625 м, по другой системе в 216,4 сажени или 461,7 м.

В Байкал впадают достаточно крупные реки, а именно Верхняя Ангара, Баргузин и Селенга на востоке, и кроме них 350 меньших рек и ручьев несут свои воды в озеро, в то же время вытекает только одна река Ангара Нижняя, которая в дальнейшем получает название Тунгуска и впадает в Енисей. У места истока из озера Ангара имеет ширину более версты, течение очень сильное, уклон русла составляет изначально 4 м на километр, затем 2 м на километр. В истоке река на пару километров никогда не замерзает, и здесь зимой встречаются различные виды водоплавающих птиц; в ночной тишине слышен их гомон. Рядом с истоком возвышается большая скала, называемая «Шаманский камень», и якобы на ней должны были проходить бурятские суды по шаманскому ритуалу.

Шишилов был поклонником Байкала, предсказывал его значительное будущее, посещал почти все участки побережья озера, рассказывал об интересных памятниках древности, о нанесенных на скалах иероглифах около острова Ольхон и на самом острове. До заселения острова бурятами здесь жили якуты, а от

якутского слова «Байкал», что означает море, произошло и название озера. Ледовитый океан называется якутами «великим морем», Бу Байкал.

Из наиболее характерного для фауны Байкала выделяется наличие морских собак или тюленей, животных, немного меньших морских тюленей, с красивой серебристо-голубоватой однородной шерстью. Из рыб основной является «Омуль» (*Coregonus omul*, *Sieja omul*). Омуль ловится огромными сетями преимущественно вдоль восточного берега. Количество выловленной рыбы этого вида по официальной статистике примерно 500 000 пудов, засаливают ее в огромных бочках по 2000 штук, или в меньших, называемых полубочки по 1000 штук, при покупке бочки цена омуля составляет 6 копеек, в розничной продаже цена 12–15 копеек за штуку. Доход от валового вылова составляет 7 200 000 рублей серебром. По сравнению с омулем остальные виды рыб не имеют существенного значения. Ловится хариус, крупные сиги, осетры и другие виды в небольших количествах. Самый интересный вид байкальской рыбы в терминологии местных людей называется голомянкой (*Corephorus baicalensis*), которую волны выбрасывают на берег озера уже мертвой. Рассказы о ней странные, но лишь показывают наши малые знания о ней. Шишилов превозносил соленый омуль, просил подать несколько штук, готовых к употреблению, мы их попробовали и все присутствующие сочли их превосходными, намного вкуснее сельди; омуль по размеру больше сельди, самки крупнее, достигают до 400 мм, самцы только 380 мм при ширине тела 90–79 мм и толщине 40–30 мм. (Длина сельди с наибольшими размерами только 200–350 мм). Разговор и рассказы Шишилова продолжались долго, я просидел у него всю ночь. В тот момент я пожалел, что решил уехать за Байкал, но все же судьба была для меня счастливой, и я смог проехать через это озеро. Если бы я остался, то много потерял бы в плане занятий научной работой.

На следующее утро осматривал берег Байкала и исток Ангары. Караульный охранник при моей камере стал моим цирцероном, показав сначала на расположенный вдаль за левым берегом Ангары мыс, назвав его Толстым, а затем на место, где находится «шаманский камень», хотя образующая камень скала с берега была едва заметна из-за поднимавшегося над водой тумана в морозное утро, скрывавшего его от глаз наблю-

дателя. Выезд в Голоустную состоялся рано, и преодоление 40 верст шло по дороге, отмеченной рождественскими елочками, реже у берега, в основном по мысам, во многих местах крутые скалы возвышались над берегом, создавая живописные виды. Село Голоустное небольшое, населено бурятами-сибиряками. Мы с Миткевичем и Кетлинским совершили прогулку к православной церкви с образом святого Николая «нерукотворного»; образ в виде деревянной скульптуры, высеченный и вырезанный из березовой колоды, объявлен чудотворным, ему несут обильные дары, дабы он ниспослал великие благословения за эти приношения. Православные сибиряки и буряты свято верят в чудотворность этой статуи. Такой исключительный случай, когда православное духовенство признало скульптуру объектом чудотворения, для которого только живописные образы могли обладать подобным качеством. Однако духовенство имело для оправдания собственное мнение, утверждая, что вырезанная статуя не является творением рук человеческих, а сам образ готов был сойти с небес; такова, по крайней мере, история статуи святого Николая Посольского, и хотя местом его постоянного пребывания являлся Посольский монастырь, он на зимнее время покидал храм в Посольске и в тожественной процессии в сопровождении толпы верующих сибиряков и бурят переносился на западный берег озера в село Голоустное, где проводил время до весны, а затем возвращался на свое постоянное место жительства. Регулярные переселения статуи святого Николая происходили в виде торжественного шествия толпы благочестивых с хоругвями. В дополнение к упомянутому периодическим странствиям, существовало изваяние другое, для летнего времени в Даурии. Монахи собирали приношения от жителей в виде лошадей, крупного рогатого скота, овец, полотна, зерна, яиц, напоминающее происходившее раньше в Литве у бернардинцев с приношениями в движущихся процессиях; установленное на переносном алтаре изваяние сопровождают празднично одетые девочки из деревни в деревню. На таких шествиях происходили настоящие вакханалии, где всем управляли монахи, а помогающая проведению процессии публика, обычно была пьяна, происходили драки и прочие бесчинства. Во время нашего пребывания в Дарасуне мы оказались свидетелями процессии со

святым Николаем, вместе со скандальными сценами, сопровождающими постоянно идолопоклоннические шествия.

Мыс Шаманский в Култуке. Байкальская гидрологическая станция

В Голоустной мы встретили бурят, отличающихся по типу от европейских народов с широкими лицами, узкими припухшими глазами, колючими, с косами, плоскими носами, отсутствующей растительностью на лице, широкими губами, неподвижным подбородком, слабо округлым, черными волосами, жесткими и гладкими. Мужчины обычно носили одну китайскую косу, многие брили головы. Невесты, девицы заплетали множество маленьких кос, замужние женщины имели одну-две косы, цвет кожи светло-коричневый, глаза черные. Выражение лица добродушное, наивное и даже глуповатое. Из тех людей, с которыми мы познакомились, многие относились к так называемым «обрусевшим», составляющим категорию, включающую в себя, таким образом, зло обоих народов, сибиряков и бурят, и самое горькое, это зло, усугубляемое алкоголизмом. Прибайкальские буряты относительно бедны, их одежда, как правило, без национальных особенностей и русского покроя, не заметны богатые женские украшения в виде коралловых бус (маржан), либо больших золотых или серебряных серег и т. п. Идеалом мужской красоты у бурят является широкое лицо и короткая стрижка, черные волосы и темный цвет кожи. На вопрос о том, нравятся ли им поляки, бурятки отвечали, что не нравятся, поскольку у них узкие лица

«как собачьи морды», а волосы «как шелк», то есть как шелковая ткань, а глаза на выкате, как у совы.

После ночлега в Голоустной мы должны были двигаться поперек озера, придерживаясь прямого направления примерно вдоль 52 градусов северной широты, что близко по широте к Скерневицам; протяженность пути по измерениям того времени равнялась 50 верстам. На середине дороги через озеро была устроена стоянка на подобие корчмы со строением, каркас которого покрывал брезент и войлок, используемые обычно для бурятских юрт. В юрте можно согреться, получить дрова для костра, сено для лошадей, готовую горячую еду, хоть и не особо приготовленную, но вполне пригодную для простого смертного. Дорога была отмечена елочками, заглубленными в лед, либо в снежные бурты. Поверхность Байкала во время нашего переезда почти полностью была заснеженной, гладкий лед проступал редко, а еще реже встречались так называемые «торосы» из нагромождений обломков льда. Ни одной трещины в пути нам не попало, на привале в большой придорожной войлочной юрте в течение часа готовили на льду пищу и чай на огне; костер устраивали из дров на поднятых надо льдом железных решетках с загнутыми вниз крючками, чтобы вода от тающего ниже льда не заливала очаг.

Гигантские просторы белой поверхности Байкала, окруженные со всех сторон венком поросших лесами синеющих гор, представляли перед нами во всем великолепии. Безветрие и слабый мороз, всего $-4-5^{\circ}\text{C}$, сопровождали нас всю дорогу до Посольска.

Прибыли мы достаточно рано, разместились на этапе по свободным камерам. На завтра должны были отправиться в небольшой городок Кабанск, расположенный на реке Селенге, где предполагалась дневка или однодневный отдых. Посольск в то время представлял собой маленькое село, известное своим монастырем, огороженным своеобразным крепостным кирпичным забором. Посреди монастыря возвышалась большая церковь, хранившая статую святого Николая; там было много легенд о его чудотворстве. Бурят рассказал нам одну из легенд об этом святом: «Николай несет добро всем, много лет назад наши похитили из Монголии большой табун лошадей, отправились в монастырь, заказали молебен и провели богослужение, молились, зажгли свечи, заплатили монахам и отправились в путь

– счастливо вернулись с огромной добычей скота и лошадей, отдали часть монахам; это так помогло нашему святому Николаю, что и теперь было бы тоже самое, только уже без разрешения властями сегодня подобных поездок в Монголию». Другой бурят рассказывал нам про богатого купца из Иркутска, который даровал святому Николаю два больших серебряных подсвечника, полагая, что безвозмездно в виде приношения, но отнюдь не исключая помощи в том, чтобы разбогатеть, иначе купец не был бы таким щедрым.

С утра появились повозки, одни на саниах, другие на «арбах» или «тыргах», все одноконные и, как прежде, с одним возницей на три упряжки. Арбы на двух колесах типа «бедности» или «беды», отражали до сих пор черты архаичности своей конструкции: два массивных колеса соединены толстой осью, а к ней крепится высокая, но не широкая коробка. Тяжелые оглобли поддерживают переднюю часть коробки и жестко соединены с ней. Основная нагрузка приходится на переднюю часть арбы, и здесь же сидит пассажир. Упряжь лошади должна была быть крепкой потому, что к ней крепились оглобли, удерживающиеся на ремнях, шедших от седла с обеих сторон и надежно закрепляемых снизу. Упряжь была с дугой или без нее. Арба или тырга являлась транспортным средством, задуманным для ровных степных пространств, а в горной местности оно сильно утомляло лошадь и часто калечило ее. Разглядывая арбу или тыргу, называемые на сибирском наречии «одноколками», в своих мыслях я перемещался в древние времена, когда у наших предков не было других повозок, кроме таких, как сегодняшняя бурятская тырга. Нельзя было и думать о комфортной езде на такой повозке. Нам досталась арба. Сложили вещи в передней части коробки и уселись на них, ноги свесили наружу арбы и сначала ехали медленно, пока не вышли на лед реки Селенги. Здесь начались такие пытки, что мы решили идти пешком. Ледовая дорога, по которой за зиму прошли сотни обозов, была изрезана параллельными бороздами, выглядевшими так, как будто кто-то это специально придумал. Неподкованные бурятские кони ставили ноги в борозды, где появлялась хорошая опора, отсутствовавшая на гладком льду. Борозды постоянно углублялись и поэтому наш путь проходил по прорезанным глубоким канавам; расстояние между бороздами в среднем равня-

лось длине шага медленно идущего человека, то есть почти полметра, поэтому из-за приходившихся на километр дороги двух тысяч борозд арба испытывала много сильных и чувствительных толчков; удары были так неприятны и утомительны, что, как я уже сказал, мы решили двигаться пешком. Легко было сказать, но сделать оказалось труднее. Мы быстро устали и тогда я задумал сесть на лошадь и ехать верхом, для чего сложил в несколько слоев купленный в Тюмени коврик, служивший для обвязки вещей, положил его на седло, сел сверху по-женски боком, опустив ноги за края оглобли. Усевшийся на вещах Рыбицкий имел больше свободного места для сидения и страдал меньше, пытаясь найти облегчение в ругательствах в адрес тех, кто придумал и использовал арбу. Серьезно уставшие приехали в Кабанск, миновав по дороге станцию Степноворечную в двух верстах за Посольском.

В Кабанске нас обеспечили жильем в приличном еврейском доме. Местные еврейские жители строго придерживались заповедей талмуда, отдаляли себя от гоев или необрезанных как оскверненных и нечистых; для них имели тrefную посуду, и старательно охраняли свою кошерную посуду от прикосновения ртом или руками гоев. Приехав в пятницу, мы увидели здесь повторение всех талмудических обычаев, о которых хорошо знали по Литве. И так в шабат горели шабатские огни, шли молитвы вдесятером и так называемые «рубашки смертных», в том числе и здесь евреи имели своих шабесгоев, прислуживавших им во время шабата, а тот же Кабанск выглядел как еврейский городок в Литве, но с тем отличием, что в субботу были открыты ларьки, где необходимая торговля велась шабесгоями под контролем еврейских женщин.

В период нашего пребывания здесь умер Васневский; после однодневного отдыха и похорон покойного коллеги, отправились в дальнейший путь по реке Селенге до Верхнеудинска. От станции Половинной мы перешли на сухопутный тракт. Езда стала более терпимой, уже не было больше поперечных борозд на дороге, хотя в любом случае передвижение на тыргах оставалось крайне неудобным и, следовательно, утомительным. Не раз нам приходилось идти пешком, чтобы отдохнуть. В Верхнеудинске наше пребывание было кратким. Сторонники взглядов Зыхлинского имели возможность посетить его в больнице,

пригласить этого злодея в Сиваково, что впоследствии стало причиной уродливого инцидента во время нашего пребывания во вновь созданном тюремном учреждении. Приглашать псевдо-больного Зыхлинского я не ходил. Из Верхнеудинска, в значительной степени заброшенного городка, дорога шла в город Читу, поднимаясь все выше и выше к вершинам Яблоневого хребта. Станций на этой дороге оставалось четырнадцать:

1) Нохойская, 2) Курбинская, 3) Тынгироболдатская, 4) Тарбагатайская, 5) Кульская, 6) Онинская, 7) Градская, 8) Поперечная, 9) Погромнинская, 10) Укырская, 11) Домнинская, 12) Вершиноудинская, 13) Кондыйская, 14) Беклемишевская; за ней мы проехали наивысшую точку на дороге и начали крутой спуск к станции 15) Ключевской, расположенной у подножия восточного склона в сторону долины реки Ингоды.

Байкал находится на высоте 625 м над уровнем моря (по другим измерениям около 461 м).

От Верхнеудинска до Читы расстояние 420 верст. Полностью дорога от Иркутска до Читы зимой составляет 692 версты.

Яблоневый хребет сохранил название от бурятского оригинала «Jableni daban» (Дабан-горы, Яблоневые слабонаклонные), некрутые «пологие» по-русски. Окрестности тех мест, по которым мы проходили пешком, на начальном участке имели степной характер, по мере подъема появлялись деревья, сначала сосна, затем сибирская лиственница, в долинах встречались ивы, а также пихты, похожие на наши ели.

Эти районы населены были кочующими бурятами, а деревни, разбросанные среди бурятских кочевников, заселили переселенцы из Польши в период правления Екатерины, так называемые семейские, русские старообрядцы, которые ранее находились в нашей стране. Во время нашего похода произошло событие, связанное со смертью одного из наших коллег, ссыльного варшавянина, больного туберкулезом и внезапно умершего на этапе. Его везли пару станций, и затем похоронили на первом кладбище среди могил православных. Буряты не хоронят мертвых, а вывозят их в степь и там кладут труп на землю. Собаки и волки разрывают его на части, для ворон и воронов остается что-то после них. Собирая в более поздние времена бурятские черепа для музея в Иркутске, научную основу которого разрабатывал Черский, я определил, что проходит менее дня с момента вы-

воза трупа до его нахождения разорванным на части и с отгрызенным черепом. По присутствию ворон и воронов можно легко найти место в степи, где лежит недавно вывезенный труп. Участки дороги мы преодолевали в обычном режиме, оставаясь на ночлег преимущественно на этапах. Бурятские деревни состояли в основном из войлочных юрт. Привередливые искали ночлег на почтовых станциях. На одной из таких станций по пути ночевал Миткевич. Гостеприимный начальник станции предложил ему куриные яйца всмятку. Миткевич согласился с предложением, не спрашивая цену; при расчете за каждое яйцо с него взяли по рублю. Начальник объяснил это тем, что кормление кур зимой обходится ему дорого. Забайкальская весна сухая и светлая, днем тепло, ночью морозно; снег зимой здесь выпадает редко, ветры загоняют снег к долинам и ущельям, а степь остается без снега.

В некоторые годы весной повторяются сильные снежные метели, угрожающие стадам крупного рогатого скота и овцам, остававшимся всю зиму на подножном корму. В степной части Забайкалья растет трава, называемая пырей (*Elimus pseudoagropirum*), это плотная и сухая трава является достаточно питательной; табуны лошадей, большие стада скота, овцы, верблюды выдерживают долгие месяцы на этом корме. Сколько их погибает каждый год из-за истощения, статистики нет. В целом государственная статистика абсолютно фиктивная. Гораздо позже мы не раз имели возможность убедиться в фальсификациях, представляемых старостами общин и казацкими атаманами высшим властям. Когда мы поднялись на самую высокую точку перед спуском в долину реки Ингоды, решили идти пешком, не доверяя лошади нашей упряжки, которая была с норовом; одно колесо у тыргы тормозилось куском веревки, а кусок крепкой жерди я держал в руке на тот случай, если нужно будет тормозить второе колесо. Рыбицкий шел сбоку с поводьями в руках. В пункте, о котором идет речь, на левой стороне дороги стояла специально возведенная открытая беседка, представлявшая собой «часовню» или капличку, а рядом с ней буряты оборудовали свое «обо», то есть место, где предлагались подношения духам-хранителям. Упомянутые «обо» были разнообразными, как, например, установленные грубые жерди, завешанные лоскутами разноцветной материи, висящими пучками конских

волос, вырванных из хвоста и гривы. В таежных местах, где не бывает православных, буряты оставляют на земле у свои «обо» мелкие серебряные монеты, иногда укладывают перед проходящими груды из камней, между которыми втыкают ветки деревьев с привязанными лоскутами одежды и конского волоса. Обычно в таких местах, считающихся священными, проезжающие останавливаются, совершают молитвы своим духам-хранителям, а православные многократно обращаются со словами «Братский Бог, крепкий Бог». Дорога хоть и была плохой, но не такой ужасной, как нам о ней говорили: это было ущелье, но довольно широкое, местами выступавшие скальные глыбы становились обычным простым гравием, так что нам даже пришлось освободиться от тормоза, и мы с Рыбецким помогали лошади тянуть повозку.

Дикая природа ущелья поражала своеобразной красотой, напоминая мне татранские ущелья, где я бывал на экскурсиях во время обучения за границей. Ущелье тесно заросло древесной и кустарниковой растительностью, появлялись разнообразны скальные образования и бегущие ручьи, но и в таком виде это был единственный тракт, соединяющий Даурию с метрополией Восточной Сибири. Дорогу на всем протяжении от села и станции Ключевской вверх до Беклемишевской строили наши товарищи, ни один из которых вероятно не думал, даже на проходимых нами участках бездорожья, что они будут использованы для этой тяжелой работы, а именно копания придорожных канав, раскалывания скальных обломков в щебень, укладывания дамб и т. п. Говорили мы о состоянии дорог того времени, о недалёковидности административной власти края, и сколько еще пройдет десятилетий, прежде чем через пустынные пространства здесь будет проложена железная дорога. Никто из нас не мог предсказать ближайшее будущее, хотя еще при нашей жизни дорога была построена.

Ущелье расширялось ближе к выходу в долину. Дорога становилась терпимой, мы сели в наши тыргы и рано приехали в село Ключевское, последнее перед Сиваково. Дом, в котором мы остановились, принадлежал вежливым хозяевам и между нами установились дружеские отношения, тем более, что пригодились мои медицинские знания для лечения больной дочери, страдающей «хроническим конъюнктивитом».

Быстро перекусив, мы отправились на холм, расположенный недалеко от села, чтобы издалека разглядеть место нашего будущего пребывания; у меня с собой был небольшой телескоп, который сопровождал меня в Татрах; теперь он служил мне для проведения рекогносцировки долины реки Ингоды. Мне смутно представилась эта долина – я видел широкое плоское пространство, уходящее далеко к горной цепи, параллельно Яблонево-му хребту: пустынное пространство без деревьев, без видимого берега реки, решил, что река Ингода не широкая и с глубоко врезанным в долину руслом. Вернулся я после осмотра разочарованным из-за отсутствия в окрестностях рощ с поющими птицами, островов посреди широкой реки.

Вечером слушали рассказ хозяина об охоте в горах; он только месяц назад вернулся с гор, где у него охотничье зимовье и он там располагается зимой. Не имея сына, сопровождала его на охоте старшая дочь и там, в обычно задымленном зимовье, она получила воспаление глаз. Охотятся там в горах на косуль и оленей, загоняя их в тесные ущелья, стреляют белок и глухарей. Прошедший год не был удачным для охотников. Про Сиваково хозяин рассказывал, что на берегу находились верфи для строительства барж, используемых при доставке военных припасов, соли, муки, круп, овса, местное производство которых на Амуре крайне ограничено. В Сиваково располагалась паровая лесопилка и другие «фабрики». Строились «баржи» для продажи купцам. В прежние времена крестьянское и казацкое население получало значительные доходы от выполненных по найму работ, но сейчас все работы выполнялись заключенными, осужденными на тяжелые работы; ваши «паны», повествовал рассказчик, также привлекались для таких работ. По сравнению с предыдущими годами, строительство барж существенно сократилось, поскольку баржи и суда стали строить на Шилке. Хозяин был, по его словам, несколько раз на Амуре, восхищался красотой гигантской реки.

Из его рассказов я узнал о животных, обитающих в горных лесах по долинам рек Ингода и Онон. Он показывал шкурки «колонка», из рода ласок, *Mustela sibirica*. Название я знал по Литве, видел там целые шубы из меха колонка, ценные за желтоватый теплый мех. В детстве у меня был колонковый мех. Рядом с этой лаской лежал еще хорек «Кузун будун», именуемый «*Putorius Eversmanni*»; его мех намного светлее наших

хорьков, но с гораздо более длинным волосом и намного плотнее мехом. В верховьях Ингоды были лоси с огромными рогами, в березовых лесах встречались белки, летающие «летаги», наши полетучки. Спрашивал его о кротах, но он о них ничего не знал. Просил его также доставать мне раков и всяких добываемых животных на охоте, начиная с белок.

Из сказанного им о жизни наших заключенных, наблюдаемой при частых посещениях Сиваково, я сделал вывод, что там не слишком плохо, хотя и не так хорошо. На следующий день должны были прибыть повозки, заказанные в окрестных деревнях и из Читы. Читинские жители присылали большие лиственничные повозки, запряженные двумя быками. Должны были быть повозки даже из Александровска за Читой; он сам собирался везти нас на повозке русской. Наш хозяин был предприимчив, имел двух батраков, которые работали в лесу на заготовке строительного леса для сплава и дров для отопления, одновременно ставил «заездки» или загороди на рыбу, куда попадались лососевые рыбы, так называемые таймени и ленки; сегодня хозяйка дома угощала нас «пирогом с тайменем» на ужин; кстати, кроме рассказов о рыбе удалось узнать, что в Ингоде есть раки, но они маленькие и их православные не едят. Сообщение о раках очень заинтересовало меня, поскольку ранее на мои вопросы в пути о раках следовал ответ об их отсутствии в Сибири, как отсутствию тех же бобров. Это сообщение подтвердил наш хозяин.

Список источников и литературы

1. Шостакович Б. С. Фрагменты неопубликованной эпистолярной и мемуарно-очерковой «сибирики» Бенедикта Дыбовского // Бенедикт Дыбовский. Новосибирск: Наука; Сиб. изд. фирма РАН, 2000. С. 202-221.
2. Дыбовский Б. Автобиография // Пятидесятилетие ВСОРГО. Юбилейный сборник под ред. А. Коротнева. Фауна Байкала. Киев, 1901. Вып. 1. С. 1-12.
3. Кожова О. М., Шостакович Б. С. Бенедикт Дыбовский – ученый, патриот, гуманист // Бенедикт Дыбовский. Новосибирск, 2000. С. 8-14.
4. Тымовский Михаил, Кеневич Ян, Хольцер Ежи. История Польши / Пер. с польск. М.: Изд-во «Весь Мир», 2004. 544 с.
5. Dybowski, B. Pamiętnik d-ra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 poczynawszy do roku 1878. Lwow, 1830. 630 s.
6. Иванов А. А., Кузнецов С. И. К вопросу о пребывании ссыльных поляков – участников Январского восстания в Иркутской губернии (1863–1883 гг.) // Сибирская ссылка. Иркутск, 2017. Вып. 8. С. 349–371.
7. Чекановский А. Л. Сборник неопубликованных материалов Л. А. Чекановского, статьи о его научной работе. Ред. С. В. Обручев. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1962. 364 с.

УДК 947.081(571.54)

Матханова Н. П., Новосибирск

**Воспоминания А. В. Глинского¹ о побеге из Баргузина
Е. К. Брешко-Брешковской и ее товарищей и их поимке**

Аннотация. Публикуемый ниже документ – воспоминания начальника Верхнеудинской местной команды А. В. Глинского, служившего в 1875–1888 годах в различных регионах Сибири, в том числе в Забайкалье. В 1881 г. он был привлечен к поимке бежавших из г. Баргузина политических ссыльных Е. К. Брешко-Брешковской, И. Л. Линева, Н. С. Тютчева и К. Я. Шамакина. В воспоминаниях этого офицера есть новые неизвестные детали побега, которые дополняют и уточняют имеющиеся факты, позволяют сравнить описание событий с двух, «противоположных», сторон – бежавших и догонявших, что достаточно редко встречается в историографии и делает записи А. В. Глинского особенно ценным историческим источником.

Настоящий текст снабжен комментариями, выполненными д. и. н., профессором А. А. Ивановым.

Ключевые слова: А. В. Глинский, политические ссыльные, побег из Баргузина, Е. К. Брешко-Брешковская, Забайкалье, 1880-е годы.

Mathanova N. P., Novosibirsk

**Memories of A. V. Glinsky on escape from Barguzin
E. K. Bresko-Breskowska and her comrades and their capture**

Summary. The document published below is the memories of the head of the Verkhneudinsky local team, A. V. Glinsky, who

¹ Российская Государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 178. Музейное собрание. № 8323. Глинский Антоний Викторович, генерал-майор: «Воспоминания о тринадцатилетней службе и жизни в Восточной Сибири с 1875 года по 1888 год, или дореформенная Восточная Сибирь тридцать лет тому назад». Тетюши, 1909 г. Рукопись – автограф с правкой и пометами чернилами и карандашом, занимает около 200 листов с оборотами. Общую характеристику источника см.: Матханова Н. П. Воспоминания генерал-майора А. В. Глинского о сибирской службе (к характеристике источника) // Исторический курьер. Эл. журнал. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-pdf>

served in 1875–1888 in various regions of Siberia, including Transbaikalia. In 1881, he was brought to capture the political exiles, E. K. Bresko-Breskowska, I. L. Linev, N. S. Tyutcheva and K. Y. Shamarin, who had fled from Barguzina. In the memories of this officer there are new unknown details of the escape, which complement and clarify the available facts, allow to compare the description of events with two, «opposite», sides – fled and caught up, which is rare enough in historiography and makes the records of A. V. Glinsky a particularly valuable historical source.

This text contains comments made in professor A. A. Ivanov.

Keywords: A. V. Glinsky, political exiles, escape from Barguzin, E. K. Breshko-Breskowska, Transbaikalia, 1880s.

Текст: (Л. 118) Летом 1883 года я был командирован курьером в Баргузин для поимки бежавших оттуда административно-ссылных политических: Тютчева, Линева, Шамарина и / (л. 118 об.) Брешковской. До села Кабанского, лежащего¹ западнее Верхнеудинска, я ехал по тому же тракту, по которому ехал уже шесть раз, а с села Кабанского я двинулся прямо на север по восточному берегу озера Байкал по гористой сравнительно хорошей дороге 700 верст; въехавши на берег Байкала я был поражен сильным плачем, совершенно похожим на плач человека, это плакали нерпы, которых убивали козаки, отогнав их предварительно от берега; из убитых таким беспощадным образом, палками по голове, вываривали жир; далее я был поражен сильным запахом серы, узнав что в 10 верстах находится горячий серный источник, где устроен небольшой лазарет и ванны, тогда уже бывшие в совершенной ветхости; у самого почти Баргузина; я снова почувствовал запах серы. Эти знаменитые горячие^{2 3} ключи⁴ (40°) Гусихи; по рассказам на этом тракте можно встретить массу медведей, но я ни одного не видел, о чем и сказал исправнику по прибытии в Баргузин; но он мне ответил, что это редкий случай и на обратном пути вы наверно / (л. 119) встретите, потому что это бывает всегда, когда я езжу по округе. Город Баргузин жалок во всех отношениях,

¹ Далее зачеркнуто южне

² вписано над строкой вместо зачеркнутого сильный

³ испр, в ркп горячий ключ

⁴ далее зачеркнуто горячий

пятьсот человек жителей, считая в том числе и административно ссыльных; местные жители главным образом занимаются засолкой омуля и отправлением его во все места Восточной Сибири; ловля этой рыбы определена законом в известное время, разрешение же исправником в неуказанное время составляло изрядный доход полиции, так что *назначение на место Баргузинского исправника оплачивалось очень крупной взяткой в Чите*; я застал исправником старого Языкова; но очень ловкого полицейского чиновника имевшего большую силу в Чите; поручение мое было, независимо расследования побега, еще и следующее обстоятельство: исправник донес, что баргузинские административно-ссыльные затевают бунт, собираясь на митинги

Е. К. Брешко-Брешковская

по красному флагу, вывешиваемому над крайним домом; в действительности же оказалось, что вывешивание старого красного полотна производилось случайно, как знак, что *обед и ужин в общей кухне готов*, и все желающие кушать могут идти обедать или ужинать, глядя по времени; избранная ссыльными из своей же / (л. 119 об.) среды кухарка не имела возможности кого-либо рассылать с извещением, а придумала давать сигнал флагом¹. В Баргузине² жил³ в административной ссылке бывший секретарь Одесской думы Гернет за то, что⁴ генерал-губернатора Тотлебена назвал вором; некто Горяинов, сапожник по профессии,

¹ *е* далее зачеркнуто Когда они и Жизнь ссыльных;

² *ж* далее зачеркнуто была невозможна, в особенности людей интеллигентных, семейных; никакой деятельности, где бы можно было заработать копейку, всякая отлучка из города строжайше воспрещалась, даже езда верхом, грамоте учить детей воспрещалось; мотивы же административной ссылки иногда доходили до смешного, напр[имер]

испр., в ркп. инт[елли]гентных;

испр., в ркп. грамоти;

³ *вписано над строкой*; далее зачеркнуто был сослан административно без срока;

⁴ далее зачеркнуто сказал;

вращаясь между молодежью в Одессе, стал часто и без толку сыпать модные слова: социология¹, терминология, эмансипация, цивилизация; причем значения этих слов совершенно не понимал, за это его поселили без срока, с женой модисткою и двумя маленькими детьми *в Баргузине, где они не могли себе найти работы*, он – потому, что на весь город в течение года шилась только одна пара сапог, а она – потому, что дамы Баргузина не шили модных / (л. 120) платьев, а ходили всегда в сарафанах². Ни один из забайкальских губернаторов никогда не был в Баргузине; баргузинская тайга населена бродячими тунгусами, которые находятся в³ диком состоянии, они которые собираются в город только для уплаты ясака⁴, который⁵ вносят в казначейство шкурками: соболя и белки; соболь здешний ценится очень дорого, почти каждый год попадает несколько шкур белого редкого соболя, который, как здесь говорят, идет Царице матушке на шубку.

/ (л. 120 об.) Приступив к производству расследования о побеге, я убедился, что бежавшие подготовлялись очень долго: сушили сухари, вялили рыбу, словом, заготавливали для себя провизию, запаслись винтовками и револьверами; достали таежную карту и компас, приобрели четыре лошади с седлами, и мы пред[по]ложили, что бежавшие пошли в тайгу искать истоков Амура, что[бы] сделать себе плот и таким образом спуститься вниз и достигнуть своей заветной цели, севши на иностранное судно, достигнуть Америки; один из бежавших, *Линев, был прежде в Америке плантатором*; снарядивши отряд в 15 человек казаков, я с исправником, запасшись провизией, отправились в тайгу на розыски. Пробродив по тайге три недели, мы нигде /

¹ *испр., в ркп.* социалогия;

² *далее зачеркнуто* Это такой город, что, говорят, медведи подавали прошение о зачислении их в баргузинские мещане; кстати, они там особенные, питаются карасями; сидит медведь над озером и караулит карася, который любит, повернувшись боком, греться на солнце, тогда медведь лапой его поглотит и вытаскивает из воды и прячет в особо выкопанную им ямку в лесу и есть его только тогда, когда он протухнет. Эти медведи очень смирные, никогда не трогают людей, они достигают огромных размеров; из шкуры одного медведя я купил одеяло, имеющее сажень в квадрате;

³ *далее зачеркнуто* совершенно;

⁴ *далее зачеркнуто* то есть подати;

⁵ *далее зачеркнуто* они;

(л. 121) не нашли даже следов бежавших, встречая только диких тунгусов, которые, заметив нас, куда-то исчезали, только один старик тунгус, сидевший около какого-то минерального ключа и лечивший глаза, жестами показывал, что он видел недавно четырех каких-то людей на лошадях; но что они делали и куда девались, неизвестно; нечего делать, мы за истощением провизии решили вернуться. Но оказалось, что горные речки настолько наполнились водой, что пришлось[сь] их переплывать на лошадях вплавь, течение было настолько быстро, что такая переправа могла окончиться очень печально, берега обрывистые крутые. В передний путь все эти речки были совершенно сухи; был очень жаркий день, и мы все купались, причем на месте, где раздевались, мы нашли бумажки от конфет Ляндри́н, так как такая вещь могла принадлежать только бежавшим, то мы приняли эти бумажки за верный след и, действительно, поблизости нашли по видимому место ночлега, остатки костра и четыре кола, вбитых в землю, к которым были привязаны лошади. / (л. 121 об.).

Казакі отправились на розыски, верст через пять найдено место второго ночлега, затем с горы казак заметил с ружьем одного из бежавших и прискакал сообщить об этом; тогда весь отряд двинулся вперед и примерно окружил становище бежавших и начал кричать: православные, сдавайтесь; к вечеру¹ вышел из леса Тютчев² и вступил в переговоры; оказалось, что бежавшие *съели не только всю провизию, но и лошадей*, последнее время кормились птицей, которую убивали в лесу, но таковая редко попадалась; как видно заблудились, вместо истоков Амура попали на истоки Лены и *видно было, что они были рады, что мы их нашли*, иначе им угрожала голодная смерть; прежде³ всего мы их обыскали, *отняли*⁴ *оружие*, за исключением Брешковской, которая для обыска требовала женщину; надо заметить, что эта преступница не имела ничего женственного, черная, безгрудая, стрижена по мужски в скобку, одета по мужски же в рубаху на выпуск и в кафтан; сапоги / (л. 122) смазные; а между тем *все трое бежавших мужчин были в нее влюблены, из*

¹ на левом поле отчеркнуто красным карандашом;

² подчеркнуто красным карандашом;

³ отчеркнуто красным карандашом на левом поле;

⁴ подчеркнуто красным карандашом;

них самый молодой, студент Шамарин, был влюблен в высшей степени. Она представляла какое-то омерзение; когда привезли бежавших в Баргузин, то акушерка вынула из под грудей револьвер, бумаги¹ и две пачки патронов; привезя их в Баргузин, исправник приказал заковать их. Я, окончив следствие, которое оказалось на 300 листах, с вещественными доказательствами, и все это вместе с пойманными я повез на двух почтовых кибитках, под конвоем трех казаков, в Верхнеудинск для заключения их под стражу; а дело повез в Читу губернатору. Впоследствии по решению суда бежавшие были отправлены в ссылку в г. Вилюйск Якутской области². На обратном пути из Баргузина мы действительно встретили массу медведей.

Комментарии

Приведенный выше отрывок воспоминаний посвящен побегу четверых народников, политических ссыльных из г. Баргузина Забайкальской области, совершенному в 1881 г. Советская историография традиционно оценивала побег революционеров с места поселения или каторги как акт сопротивления царскому режиму, как стремление, несмотря на немалые трудности и риск быть пойманным, быстрее вернуться в ряды активных борцов с самодержавием. Соглашаясь в целом с подобным отношением, добавим лишь, что в 1880-е годы побег из Сибири были еще редки, железной дороги не существовало, а на Московско-Сибирском тракте каждый человек был «на виду», в силу чего проехать незамеченным несколько тысяч верст было практически невозможно.

Учитывая эти обстоятельства, «невольные гости Сибири» сторонились Великого тракта, стремились выбрать более безопасный и оригинальный способ бегства или маршрут. Вот почему некоторые из беглецов пытались бежать не на запад, в Европейскую Россию, а на восток, в Северную Америку, оттуда в Европу, а затем уже в Россию. Именно так поступил, к примеру, М. А. Бакунин в 1861 г., скрывшись из Иркутска, именно такого плана придерживались и «наши баргузинские беглецы».

Из четырех бежавших самым громким было имя Е. К. Брешко-Брешковской, поступившей в Баргузин после каторги. Все ее мысли были направлены на скорейшее возвращение к активной

¹ вписано над строкой;

² далее зачеркнуто где сальные свечи подают как редкое кушанье в виде десерта, конечно, у местных жителей.

агитационной работе, поэтому подготовка к побегу началась еще в 1879 г.: была сформирована группа из четырех человек, на краю города, подальше от праздных взоров был снят большой дом, закупаались лошади и провиант, аккумулировались денежные средства.

Весной 1881 г. организация «самовольной отлучки», как об этом потом напишет сама Брешковская, вступила в решающую стадию – ссыльные совершили несколько разведочных походов в окрестности Баргузина, нашли проводника из местных жителей, разработали маршрут – «пройти тайгой к истокам Амура, спуститься вниз по реке, пробраться затем в Японию, а дальше вернуться в Россию»¹. Из телеграммы верхнеудинских властей в Иркутск можно точно установить день побега революционеров из города: «Девятого июня бежали Баргузина государственные преступники Николай Тютчев, Константин Шамарин, Иван Линец, Екатерина Брешковская. Селенгинскому, Троицкосавскому и Акшинскому исправникам учредить надзор направлении всей Китайской границы и прочим полицейским властям приказано принять все меры к розысканию преступников»².

Побег вызвал настоящую панику в рядах сибирской администрации, а ее действия получили жесткую оценку на самых «верхах». О серьезности положения может свидетельствовать телеграмма министра внутренних дел Иркутскому генерал-губернатору с предложением предпринять самые решительные действия к немедленному обнаружению ссыльных и предоставить материал «для доклада Его Величеству»³.

История побега хорошо описана Н. С. Тютчевым, вспоминающего о нем оставила и сама Брешковская. Бежавшие пытались пройти тайгой на юго-восток, преодолевая отвесные подъемы и горные реки. «Приходилось идти по таким острым и крутым хребтам, – вспоминала Брешковская, – что более слабые лошади не могли держаться и, оступившись, падали, скатываясь под гору кубарем... Вьюки не давали им подняться, тогда товарищам по одному приходилось спускаться вниз, сначала развьючить коня, ставить на ноги, снова навьючить и тащить его, перепуганного и

¹ Тютчев Н. Побег из Сибири политических // Каторга и ссылка. 1924. № 2. С. 210.

² ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 82. Л. 1.

³ Там же. Л. 8.

избитого, с большими усилиями к нам наверх. Скорей, скорей, вперед! Но скорость не давалась...»¹

Через несколько дней беглецы сбились с дороги, окончательно заблудились, проводник их бросил. Они потеряли запасы продуктов и, окруженные чинами полиции, мобилизовавшими местных жителей, вынуждены были, не приняв боя, сдаться. Их привезли в Верхнеудинск и содержали в здании военной гауптвахты. Следствие о побеге закончилось в августе 1881 г.: Линева, Тютчев и Шамарин были высланы в Якутскую область, Брешковскую же решено было отправить повторно на Кару.

Побег Е. К. Брешко-Брешковской, Н. С. Тютчева К. Я. Шамарина и И. Л. Линева вызвал незамедлительное усиление режима надзора за политическими ссыльными. Уже в конце июля 1881 г. было признано необходимым «для ближайшего наблюдения за государственными преступниками» иметь в Баргузине «в помощь местной полиции особое благонадежное лицо». На его содержание выделялись немалые денежные средства из «секретной суммы», предназначенной для оплаты агентуры среди политических ссыльных. Полицейский пристав просил также увеличить вдвое количество казаков, для охраны «политиков», доведя их численность до 10 человек. Таким образом, на каждого политссыльного в Баргузине планировалось иметь практически одного казака или полицейского чина².

Перейдем теперь к непосредственному комментарию текста А. В. Глинского.

«*Летом 1883 г. ...*» – ошибочно указан год побега, на самом деле, 1881-й. Это был, вообще, весьма беспокойный для сибирских ссыльных год: 1 марта, как известно, был убит народовольцами Александр II. Эта весть весьма быстро дошла до сибирских колоний, вызвав у одних ссыльных надежды на скорую амнистию в связи с приходом на трон нового Романова, у других привела к росту нетерпения и стремления к побегу для скорейшего возвращения в Европейскую Россию. Вот почему описываемую «самовольную отлучку» из Баргузина можно вполне считать следствием этих явлений.

¹ Брешковская Е. К. Побег (отрывок из воспоминаний) // Дни. Берлин. 1924. 20 янв.

² ГАИО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 335. Л. 1–12.

«...назначение на место Баргузинского исправника оплачивалось очень крупной взяткой в Чите». – Полицейские исправники брали взятки не только в Забайкалье. В качестве примера баснословных доходов исправника в Сибири приведем выписку из политического обзора, составленного Иркутским губернским жандармским управлением по Верхоленскому округу за 1886 г.: «Верхоленский Окружный Исправник Киселев, получая содержание от казны вместе с квартирными 1650 руб. в год, пользуется кроме того содержанием от 3-х волостей его округа по 600 руб. в год, всего 1800 руб., от 3-х родовых Управ и Дум с одной 600, с другой 500 и третьей 400 руб., всего 1500 руб., от винокуренных заводов: Домбровского 1000 руб., Голдобиной 1000 руб., с винных складов: Нечаева 300 руб., Николаева 300 руб., Харакова 200 руб., от 3-х складов с. Знаменского 450 руб. и других мелких – 500 руб. – всего 8750 руб. Все это составляет определенное и неизменяющееся содержание Исправника, и выплачивается ему аккуратно помесечно. Случайные же его доходы составляют: ревизия сельских хлебных магазинов, дающая ему довольно солидную сумму, требование поправки дорог в самое рабочее для крестьян время. Приход в Верхоленск паузков с товарами и беспаспортными людьми, пропуск и отправка их в Витим, получение натурой водки не менее 5 ведер с каждого склада по несколько раз в год; и получение безвозмездно различных жизненных продуктов. Все содержание его деньгами и натурой заключается от 10 до 12 тысяч в год»¹. Как видим, реальный заработок исправника превышал положенный по штату в 6–7 раз и был сравним, пожалуй, с содержанием самого губернатора.

«...что обед и ужин в общей кухне готов...» – колония политических ссыльных в Баргузине была одной из самых значительных в Западном Забайкалье и имела «свою историю», которая началась задолго до описываемых событий. Так, еще в 1681 г. в Баргузинский острог из Якутска были сосланы сыны боярские Юрий Крыженовский и Петр Ярыжкин, провинившиеся на службе в Охотском и Зашиверском острожках, с женами и детьми. В 1682 г. сюда же на пашню было определено восемь ссыльных крестьян из Спасского монастыря Костромского уезда². Хорошо известно,

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 14. Л. 23–23 об.

² Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 41, 42.

что в Баргузине в 1830-х годах жили В. К. и М. К. Кюхельбекеры. В 1862 г. здесь был поселен Н. А. Григорьев, дворянин Тульской губернии, подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка, осужденный за противоправительственную пропаганду среди нижних чинов. В 1878 г. на жительство в Баргузин был выслан польский дворянин Юзеф Окушко, обвинявшийся в «преступной пропаганде». Окушко «занимался токарным и слесарным мастерством, получал от казны пособие в размере 15 копеек в сутки и 1 руб. 50 коп. в месяц на квартиру»¹. К 1880-му году в Баргузине было не менее 10–15 ссыльных народников, здесь сложилась одна из первых в регионе постоянных колоний, имевшая свою столовую, на содержание которой направлялась часть денежных средств от регулярных добровольных взносов.

«...бывший секретарь Одесской думы Гернет...» – скорее всего, речь идет об Александре Христофоровиче Гернете, секретаре городского головы г. Одессы, который за связи с народниками был действительно административно выслан в 1879 г. в Забайкалье.

«...некто Горяинов, сапожник по профессии ...» – по-видимому, автор говорит об Иване Алексеевиче Горяинове, имевшем в Одессе собственную сапожную мастерскую. Административная высылка была мерой не карательной, а в большей мере превентивной, и, действительно, могла назначаться по малейшему поводу.

«... в Баргузине, где они не могли себе найти работы ...» – материальное положение политических ссыльных, конечно же, было трудным, однако не таким уж и безнадежным, как рисует автор. Каждый административно-ссыльный получал от казны денежное пособие – тогда эта цифра составляла от 72 до 114 руб. в год. Ссыльнопоселенцы по суду материальной поддержки от государства не имели, однако местные власти «закрывали глаза» на занятия таких ссыльных в качестве частных учителей, репетиторов на дому, писарей в управах и т. д. Ссыльный же, имевший рабочую специальность, и на месте поселения всегда находил себе заработок. При этом «политик» мог брать с собой в Сибирь рабочие инструменты, что даже поощрялось особой позицией Главного тюремного управления².

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 951. Л. 5.

² Сборник циркуляров, изданных по Главному Тюремному Управлению в 1879–1910 гг. Часть 1. 1879–1895 гг. № 240, 13 июля 1880 г. Издание ГТУ. С.-Петербург: Типография С.-Петербургской одиночной тюрьмы, 1911.

«... *Линев, был прежде в Америке плантатором...*» – скорее, наоборот, долгое время в Америке Линев был разнорабочим, а затем фермером на своем клочке земли.

«...*сгели не только всю провизию, но и лошадей ...*» – утверждение автора расходится с воспоминаниями беглецов, писавших, что при речных переправах были потеряны продукты, а лошади оставались целы.

«...*видно было, что они были рады, что мы их нашли...*» – автор не прав и не объективен к революционерам-народникам, стремившимся любой ценой вырваться из ссылки.

«...*отняли оружие ...*» – согласно воспоминаний бежавших, оружие им сохранили вплоть до села Читкан.

«...*все трое бежавших мужчин были в нее влюблены, из них самый молодой, студент Шамарин, был влюблен в высшей степени ...*» – скорее всего, это преувеличение. Отношения у Е. К. Брешковской сложились только с Шамариным, о чем может свидетельствовать ее письмо генерал-губернатору: «Ваше Высокопревосходительство, зная, что мне предстоит поселение в одной из отдаленнейших местностей Восточной Сибири и что такая же участь предстоит товарищам моим по последнему делу: отлучки из города Баргузина, я осмеливаюсь обратиться ... с покорнейшей просьбой: назначить мне местом ссылки тот же самый город или местность, которая назначена адм-сс-му Константину Яковлеву Шамарину. Моя личная привязанность к этому человеку, в котором, в настоящее время заключается вся семья моя – составляет для меня единственное уединение и единственный смысл жизни, какой еще остается в моем положении. ... 1881 года ноября 3го дня. Верхнеудинск»¹. Подобная же просьба поступила и от Шамарина, однако оба письма, по-видимому, остались без ответа.

«... *в ссылку в г. Вилюйск Якутской области ...*» – после возвращения из Якутской ссылки К. Я. Шамарин все-таки добился поселения в Селенгинске, где с 1884 г. отбывала наказание и Е. К. Брешковская. Между прочим, Шамарин вошел в историю Селенгинска как человек, спасший от затопления рекой, а затем разобравший и систематизировавший ценнейший городской архив XVII века.

А. А. Иванов

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 826. Л. 43–43 об.

Документы свидетельствуют

УДК 947.084(571.5)

Новиков П. А., Иркутск

**Из материалов Комиссии по делам бывших красногвардейцев
и красных партизан исполнительного комитета
Восточно-Сибирского краевого Совета рабочих,
крестьянских и красноармейских депутатов, 1934 г.**

Аннотация. Статья вводит в научный оборот воспоминания активных участников Гражданской войны в Восточной Сибири Георгия Дианова и Ивана Боброва. Материалы позволяют насытить историю реальными людьми, действующими в экстремальных условиях междоусобной борьбы, помогают глубже понять мотивы участников.

Открытая вооруженная борьба была выражением формирования власти большевиков и первоначального сопротивления этому процессу различных сил. Опыт Гражданской войны заслуживает научного и общественного осмысления. Обращение к нему важно для понимания особенностей исторического развития России и прогнозирования ее будущего.

Ключевые слова: воспоминания, участники, Гражданская война, политическое подполье, большевики, исторический источник, публикация.

Novikov P. A., Irkutsk

**From the materials of the Commission on former red guards and red
partisans of the executive Committee the Eastern Siberian region Council
of Workers, Peasants and Red army soldiers Deputies, 1934**

Abstract. The article introduces memories of active participants of the Civil war in Eastern Siberia Georgy Dianov and Ivan Bobrov into scientific circulation. Materials allow to saturate history with real people acting in extreme conditions of internecine struggle, help to understand deeper motives of participants.

The open armed struggle was an expression of the formation of the Bolsheviks' authority and initial resistance of various forces to this process. The experience of the Civil war deserves scientific and public reflection. The reference to it is important for understanding the features of Russian historical development and forecasting its future.

Keywords: memories, participants, Civil war, political underground, Bolsheviks, historical source, publication.

Преемственность – ценный общественный ресурс, который необходимо тщательно беречь и творчески развивать. К сожалению, наша страна не всегда следует принципу: «Быстро и хорошо делает не тот, кто спешит, а тот, кто не переделывает однажды уже сделанного». Нерешенные своевременно национальные задачи оборачиваются повторными, многократно более тяжелыми общественными усилиями. Только достоверное историческое знание сможет выработать у россиян четкое и ясное понимание громадной ценности национальных усилий прошлого.

В этой связи исключительную источниковую ценность представляет любое свидетельство, высказывание, документ. К сожалению, приходится признать, что советский период освещен в сохранившихся воспоминаниях весьма фрагментарно. Очевидно наличие огромных пробелов, как в общем количестве, так и в смысловом содержании именно мемуарных материалов. В советской литературе сложилась стройная система канонизации и героизации действий большевиков, сформировался набор догм и стереотипов. Официальная пропаганда бесцеремонно и потребительски обращалась с военными героями, неоднократно демонстрируя переход от трескучей похвальбы к глухому замалчиванию роли тех или иных персоналий.

Допущенные советскими историками обширные умолчания были использованы западными, а затем и частью постсоветских российских авторов, как повод для развернутой критики или огульного опровержения советской концепции. Распад СССР

разрушил многие стереотипы, низверг ценностные ориентиры, обеспечил плюрализм мнений и породил острую дискуссионность в трактовках прошлого. Исследователи получили доступ к ранее закрытым архивным материалам. В то же время реальностью стали попытки подбором негативных фактов из советского прошлого и предвзятых интерпретаций найти и задействовать рычаги политического и идеологического воздействия на современную Россию.

Гражданская война занимает особое место в истории России. Братоубийственное кровопролитие стало величайшей национальной трагедией, навсегда определило судьбу нашей страны. Открытая вооруженная борьба в России в целом и Восточной Сибири в частности была выражением как первого этапа становления власти большевиков, так и начального сопротивления различных сил этому процессу. Братоубийственная война провела бесстрастную и неотвратимую проверку людей, идей, общественного и хозяйственного уклада. Опыт государственного и военного строительства, накопленный противостоящими сторонами, не должен игнорироваться.

Вниманию представляются воспоминания Георгия Дианова и Ивана Боброва. Составленные в конце 1934 г. материалы хранятся в Государственном архиве Иркутской области, в фонде Р-820 «Комиссия по делам бывших красногвардейцев и красных партизан исполнительного комитета Восточно-Сибирского краевого Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, опись 1, дело 287 (особо ценное 15) «Воспоминания бывших красногвардейцев и красных партизан, участвующих на фронтах в Прибайкалье».

В центре содержания каждого из публикуемых текстов события Гражданской войны, нераздельным фоном которых выступает яркая и образная панорама людских судеб. Перед нами прямой и откровенный рассказ о военных перипетиях, в том числе, и с участием политических ссыльных, боевых событиях, трудовых буднях и т. д. Тексты пронизывают читателя самобытной стилистикой и риторикой, в целом уникальным «духом эпохи», не навязывая определенных выводов, позволяя делать самостоятельные умозаключения. Созданы условия, чтобы определить причинно-следственные связи и осмыслить национальный опыт. Выскажем надежду, что затронутые в настоя-

щей публикации сюжеты, найдут отражение в общественном сознании, в научной литературе, в художественном творчестве.

Итак «Рассказ и воспоминание» красного партизана Георгия Федоровича Дианова, работающего на курорте Дарасун Забайкал-Золото уполномоченным оперативного отделения УТРО (Уголовного розыска) при Управлении НКВД.

1918–1920 гг. в эти годы я еще был юношей, но много пришлось видеть страха, голода и холода. В 1917 г. в феврале месяце я был мобилизован еще кровавым Николаем II. В то время исполнилось полных 16 лет, но по наружному виду я был стойким. Поп и крестьянский начальник и волостной старшина сказали, и мой хозяин кулак Егор, что этот батрак может защищать царя батюшку и святую Русь, ибо знали меня эти люди с 6-ти летнего возраста после смерти моих родителей. Мой отец в 1905 г. за восстание казаками был запорот плетьюми до полусмерти и в Верхнеудинской тюрьме скончался, и мать от страха, голода и печали в тот же год последовала за отцом. Я остался один. Лошаденку и коровенку барин взял за долг. Сразу после отца до 10 лет я рос беспризорный. Приходилось воровать овощи летом у баб в огородах и хлеб из чуланов, когда кто и пожалует как сироту и даст кусок хлеба. Местами попадался в огороде с овощами, выдерут уши и отдерут крапивой. Прозвище мое было (Егорка Гурак). Все село знало меня и знает теперь. А поп Иван это в особенности, ибо его сына калашматил я ежедневно, за что он меня обещал выслать в колонию беспризорных и приговаривал. Там тебя, там тебя, сукиного пса, выучат. И много раз жаловался на меня уряднику Евстигнею, который пробовал иногда садить на день в каталажку.

Но когда мне стало 10 полных лет то пристав и урядник чтобы изолировать меня из села как хулигана отдали купцу кулаку Егору, который меня отправил на заимку в тайгу за 150 км от села, где я пас гусей и телят в течение 3 лет и убежать оттуда боялся диких зверей, которыми пугал и стращал хозяин Егор¹. Жил я вместе с гусями и курами и вместе спал и кушал горох, простоквашу, иногда и кашу гречневую, но и пользовался и ихними яйцами крадучи от хозяина и таким образом прожил у Егора 6 лет на заимки. После уже хозяин Егор ухвалиться не

¹ ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. Р-820. Оп. 1. Д. 287. Л. 1–2.

мог и отдал мне за честный труд красные сапоги на высоком подбое, сшил плисовые шаровары и красную кумачовую рубашу и дал зипун из бараньего меха. Хвалился мною перед попом и урядником, что Егорка Гурак исправился.

Отправляя меня на службу дали мне денег 5 руб. хозяин Егор 3 руб. и поп с урядником по 1 руб. я с товарищами прибыл в Иркутск 17 февраля и был назначен в 10 стрелковый полк¹ в военный городок в 13-ю нестроевую роту.

18 февраля 1917 г. я был командиром отделения назначен в ночные на дежурство на полковую кухню чистить картошку. Пробыв суточный наряд, возвратился в казарму на вечерней поверке спели гимн «Боже царя храни». Я петь не умел, слов не знал, но рот широко разевал, ибо фельдфебель приказывал разевать рот шире и тени за старыми солдатами. За неправильное пение не по мотиву и сильного выкрика фельдфебель мне заехал по зубам, выбил передний верхний зуб и дал мне три наряда вне очереди и сразу же после проверки приказал отвести на полковую кухню чистить картошку. На полковой кухне я обижен от старого солдата – повара Данилова Терентия не был, он мне разрешил поджарить картошки с салом и ругал фельдфебеля за то, что выбил мне зуб и говорил мне: «Еш сынок, еш, мы им когда-нибудь отомстим. Неправда будет и на нашей стороне праздник». Но боль зуба не давала кушать горячую картошку с салом. Я повару рассказал, как моего отца запороли казаки, как я рос когда остался от родителей сиротой и был беспризорным. Он меня все слушал и тяжело вздыхал и все мне говорил: «Ну погодите же вы звери, придет пара мы Вам покажем почем сотня гребешков». С этого момента у меня зародилась еще больше злобы как фельдфебель выбил мне зуб. Снова отбыв суточное дежурство вернулся в казарму с поваром Даниловым, который также был с 13-й нестроевой роты. Он мне перед проверкой наказал тихонько, чтобы во время гимна «Боже, царя храни» не пел и не выкрикивал, но рот разевал шире. Я так и сделал, во время пения гимна не пел, но рот старался разевать как можно шире, и это проверка обошлась хорошо. Но фельдфебель приказал отделенному командиру, чтобы утром в 6 часов отвести меня на полковую кухню чистить картошки. Но сейчас после проверки поставить на час под винтовку с полной выкладкой и

¹ 10-й Сибирский стрелковый запасной полк.

когда поставишь, доложи мне, я проверю и ушел рядом в комнату. Отделенный командир, слушая приказание, встал смирно, взял под козырек и громко крикнул «слушаюсь Ваше родство». Взял меня привел к пирамиде, где стояла в пирамиде учебная винтовка и висел на гвозде вещевой мешок с 4 и 12 фунтовыми кирпичиками. Приказал надеть взять винтовку на плечо и показал правила как стоять. Я стал как вкопанный и стою как пень.

Отделенный командир ушел доложить фельдфебелю об исполнении приказания зашел в комнату фельдфебеля и там пробыв минут 30 не выходили оба с фельдфебелем. От непривычного груза я меня затряслись поджилки ног и устала рука от держания винтовки, пот лил с меня градом и я был намерен упасть, как вдруг в соседней роте 9-й раздается громкое «ура» и какие то непонятные громкие выкрики и в нашу казарму с шумом ввалилось три старых солдата и заявили «мы депутаты пришли Вам объявить, что в России революция царь Николай II от престола отказался и теперь у нас Временное правительство» и крикнули «ура товарищи, долой царя»¹. В этот момент получилась суматоха, не знаю кто сдернул с меня мешок с кирпичиками и взял у меня винтовку. На улице играл духовой оркестр Марсельезу «отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног, нам не надо золотого кумира, ненавистен на царский чертог и т.д.» И я не успел оглянуться как портреты старые солдаты сорвали и потащили в уборную. Фельдфебель выбежав из своей комнаты с обнаженным клинком и требовал прекратить всякий шум, крик махая клинком и угрожая всех перерубить. Но солдаты не успокаивались и кто из солдат схватил фельдфебеля сзади свалил под себя и отобрал клинок, завязали ему руки и были выкрики солдат «бей его паразита, кровопийца и фельдфебель в толпе солдат лежал под ногами избит и с отрубленной головой. Не пропала и моя обида, хотя и на мертвом, но отыгрался, взял у одного солдата кленок, который зарубил и изрубил голову на несколько частей и труп фельдфебеля был с ненавистью солдат разъяренных был брошен туда же, куда бросили портреты семьи Николая II. В 9 часов все части гарнизона и рабочие г. Иркутска были на Тихвинской площади и митинг продолжался до 12 часов дня. Это 20-е февраля 1917 г. на ми-

¹ ГАИО. Ф. Р-820. Оп. 1. Д. 287 (ОЦ 15). Л. 3–4.

тинге выступал генерал-майор Скинский¹ и крупная буржуазия г. Иркутска, которые говорили, что война до победного конца и протестовали и возражали об освобождении полит-каторжан из тюрем. За убийство фельдфебеля чуть нам со старым солдатом Горбовым не пришлось поплатиться своей шкурой.

При начале Временного правительства, но благодаря защите всей роты и полка военно-полевому суду преданы не были, а взамен наказания были отправлены мы с Горбовым и другими на германский фронт с 1-й отходящей маршевой ротой, после сдачи г. Риги² в январе-февраля 18 г. при свержении Керенского и голосовании за № 5 и при снятии погонов в местечке Момрев(?) в 80 км от Пскова и Вендина³ еще удалось мне отыгаться на одном офицере, который при снятии с него погон пытался застрелить меня из нагана, но ему не удалось, а он последовал туда же куда и попал Иркутский фельдфебель Овсянкин. Офицер по фамилии Степанов⁴.

Наш полк именовался во время Временного правительства 70-й стрелковый Сибирский полк⁵ и после голосования за № 5 большевиков стал называться 5-й Большевистский Гатчинский полк. Ибо полк занял город Гадчин (?) и крепость его. Где был ранен и положен в красный крест. После выздоровления был отпущен по болезни на месяц домой. Ехать мне было конечно некуда, но все же поехал за Байкал, доехал до г. Иркутска, где поступил добровольцем в отряд Каландарашвили и при нажиме армии адмирала Колчака⁶, совместно с чехословаками с запада, Красноярска в Забайкалье, Чита, Верхнеудинск, Петровский завод свирепствовал атаман Семенов. Нашему отряду было распоряжение отступить к Монгольской границе Кяхта к г. Тро-

¹ Так в тексте, до 7 марта 1917 г. Иркутским военным округом командовал генерал от инфантерии Я. Ф. Шкинский, затем полковник П. Г. Фелицын.

² Рига оставлена русскими войсками 21 августа 1917 г.

³ Венден (ныне Цесис) в 90 км северо-восточнее Риги.

⁴ ГАИО. Ф. Р-820. Оп. 1. Д. 287 (ОЦ 15). Л. 5.

⁵ Полк входил в 18-ю Сибирскую стрелковую дивизию, сформированную на Северном фронте силами 6-го Сибирского армейского корпуса к январю 1917 г.

⁶ Армии адмирала Колчака еще не было, А. В. Колчак стал военным и морским министром Временного Всероссийского правительства 5 ноября 1918 г. Летом 1918 г. в Прибайкалье действовали части антибольшевистской Сибирской армии под общим командованием полковника А. Н. Гришина-Алмазова, непосредственным руководством полковника Р. И. Гайды и подполковника А. Н. Пепеляева.

ицкосавск. Проходя старо-Московским трактом станцию Мысовая, Слюдянка наш отряд в 1500 человек принял бой и был почти разбит. 12 человек как я молодежи от большого отряда находились 3 суток в тайге в густом кедраче без хлеба, питались ягодой, но на 4-й день решили выйти в жилое место, но попали обратно же на ст. Мысовая, где чехи нас прибрали к рукам, посадили в красные товарные вагоны обмундирование не поменяли с нас снять, оставили в одном белье и отвезли в Верхнеудинскую тюрьму. Рассадили по разным камерам и только со мной в одну камеру в самый нижний этаж угодил из отряда Соболев Мишка. В 2-е дни нас Семеновские офицера выгоняли по 2-3 раза на допросы и пытки. После 2-х месяцев нас перебросили ст. (Дивизионная Березовка) в лагерь где охраняли строго Колчаковские солдаты и Японцы. Я просидел там 11 ½ месяцев, откуда в удобный момент пришлось бежать к нашим героям красным партизанам в отряд Таколина Прокопия. С этого времени я стал на защиту пролетариата и трудящегося крестьянства Забайкалья. В скором времени был активным взятия г. Верхнеудинска Читы и доходили до самой Маньчжурии. Здесь приходилось многое и многое пережить пока не ликвидировали всю реакцию из пределов Забайкалья и Дальнего Востока.

В годы борьбы с классовым врагом кулачества я также был активным участником по раскулачиванию казаков и в подавлении кулацких восставших банд против Советской власти в 1929-30 гг. кулацкая банда восстала в количестве 250 человек в с. Тыргетуй Карымского района Восточно-Сибирского края. Банда убила героя бывшего командира красных партизан товарища Пакулина (Пакулова) Феодосия, ну и тут я не был пассивным бойцом, отомстил за героя бойца товарища Пакулова кулакам. Своеручно зарубил 2-х касмачей¹ кулаков. С 1930 г. последнее время борюсь с классовым врагом и уголовным преступным миром на милицейском посту и буду бороться до полного социализма.

Воспоминания бывшего члена подпольной организации и члена Кударинского Революционного штаба Ивана Боброва, проживавшего в 1934 г. в с. Кудара:

Я, начиная свое посвящение по памяти, не могу ручаться за точность дат времени, ибо материалы за такое долгое время не

¹ Автор, вероятно, имел в виду ношение кулаками больших бород.

сохранились то в связи с арестами семеновской охранкой, то ввиду отобрания оставшихся приезжавшим из Иркутского Губкома в 1923 г. инструктором товарищем Плешаковым Михаилом Григорьевичем. Якобы для испарта – как они использованы неизвестно¹.

А они бы дали полное освещение участие бывшего Селенинского уезда в свержении самодержавия, бывшего Усть-Селенгинского района в партизанском движении, значит теперешнего Кабанского района в целом, в частности главного центра партизанского восстания Прибайкалья – это села Кудара откуда исходила руководящая роль Кударинского революционного Штаба всей борьбой с контрреволюцией и интервенцией от Бугульдейки, Истока, Посольска, Кабанска, Татаурово до г. Верхнеудинска.

Для восстановления периода начала Русско-Германской войны способствовавшего усилению революционной деятельности находившиеся в Кударе политической ссылки в лице Плиса (Андрея Кирилловича, председателя в 1917 г. Кударинского волостного совета крестьянских и солдатских депутатов), Боброва (член совета и секретарь, «наиболее престарелый»), Петрова Ф.С. и других имевших связь с Верхнеудинскими большевиками, как Трофимов-Петров С.Т., Серов В.М. и проч. Была организована в 1914 г. подпольная организация социал-демократов интернационалистов, ведшая работу по разъяснению среди населения бесполезности и пагубности начатой самодержавием Русско-Германской войны и по подготовке свержения самодержавия.

Работа была кропотливая, успеха большого не дававшая. Помню в нашу организацию из местных жителей был втянут бывший рассыльный тогдашнего Кударинского волостного правления молодой паренек из бедняков Любимский Андрей Григорьевич, который оказывал нашей организации ценный услуги по связи с Кабанском, где было единственное почтовое отделение.

Работать приходилось под не дремавшим оком урядника и особых полицейских надзирателей контролировавших всякий шаг «варнаков» как они называли нас ссыльно-поселенцев, да к тому же и большинство жителей Кудары, торгового села, состо-

¹ ГАИО. Ф. Р-820. Оп. 1. Д. 287 (ОЦ 15). Л. 22–23.

явшая из торговцев и башлыков, неводных и сетовых артелей враждебно относившихся к «сицилистам варнакам» отвергающим Бога и царя.

Но как ни медленно была прививаема зараза нашей организацией и на войну призываемые хотя и шли, но уже не с такой глухой повязкой на глазах, а многие шли, чтобы и в окопах вести работу среди солдат за свержение ненавистного самодержавия и за отказ от войны, таковыми нашими помощниками на фронте из Кударинцев были: Старостин Игнатий Константин (с фронта приехал как член Петроградского ЦИК), Тагурин Вас. Андреян, Балдаков Иван Алексеевич, Печкин Вас. Федор. кои и на фронте после развала его и после свержения самодержавия были или в полковых или в ротных комитетах, а вернувшись с фронта помогали организовывать Советы в деревнях, селах и улусах бывших Кударинской и Думской (Корсаково) волостях после свержения царя.

Так Советская власть укреплялась в нашей местности с помощью Красной гвардии организованной приезжавшими из Иркутска товарищем Бахаевым и поручившим вести вербовку местному совету для чего были выделены Плис, Бобров и Калашников Ипат. Нами завербованы были товарищи близко стоявшие к нам – Докичев Михаил Ив., Никонов Сидор, Агеев Александр, Коркин и другие, кои с прибытием отряда Фролова, влившись в него выбыли из поля нашего зрения....

В Кудару после свержения Советов прибыл в июне 1919 г.¹ Смешанный отряд колчаковско-семеновских войск совместно с чехословаками под командой офицера Устьянцева – сын кулака из д. Быковой для выявления большевиков и красногвардейцев. Созвано общее собрание деревень бывшей Кударинской волости в большом помещении школы для выборов новой власти – земской управы и выдачи большевиков. Зная это, Плис и другие товарищи скрылись в тайгу, а я по болезни оставался в Кударе и был приведен на собрание для суда совместно с Литвиным Давидом, торговавшим мясом, которому ставили в вину то, что он снабжал мясом большевиков.

¹ Так в тексте, но, очевидно, что описанные события происходили в августе 1918 г. Семеновцев в Западном Забайкалье в это время еще не было, как и колчаковцев (см. примечание 6 на стр. 587).

Кулацко-черносотенное охвостье как Кудары, а особенно Оймуре – требовало нашего расстрела, особенно из Оймурцев. Настаивал на этом кулак Карнышев. Имени его не упомяну, но кричавший настойчивым писклявым тоненьким голосом. За разбившимися мнениями на упомянутом собрании определенного решения принято не было, но руководитель отряда белых офицер Устьянцев дал такой приказ председателю выбранной земской управы Ключаеву Андрею Ивановичу тоже белому офицеру, чтобы собрать всех большевиков в Кударе, поставить их под одну пулю, чтобы на такую мразь не тратить лишних патронов. Так кончилась Советская власть в Кударе и снова кударинские большевики в подполье начали вершить новую работу по подготовке вооруженной борьбы¹.

Кулачье, видя сохранность от расстрела большевиков, пыталось выдать товарища Старостина Игнатия, но того удалось снабдить подложным паспортом и тот благополучно добрался до Амурского партизанского отряда. Меня, как наиболее престарелого, а стало быть и менее опасного и к тому же имевшего некоторый авторитет председатель Земской Управы Ключаев взял к себе в управу писцом, но бывший в управе секретарем охранник Титов, впоследствии Кударинским революционным Штабом расстрелянный, выдал и я в июле 1919 г. был арестован, отправлен в Верхнеудинск в распоряжение корпусного суда 5-го Приамурского отдельного атамана Семенова корпуса же после допросов в штабе отдельной маньчжурской дивизии продержали меня двадцать дней, грозя и пытая, чтобы я выдал соучастников. Недобившись – освободили под поручительство хорошего моего знакомого ранее служившего волостным писарем в Кударинском волостном правлении Мокеева, с коим мы в 1917 г. в городе Верхнеудинске организовывали профессиональный союз Советско-торговых служащих. Такое удачное возвращение в Кудару поступил сельским писарем в 1-й участок Кудары, снова связавшись с товарищами подпольной организации, которая за мое отсутствие пополнилась вновь принятыми местными жителями и прибывшим в Кудару после неудачного покушения на атамана Семенова в Чите учеником Читинской семинарии Нелюбиным Адрианом, скрывавшимся от преследо-

¹ ГАИО. Ф. Р-820. Оп. 1. Д. 287 (ОЦ 15). Л. 25–26.

вания. В нашей подпольной организации стоял остро вопрос о приобретении оружия.

В июле 1919 г. японцы выставили заставу из 4 человек в д. Пашино через р. Селенга по направлению к Кударе. Подпольщики: Светлов и его жена, Лебедев, Капустин (д. Кычино) и Аксенов-Диденко (сын ссыльно-поселенца татарина Андрея Аксенова теперь умершего) (д. Пашино) убили 2 японцев и захватили оружие других, пришли в свой отряд на ст. Селенга. Была выделена карательная экспедиция по розыску убийц по деревням и в тайге. Встреченная хлебом-солью 2 суток простояла в Кударе, затем на обратной дороге дошла до д. Сухой в 50 верстах. Узнав, что в улусе Дулан скрывались подпольщики, но не были обнаружены. В тайге схватили Соболева Григория Лукича и Аксенова-Диденко, арестовали, через Кудару на ст. Селенга, а затем в Верхнеудинск. Пытали, первый потом бежал, второй расстрелян.

Дальнейшая работа подпольной организации протекала под руководством членов Верхнеудинского комитета в лице тов. Петрова-Трофимова Г.Т. и проходила по сколачиванию основного ядра отряда и его вооружению. Принимались только проверенные товарищи, коим давались поручения по выявлению оружия у населения, что ими выполнялось успешно вплоть до списания номеров оружия. Одновременно члены организации были вкраплены во все деревни заречного района для вербовки надежных бойцов, что шло как в русских деревнях, так и бурятских улусах. Причем надо отметить, что в русских деревнях успешнее, это видимо, то есть не успешность в бурятских улусах происходила от незнания бурятского языка и во-вторых, что в бурятских улусах раньше нас были вербовщики атамана Семенова, а незадолго до этого был слух, что сам Семенов разъезжал по улусам Корсаковской, Бурятской земской управы. Из бурят были завербованы в наш партизанский отряд двое – один житель улуса Дологон Бултаев (?) Данила и житель Корсакова Хамаганов Иван. Первый был информатором, а второй бойцом принимавшим участие в боях до пределов Маньчжурии.

Такая подготовка шла до января 1920 г., когда стало известно, что разбитые Красной армией войска Каппеля двигаются на восток и отряды достигли Иркутска и вторжения их за Байкал угрожают всему Забайкалью. На собрании нашей подпольной

организации в д. Быковой в доме нашего же подпольщика было решено поднять восстание для совместных действий с партизанскими отрядами Семейских районов в ночь на 11 января. Боевая дружина организации, разделенная на два отряда, арестовав в Кударе и Кабанске одновременно власть земских управ и милицию, в Кабанске пытавшуюся оказать вооруженное сопротивление, где были убиты 2 милиционера, отобрав оружие у них, а также у кулацкой части торговцев и попов. В Кударе арест и разоружение проводил Плис с отрядом из Кударинских и Быковских подпольщиков, в Кабанске – Светлов с отрядом Фофановских, Кычинских, Горбовских подпольщиков.

В Кударе избран Военно-революционный штаб – начальник штаба и военной части бывший штабс-капитан царской армии Иванов-Римский Василий Иванович. По политической части помощником начальника Плис Андрей Кирилл. Боевой дружиной Светлов до полного формирования, после командование передано товарищу Данилову (бывшему офицеру царской армии)¹.

Отправляя свои заметки, автор сопроводил их таким обращением «Дорогие товарищи ! Посылаю свое воспоминание, если найдете достойным – поместите, если же не пригодно, прошу возвратить, так как с отсылкой не оставил себе копии и тогда не буду иметь и такого материала. Мною дана просьба к товарищам нашим Кударинцам, чтобы писали и они и слали свои воспоминания. С товарищеским приветом Бобров Иван».

Ответ: «Уважаемый товарищ Бобров, Ваш материал (воспоминания) нами получены и будут использованы в сборнике воспоминаний издаваемый Исполкомом Крайкома ВКП (б). За присланные воспоминания сердечно благодарим. Копию воспоминаний пи этом препровождаем. Предкомиссии Порошин, инструктор Черкашин»².

¹ ГАИО. Ф. Р-820. Оп. 1. Д. 287 (ОЦ 15). Л. 27–29.

² Там же. Л. 20–21.

Сведения об авторах

Information about the author

Ануфриев Александр Валерьевич, старший преподаватель кафедры истории России, Иркутский государственный университет, 664046, Иркутск, ул. К. Маркса, 1; старший научный сотрудник Музея истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова, e-mail: nnnadezhda@mail.ru

Alexander Anufriyev, Senior Teacher of the Department of History of Russia, Irkutsk State University, 664046, Irkutsk, K. Marx Str., 1; Senior Researcher of the Museum of History of Irkutsk named after A. M. Siberian, e-mail: nnnadezhda@mail.ru

Башкуев Всеволод Юрьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия. E-mail: vbashkuev@gmail.com

Bashkuev Vsevolod Yurievich, Doctor of Sciences in History, leading research fellow of the Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia. E-mail: vbashkuev@gmail.com

Бедулина Ирина Павловна, Иркутский областной художественный музей им. В. П. Сукачёва (г. Иркутск), кандидат исторических наук, главный библиотекарь. E-mail: ipbedulina@mail.ru

Bedulina Irina Pavlova, Irkutsk Regional Art Museum named after V. P. Sukachyova (Irkutsk), Candidate of Historical Sciences, Chief Librarian. E-mail: ipbedulina@mail.ru

Бобков Анатолий Кириллович, кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента ИФИЯМ ИГУ.

Bobkov Anatoly Kirillovich, candidate of historical sciences, associate Professor of the Department of journalism and media management, Institute of Philology, foreign languages and media management, Irkutsk State University.

Васильева Наталья Федоровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, истории и регионоведения Иркутского государственного университета. Российская Феде-

рация, 664025, город Иркутск, ул. Чкалова, 2, каб. 215. E-mail: vasil.nf@mail.ru

Vasileva Natalia Fedorova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science, History and Regional Science of the Irkutsk State University. Russian Federation, 664025, Irkutsk, Chkalova str., 2, kab. 215. E-mail: vasil.nf@mail.ru

Гарашенко Алексей Николаевич, историк, старший научный сотрудник, Музей истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова, Российская Федерация, 664007, Иркутск, ул. Франк-Каменицкого, 16 а, e-mail: ieditor@yandex.ru

Aleksey N. Garashchenko, historian, senior researcher, Museum of Irkutsk City named for A.M. Sibiriyakov, 16a Frank-Kamenetsky Str., Irkutsk, 664007, Russian Federation. e-mail: ieditor@yandex.ru

Гарашенко Любовь Витальевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, e-mail: glovevita@mail.ru

Liubov V. Garashchenko, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the chair pedagogics Irkutsk State University, 1, Karl Marx str., Irkutsk, 664003, Russian Federation, e-mail: glovevita@mail.ru

Гонсалес Джон Антонио, доктор наук, директор Исторического научного центра Рожкова (Новый Южный Уэльс, Австралия). www.rozhkovcentre.org

John Gonzalez, Director, Rozhkov Historical Research Centre. www.rozhkovcentre.org

Гулин Алексей Степанович, соискатель научной степени кандидата исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, e-mail: asgulin@mail.ru

Aleksey S. Gulin, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, e-mail: asguiln@mail.ru

Дамешек Лев Михайлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Иркутский государственный университет (Иркутск). E-mail: levdameshek@gmail.com

Dameshek Leo Mikhail, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History of Russia of the Irkutsk State University (Irkutsk). E-mail: levdameshkek@gmail.com

Дементьев Александр Петрович, старший преподаватель, кандидат исторических наук, Сибирский федеральный университет, Российская Федерация, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79, e-mail: dementjev.ap@yandex.ru

Alexander Dementyev, Senior Lecturer, Candidate of Historical Sciences, Siberian Federal University, Russian Federation, 660041, Krasnoyarsk, etc. Free, 79, e-mail: dementjev.ap@yandex.ru

Жалсанова Бутит Цыдымункуевна, доктор исторических наук, директор Государственного архива Республики Бурятия (Улан-Удэ). E-mail: butit62@mail.ru

Jalsanova Butit Tsydypmunkuiyevna, Doctor of Historical Sciences, Director of the State Archive of the Republic of Buryatia (Ulan-Ude). E-mail: butit62@mail.ru

Зиновьев Василий Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории, Национальный исследовательский Томский государственный университет. E-mail: vpz@tsu.ru

Zinovyev Vasiliy Pavlovich, doctor of historical Sciences, Professor of the Department of Russian history of the National research Tomsk state University. E-mail: vpz@tsu.ru

Иванов Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии, истории и регионоведения исторического факультета, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2. Эл. адрес: ottisk@irmail.ru

Ivanov Alexander Alexandrovitch, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Political Science, History and Regional Science of the Faculty of History of the Irkutsk State University, Irkutsk, Chkalova Str., 2. Al. Address: ottisk@irmail.ru

Иванов Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России, Сургутский государственный университет; доцент, эл. адрес: 88d@bk.ru

Ivanov Aleksander Sergeevich – candidate of historical sciences, senior lecturer, Department of History of Russia, Surgut State University, e-mail: 88d@bk.ru

Калихман Аркадий Давидович, профессор, доктор физико-математических наук, сотрудник ФГБУ «Заповедное Прибайкалье», эл. адрес inba@irk.ru

Kalichman Arkadiy Davidovich, Professor, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Employee of FSSU «Reserve Pripikayalye», e-mail inba@irk.ru

Кальмина Лилия Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. Эл. почта: kalminal@gmail.com

Kalmina Lilia Vladimirovna, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. E-mail: kalminal@gmail.com

Козлов Дмитрий Викторович, к.и.н., доцент кафедры мировой истории и международных отношений, директор Межрегионального института общественных наук при ИГУ, Иркутский государственный университет, 664046, Иркутск, ул. К. Маркса, 1, e-mail: dvk@home.isu.ru

Kozlov Dmitry Victorovich, Professor of World History and International Relations, Director of the Interregional Institute of Social Sciences at IGU, Irkutsk State University, 664046, Irkutsk, K. Marx str., 1, e-mail: dvk@home.isu.ru

Коновалова Ольга Викторовна, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Сибирский юридический институт МВД РФ, г. Красноярск, olgav-k@yandex.ru

Konovalova Olga Viktorovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnoyarsk, olgav-k@yandex.ru

Кудряшов Василий Васильевич, к.ист.н., доцент базовой кафедры истории, педагогики и психологии, Братский государ-

ственный университет, 665709, г. Братск, ул. Макаренко, 40, e-mail: vas60kud@mail.ru.

Kudryashov Vasily Vasilyevich, PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Chair of History, Pedagogic and Psychology, Bratsk State University, 40, Makarenko st., Bratsk, 665709, e-mail: vas60kud@mail.ru.

Кузнецов Михаил Юрьевич, соискатель ученой степени кандидата исторических наук кафедры истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия. E-mail: Arina_2001@mail.ru

Mikhail Kuznetsov, candidate of the academic degree of the Department of History and Philosophy of the Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia. E-mail: Arina_2001@mail.ru

Кузнецов Сергей Ильич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой истории и международных отношений исторического факультета, Иркутский государственный университет, Иркутск, ул. Чкалова, 2. Эл. адрес: s.kuznetsov@mail.ru

Kuznetsov Sergey Ilyich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of World History and International Relations of the Faculty of History of the Irkutsk State University, Irkutsk, Chkalova Str., 2. Al. Address: s.kuznetsov@mail.ru

Кузнецова Мария Сергеевна, магистрант исторического факультета, Иркутский государственный университет, Иркутск, ул. Чкалова, 2. Мэйл: markuz97@mail.ru

Kuznetsova Maria Sergei, Master of History Faculty of Irkutsk State University, Irkutsk, Chkalova Str., 2. Mail: markuz97@mail.ru

Курас Леонид Владимирович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ). E-mail: kuraslv@yandex.ru

Kuras Leonid Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Institute of Mongovernment,

Buddhism and Tibetan Science of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude). E-mail: kuraslv@yandex.ru

Курас Софья Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры таможенного дела и правоведения, Иркутский государственный университет путей сообщения, kuras@list.ru

Kuras Sofya Leonidovna, Cand.Sci. (Hist.), associate professor, Irkutsk State Transport University, department of customs and legal studies, kuras@list.ru

Курас Татьяна Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, tanya_kuras@mail.ru

Kuras Tatyana Leonidovna, Cand.Sci. (Hist.), associate professor, the Chair of Justice, Law Institute, Irkutsk State University, tanya_kuras@mail.ru

Логачева Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Государственно-правовые дисциплины» Пензенского государственного университета. Эл. почта: logachevan@gmail.com

Logacheva Natalya Viktorovna, candidate in historical sciences, associate professor at the department of state and legal disciplines of the Penza State University. E-mail: logachevan@gmail.com

Малыгина Ольга Анатольевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, институт Внутренней Азии, Бурятский государственный университет. Эл. почта: kirienko-o@mail.ru

Malygina Olga Anatolyevna, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, the Institute for Inner Asia, Buryat State University. E-mail: kirienko-o@mail.ru

Матрас Матильда, докторант Женевского университета, преподаватель истории России. Эл. почта: Mathilde.Matras@unige.ch

Mathilde Matras is a doctoral student at University of Geneva, lecturer in the history of Russia. E-mail: Mathilde.Matras@unige.ch

Матханова Наталья Петровна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт истории Си-

бирского отделения РАН. 630090, Российская Федерация, город Новосибирск, ул. Николаева, дом 8, e-mail: istochnik_history@mail.ru

Matkhanova Natalia Petrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 630090, Russian Federation, Novosibirsk, Nikolayeva str., house 8, e-mail: istochnik_history@mail.ru

Милевский Олег Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории «Исторических исследований», Сургутский государственный педагогический университет. Эл. почта: olegmilevsky@mail.ru

Milevsky Oleg Anatolievich, Doctor of History, Associate Professor, chief researcher of the laboratory of «Historical research» of Surgut State Pedagogical University. E-mail: olegmilevsky@mail.ru

Мильбах Владимир Спартакovich, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Михайловская военная артиллерийская академия. 195009, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Комсомола, д. 22, e-mail: v.milbach@yandex.ru

Milbach Vladimir Spartakovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the Mikhail Military Artillery Academy. 195009, 22 St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: v.milbach@yandex.ru

Негода Николай Васильевич, заместитель начальника факультета, Михайловская военная артиллерийская академия. 195009, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Комсомола, д. 22, e-mail: nnehoda66@mail.ru

Negoda Nikolai Vasilevich, Deputy Head of the Faculty of the Mikhail Military Artillery Academy. 195009, 22 St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: nnehoda66@mail.ru

Никулина Ирина Николаевна, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой «История Отечества», Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, Барнаул, Россия; электронный адрес: innikulina@mail.ru

Nikulina Irina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department «History of the Fatherland», Altai State Technical University named after I. I. Polzunov, Barnaul, Russia; Email address: innikulina@mail.ru

Новиков Павел Александрович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет. Эл. почта: novikov710@yandex.ru

Novikov Pavel Alexandrovitch, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Philosophy of the Irkutsk National Research Technical University. Al. Mail: novikov710@yandex.ru

Петрушин Юрий Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук, Иркутский государственный университет путей сообщения, эл. почта yurypetrushin@mail.ru

Petrushin Yuri Alexandrovitch, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Social and Human Sciences of the Irkutsk State University of Communication yurypetrushin@mail.ru e-mail.

Пономарева Наталия Сергеевна, главный библиограф отдела библиографии ИОГУНБ им. И. И. Молчанова-Сибирского, председатель Иркутского общества «Родословие», natussa-irk@yandex.ru

Natalia Ponomareva, Chief Bibliographer of the Department of Bibliography of IOGUNB named after I. I. Molchanov-Siberian, Chairman of the Irkutsk Society «Pedigree», natussa-irk@yandex.ru

Савилов Александр Андреевич, соискатель кафедры политологии, истории и регионоведения, Иркутский государственный университет; эл. адрес: aleks-savilov@yandex.ru

Savilov Aleksandr Andreevich, applicant of the department of Politology, history and regional studies of Irkutsk state university: aleks-savilov@yandex.ru

Сальникова Елена Сергеевна, к. и. н., доцент кафедры истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет. E-mail: E.S.1856@mail.ru

Salnikova Elena, Candidate of History, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, E.S.1856@mail.ru

Семенов Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии и культурного наследия, Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ), sew11@mail.ru

Semenov Evgenii Vladimirovich, East-Siberian State Institute of Culture (Ulan-Ude), candidate of historical sciences, associate professor department of museology and heritage, sew11@mail.ru

Скоробогатова Наталья Николаевна, старший научный сотрудник отдела фондов историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское», natskorobogatowa@yandex.ru

Skorobogatova Natalia, Senior Researcher, Foundations Department Historical-ethnographic Museum-reserve, 662713, Russia, Krasnoyarsk region, Shushenskoe, Street New, 1, natskorobogatowa@yandex.ru

Суверов Евгений Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Барнаульский юридический институт МВД России, suverovev69@mail.ru

Soverov Eugene Vasilevich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of the State and Law of the Barnaul Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, suverovev69@mail.ru

Терновая Ирина Ивановна, Иркутский областной художественный музей им. В. П. Сукачева, г. Иркутск, ул. Ленина, 5, заместитель директора по научной работе, заслуженный работник культуры Российской Федерации. Эл. почта: ternovaya_irra@mail.ru

Ternovaya Irina Ivanova, Irkutsk Regional Art Museum named after V. P. Sukacheva, Irkutsk, Lenin Str., 5, Deputy Director for Scientific Work, Honored Worker of Culture of the Russian Federation. E-mail: ternovaya_irra@mail.ru

Титов Андрей Анатольевич, заместитель начальника по военно-политической работе, Михайловская военная артиллерийская академия. 195009, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Комсомола, дом 22.

Titov Andrei Anatolyevich, Deputy Head for Military-Political Work of the Mikhail Military Artillery Academy. 195009, Russian Federation, St. Petersburg, Komsomola Str., 22 House.

Шиловский Михаил Викторович, доктор исторических наук, профессор, Новосибирский государственный университет, заведующий сектором, Институт истории СО РАН, г. Новосибирск. Электронный адрес: istorik.novosib@gmail.com

Shilovsky Mikhail Victorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of Novosibirsk State University, Head of the Sector of the Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk. Email address: istorik.novosib@gmail.com

Оглавление

Предисловие. Наш очередной выпуск	3
---	---

Проблемы историографии, источниковедения и археографии

Васильева Н. Ф. К вопросу о редакционно-издательской деятельности Общества политкаторжан	7
Гулин А. С. Современная зарубежная западная историография о сибирской ссылке участников польского восстания 1863–1864 гг.	23
Иванов А. А., Кузнецов С. И. Польская тема на страницах сборника научных статей «Сибирская ссылка»	38
Курас Т. Л., Курас С. Л. Фонды Российского государственного исторического архива как источник по изучению судостроительства и судопроизводства в Российской империи второй половины XIX – начала XX вв.	52

Вопросы уголовного законодательства и права

Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В., Следственные дела в отношении должностных лиц местного самоуправления бурят (XIX – начало XX вв.)	70
Савилов А. А. Система снабжения политических ссыльных Иркутской губернии казенным пособием в 1860–1900-е гг.: правовые основы и особенности развития	96

Правоохранительные и пенитенциарные структуры досоветской Сибири

Иванов А. А. Жандармская полицейская служба Забайкальской железной дороги в начале XX в.: организация и формы работы	113
--	-----

Кальмина Л. В., Малыгина О. А. «Забайкальская область находится в исключительных условиях развития преступности...» (Военный губернатор Забайкалья в системе управления ссылкой)	133
---	-----

Коновалова О. В. Полицейская стража в правоохранительной системе Енисейской губернии в начале XX в.	149
--	-----

Кузнецов М. Ю. Иркутская конвойная команда: страницы истории (1877–1918).....	163
--	-----

Политическая и уголовная ссылка XVII – начала XX в. и сибирское общество

Бобков А. К. Декабристы и М. Ю. Лермонтов: к вопросу об идейных и нравственных связях в период ссылки на Кавказ	182
---	-----

Матрас М. Из истории участия ссыльных народников Якутска в Сибиряковской экспедиции	190
--	-----

Сальникова Е. С. Из истории повседневной жизни ссыльных: маршрут следования и занятия в местах отбывания ссылки во второй половине XIX в.	204
--	-----

Научные проблемы изучения ссылки поляков в Сибирь

Гулин А. С. К исследовательской проблеме о численности сосланных в Восточную Сибирь в каторжные работы участников польского восстания 1863–1864 годов	218
---	-----

Логачева Н. В. Политическая ссылка участников Польского восстания 1863 г. (католических священников) в Пензенскую губернию в 1870–1890-е годы	235
---	-----

Семенов Е. В. Взаимоотношения польских политических ссыльных в Забайкалье в 60–70-е годы XIX в.....	240
---	-----

Скоробогатова Н. Н. Особенности размещения и социально-экономического положения польских политических ссыльных в сельской местности Енисейской губернии	257
---	-----

Пенитенциарная и карательная система советской Сибири

Башкуев В. Ю. Литовские спецпоселенцы в Бурят-Монголии (1948–1960 гг.): медико-санитарный аспект	271
--	-----

Сибирская ссылка

Иванов А. С. Ссылные крестьяне и война: труд на спецпоселениях Югры (1941–1945 гг.).....	291
Суверов Е. В. Функционирование исправительно-трудовых колоний в Красноярском крае (в 30-е годы XX века)	306

Репрессивная политика Советского государства в Сибири

Дементьев А. П. Репрессивная политика «первой советской власти» в Енисейской губернии.....	319
Петрушин Ю. А. Между белым и красным террором: Куйтунское сельское общество в годы гражданской войны	329

История интернирования и военного плена

Ануфриев А. В., Козлов Д. В. Конфликты администрации и военнопленных в лагерях Восточной Сибири в 1914–1918 гг. (по материалам Российского военно-исторического архива и Государственного архива Иркутской области)	342
--	-----

Исторические портреты

Джон Антонио Гонсалес, Кузнецова М. С. Публицистическая деятельность Н. А. Рожкова в сибирской ссылке	355
Кудряшов В. В. Виктор Мандельберг на II съезде РСДРП	367
Милевский О. А. «Мы жертвою пали...»: ссыльная биография Константина Филиппова	381
Никулина И. Н. Политический ссылный Б. Ф. Калиновский в Бийске (60-е гг. XIX в.).....	399
Мильбах В. С., Негода Н. В. Судьба четырежды орденоносного комдива К. П. Ушакова	406
Мильбах В. С., Титов А. А. Дивизионный комиссар Л. И. Бочаров: «На суде я решил умереть, но сказать правду...»	411
Бедулина И. П. Возвращенный из забвения: Константин Константинович Пантелеев-Киреев (1891–1945) – первый хранитель национализированной картинной галереи В. П. Сукачёва	415

Памятники революции, каторги и ссылки

Гарашенко А. Н., Гарашенко Л. В. Ремесленная слобода в Иркутске как результат пенитенциарной политики государства.....	431
Терновая И. И. «На пути к Октябрю»: памятники истории социал-демократической организации в Иркутске.....	450
Шиловский М. В. Здания тюрем Нерчинского каторжного комплекса в конце XIX – начале XX в.	468

Семейный архив

Зиновьев В. П. «10 гусенят» – спецпереселение глазами участников	478
Пономарева Н. С. Политические репрессии 1930-х годов в СССР как предмет современных генеалогических исследований	498

Мемуары, дневники

Калихман А. Д. Дневник Бенедикта Дыбовского: политическая ссылка, иркутские страницы	523
Матханова Н. П. Воспоминания А. В. Глинского о побеге из Баргузина Е. К. Брешко-Брешковской и ее товарищей и их поимке.....	570

Документы свидетельствуют

Новиков П. А. Из материалов Комиссии по делам бывших красногвардейцев и красных партизан исполнительного комитета Восточно-Сибирского краевого Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, 1934 г.	581
Сведения об авторах. Information about the author.....	594

СИБИРСКАЯ ССЫЛКА

Сборник научных статей
Выпуск 9 (21)

Издательство «Оттиск»
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998
Подписано в печать 11.12.2019 г.
Гарнитура SchoolBook
Формат 62х94 1/32

Отпечатано в типографии «Оттиск»
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 34,96. Уч.-изд. л. 33,3.
Тираж 300 экз. Заказ № 00377.
664025, г. Иркутск, ул. Пятой Армии, 26.
Тел./ факс: (3952) 34-32-34, 241-242.
E-mail: ottisk@irmail.ru
www.ottisk-irk.ru